
30 2/165 1775 т. 3

ИСТОРІЯ
о
бывшихъ перемѣнахъ
въ
Римской Республикѣ

сочиненія

Г. *Абата Вертота,*

Члена Французской Академіи Надписей и словесныхъ Наукъ въ Парижѣ.

переведена съ Французскаго

Ипполитомъ Богдановичемъ.

Томъ третій

Цѣна 120 коп.

Въ Санктпетербургѣ

при Императорской Академіи Наукъ

1775 года.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Отъ Англинскаго Посланника Милорда Станола, Штатскаго Секретаря.

Исторія Господина Аббата Вертота, о Римскихъ перемѣнахъ, произвела въ нѣкоторыхъ людяхъ любопытство, вѣдать обо всемъ что касается до древняго правленія сей Республики. Они просятъ Господина

❧ ☙

Вертота сообщить имЪ свои мысли о такихЪ вещахЪ, кои не довольно изЪяснены новыми Историками, писавшими о РимскомЪ Правленіи.

Желательно вѣдать какое было общее и обыкновенное право вЪ Римѣ, вЪ четырехЪ или пяти перьвыхЪ вѣкахЪ Республики, которое давало ЧинЪ Сенатора?

Кажется что изЪ самыхЪ древнихЪ времянЪ сей Области, Достоинство Консульское, и можетЪ быть что вЪ послѣдствіи Преторское и другія Достоинствы, давали тѣмЪ кои ихЪ имѣли, право на всю ихЪ жизнь присудствовать вЪ Сенатѣ. Из-

Извѣстно что въ перьвыхъ вѣкахъ были только одни Патрикїи въ Сенатѣ; но недостаетъ къ свѣденїю, по какому уставу или по какой власти иные Патрикїи были Сенаторами, тогда какъ великое число другихъ Патрикїевъ не имѣли участїя въ семъ преимуществѣ? Было ли въ томъ какое право наслѣдства или перьворожденїя? Желательно такъ же вѣдать, что Ценсоры, а прежде установленїя сего Чина Консулы, имѣлиль право приобщать въ Сенатъ тѣхъ Патрикїевъ кого хотѣли, для уполне-

нїя порожжихъ мѣстъ въ Сенатѣ?

Извѣстно что послѣ второй Пунической войны, поставленъ былъ Диктаторъ для уполненїя Сената, которой оставался малочисленъ; но сїе произшествїе не только не служитъ къ разрѣшенїю сумнѣнїй по сему вопросу, но еще болѣ ихъ умножаетъ; ибо можно заключить, что въ Римѣ не было общаго и обыкновеннаго права, для уполненїя порожжихъ мѣстъ въ Обществѣ Сената, по колику надлежало прибѣгать для сего къ чрезвычайному постановленїю Диктатора. Уче-

Ученой и вѣжливой Сочинитель Исторіи о Римскихъ перемѣнахъ, конечно можетъ не только рѣшить сіи сумнѣніи, но дать еще Свѣту справедливыя свѣденіи и о всемъ томъ что касается до установленія правъ и преимуществъ Сената, и всего Патрическаго Общества.

1 Декабря 1719.

ОТВѢТЪ
на предложеніе Англинскаго Посланника въ Парижѣ.

Меня обязываютъ отвѣтствовать на разные вопросы,

кои касаются до установленія Римскаго Сената. Предлагаютъ рѣшить сіе сумнѣніе Французу, и отъ такой Націи, въ которой находятся еще нѣкоторые слѣды древняго Правленія перьвыхъ Римлянъ, и слѣдственно отъ такой которая должна о томъ совершеннѣе вѣдать. И кому можно знать лучше гражданскія и военныя установленіи сихъ славныхъ Республиканъ, какъ просвѣщенному науками и искусному Министру, и при томъ славному Военачальнику, которой сдѣлалъ мнѣ честь предложить сіи вопросы: онъ, который могъ

бы

бы о томъ преимущественно рѣшить въ самыя времена Варроновы и Цицероновы.

Въ предложенїи ко мнѣ присланномъ во перьвыхъ спрашивается: какое было общее и обыкновенное въ Римѣ право, въ четырехъ или пяти перьвыхъ вѣкахъ Республики, которое давало Чинъ Сенатора?

Во вторыхъ, по чему въ таковомъ Сенатѣ который составленъ былъ изъ Патрикїевъ, иные Патрикїи были Сенаторы, а другїе простые Граждане, и не участвующїе въ семъ Достоинствѣ? Спрашивается, давалась ли

сїя отличность по наслѣдству и по перьворожденїю, или выборъ изъ представляющихся для сего Кандидатовъ совершенно зависѣлъ отъ Консуловъ, а послѣ отъ Ценсоровъ?

Напослѣдокъ спрашивается, по какому правилу, послѣ второй Пунической войны, нарочно поставленъ былъ Диктаторъ для уполненїя порожжихъ мѣстъ въ Сенатѣ? можно де заключить, что въ Римѣ не было общаго и обыкновеннаго права, для уполненїя порожжихъ мѣстъ въ Обществѣ Сената, по колику надлежало прибѣгать для

сего къ чрезвычайному поста-
новленію Диктатора.

Хотя предложитель во-
просовъ, полагаетъ свои су-
мнѣніи въ четырехъ или пя-
ти перьвыхъ вѣкахъ Респуб-
лики, но я не почитаю чтобъ
сіи сумнѣніи на толь даль-
нія времена простирались; и
мнѣ кажется, что для объ-
ясненія ихъ необходимо ну-
жно начать съ самаго осно-
ванія Рима и установленія
Сената.

Римъ, какъ большая часть
другихъ Государствъ, неод-
нажды перемѣнялъ образъ сво-
его правленія. Въ началѣ
какъ извѣстно, были тамъ

Цари. За Царями послѣдо вали Консулы, коихъ власть была ограничена. По томъ въ 311 году Рима, уставлена Ценсура, такъ какъ часть Консульства; а по симъ тремъ Епохамъ, я стану представлять о всемъ что касается до установленія первыхъ Сенаторовъ, и до производенія тѣхъ кои послѣ занимали мѣста ихъ.

Естьли должно полагаться въ томъ на большую часть Историковъ, то съ начала Цари, по томъ Консулы и Ценсоры, производили на порозжіе мѣста Сенаторовъ; другіе же писатели

тели даютъ видѣть, что и голоса Народные содѣйствовали въ семъ произвожденіи. Но сумнѣніе произходитъ наиболѣ отъ того, что не въ разныхъ только Писателяхъ видны сіи различныя мнѣніи, но часто одинъ Писатель самъ себѣ противорѣчитъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. Все сіе производитъ нѣкоторой родъ Пиронисмы, изъ которой не можно выйти безъ точнаго изслѣдованія времянъ по порядку. Единымъ только образомъ, то есть разсматривая разныя Епохи Правленія, можно получить справедливое понятіе

о разныхъ образахъ, коими въ разныя времена, Римскіе Граждане, Патрикіи, Рыцари или Плебеяне достигали въ Сенатское Достоинство.

Ромулъ, говоритъ Титъ Ливій, увидѣвъ что Область его имѣла довольно силы, предпринялъ уставить Совѣтъ, которой бы могъ управлять силъ оныхъ дѣйствіями, и которой былъ бы государственною подпорою во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Въ семъ намѣреніи онъ поставилъ сто Сенаторовъ, *quum jam virium haud paeniteret, consilium deinde viribus parat, centum creat Senatores.* И такъ по свидѣтель-

❧ ❧

тельству сего Историка, первый Царь Римской былъ основателемъ Сената. Плутархъ, въ жизни сего Государя, такъ же ему приписываетъ установленіе сего Общества. Деонисій Галикарнасскій не отдаляется съ начала отъ мнѣнія сихъ двухъ Историковъ. Ромулъ, пишетъ онъ въ своей второй Книгѣ, предпринялъ составить Сенатъ изо ста Сенаторовъ, кои бы помогали ему въ отправленіи дѣлъ; но послѣ говоритъ, что сей Государь наименовалъ только перваго Сенатора, который въ его отсудствіи долженствовалъ первенствовать въ Се-

Сенатѣ, и повелѣвать надъ Городомъ; что онъ повелѣлъ тремъ Трибамъ, изъ коихъ Государство было тогда составлено, каждому избрать трехъ Сенаторовъ; и что по другому повелѣнїю отъ сего Государя, тритцать Курїй, изъ коихъ составлены были помянутые три Триба, назвали каждая отъ себя еще по три Сенатора; и такъ всѣ они купно, съ Сенаторомъ наименованнымъ отъ самого Царя, учиняли число ста Сенаторовъ. Однако Царь одинъ собою предпринималъ учредить Сенатъ; онъ одинъ своею вла-

стью

ствю назвалЪ Главнаго вЪ сїе Общество. Хотя Трибы и Курїи избрали девяносто девять другихЪ СенаторовЪ, но то однако по точной волѣ и повелѣнїю отЪ Ромула.

О томЪ упоминается еще и вЪ другомЪ мѣстѣ той же Книги; и хотя, говоритЪ сей ИсторикЪ, РомулЪ и Тацїй Царь Сабинской прибавили вЪ СенатЪ сто новыхЪ ПатрикїевЪ, но выборЪ сихЪ СенаторовЪ произведенЪ Курїями, и по большинству голосовЪ. Сей Писатель говоритЪ послѣ, что по избранїи, то были два Государя Римской и Сабинской, кои поса-

посадили въ Сенатъ сихъ новыхъ Правителей; а сїе даетъ видѣть, не взирая на предубѣжденїе Деонисїя Галикарнасскаго, что при всякомъ избранїи едина только власть Государская дѣлала сїе избранїе твердымъ: подобно какъ то бываетъ въ Англїи, гдѣ Били (уставы) предложенныя отъ нижняго Совѣта и утвержденныя отъ вышняго, не имѣютъ однако силы Закона безъ согласїя въ томъ отъ Государя. И къ тому должно примѣтить, что естьли кто Историкъ изъ той же Нацїи, приписываетъ Королю какое ни будь

уста-

установленіе Закона, то надлежитъ разумѣть, что Парламентъ то утвердилъ прежде изданія Закона.

А чтобъ обратиться опять къ моей матеріи, нужно сказать къ примѣчанію, что Титъ-Ливій, говоря о Правленіи Царей Римскихъ, беретъ всегда ихъ въ свое защищеніе. Деонисій Галикарнасскій, на противу того, Республиканинъ даже подъ самымъ Царскимъ правленіемъ, представляетъ Римскихъ Царей, во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, не инако какъ простыми Начальниками Сената. По ска-

занїю сего Латинскаго Исторнка, когда онъ пишетъ какимъ образомъ Вельможи Города Альба, по его разрушенїи, приобщены были въ Сенатъ, то былъ Царь Туллїй Гостилїй который ихъ туда восприялъ. Сей Писатель говоритъ: *Principes Albanorum, in Patres, ut ea quoque pars Reipublicae cresceret, legit*; и онъ назначилъ Храмъ, который бы служилъ мѣстомъ Собранїя сему Обществу кое онъ увеличилъ, *templumque ordini ab se aucto curiam fecit.*

Естьли же на противу того кто прочтетъ Греческаго Писателя, то найдетъ

что Царь прежде созвалъ Сенатъ, и собралъ голоса отъ Сенаторовъ, по которымъ рѣшено было разорить Городъ Альбу, перевести оттуда жителей въ Римъ, и приобщить семь главныхъ Домовъ въ Сенаторское Достоинство. Все сїе опредѣлено было общимъ разсужденїемъ, гдѣ кажется что Государь на ряду съ другими давалъ свой голосъ. *Римляне за благо разсудили*, говоритъ сей Государь къ Альбанцамъ, объявляя имъ что они опредѣлили разорить ихъ Городъ.

Титъ-Ливїй не противурѣчитъ себѣ въ послѣдствїи

своей Исторіи, во время Царскаго правленія. Онъ даетъ видѣть что Государи всегда одни совершенно властвовали надъ Сенатомъ. Когда Тарквиній старшій сажаетъ въ Сенатъ, противу обыкновенія, сто Плебеянъ, то Латинской Историкъ говоритъ о томъ точными словами, что сія новость введена была по волѣ Царской, и что сіи сто Плебеянъ приобщены были въ Сенатъ отъ него изъ милости, *centum in Patres legit, qui deinde minorum gentium ſunt appellati*, и говоритъ послѣ, *factio haud urbia Regis cujus beneficio in curiam venerant.*

❧ ☙

Тотъ же Историкъ, описавъ злоумышленіи Тарквинія Гордаго, внука Тарквинія Старшаго, и всѣ происки кои онъ употребилъ для приобрѣтенія Престола которымъ тогда владѣлъ Сервій Туллій, повѣствуетъ точными словами: что онъ старался преклонить къ себѣ сихъ новыхъ Сенаторовъ, коихъ дѣдъ его Тарквиній Старшій посадилъ въ Сенатъ; что для убѣжденія ихъ, онъ припоминалъ имъ обязанности которыя они имѣли къ его Дому за свои Сенаторскія Достоинствы; и что они ни въ какое другое время

мя не могутъ столько доказать ему своей благодарности, *admonere paterni beneficii et pro eo gratiam repetere.* Онъ не могъ бы требовать отъ нихъ благодарности, естьлибъ приобщенїе ихъ въ Сенатъ зависѣло отъ голосовъ Народныхъ, и естьлибъ Тарквинїй Старшїй давалъ только одинъ голосъ на ряду съ другими въ семъ избранїи.

Сей Государь или лучше сказать сей Тиранъ, похитивъ Престолъ извѣстнымъ всему Свѣту образомъ, приказалъ умертвить или послать въ ссылку Сенаторовъ

кои были ему, своею знаемостью или богатствомъ, подозрительны; и онъ не хотѣлъ жаловать другихъ на ихъ мѣста, говоритъ Титъ-Ливій, чтобъ привесть сіе Общество въ упадокъ и презрѣніе, чрезъ малость числа Сенаторовъ, *numero imminuto*, говоритъ онъ, *statuit nullos in Patres legere, quo contemptior paucitate ipsa ordo esset*: и такъ видно что наименованіе Сенаторовъ зависѣло отъ воли сего Государя.

Деонисій Галикарнасскій въ самомъ дѣлѣ, кажется противурѣчитъ въ семъ мѣстѣ Титу-Ливію; ибо опи-

савъ тоже помянутое произшествїе, и смерть или ссылку великаго числа Сенаторовъ, онъ говоритъ въ точныхъ словахъ: что Тарквинїй возвелъ на ихъ мѣста своихъ угождателей, и что онъ составилъ изъ нихъ нѣкоторый новый Сенатъ. Но при семъ разнорѣчїи въ образѣ произшествїя, нѣтъ сумнѣнїя о правѣ и власти Царей. Хотя Тарквинїй не поставилъ другихъ Сенаторовъ на мѣсто умершихъ и ссылочныхъ, какъ повѣствуетъ о томъ Титъ-Ливїй, или хотя бы сей Государь поставилъ на ихъ мѣста сво-

ихъ угождателей, какъ сказываетъ о томъ Деонисїй Галикарнасскїй, тотъ и другой Историкъ равно утверждаютъ въ томъ власть Государскую: а о томъ только и нужно вѣдать для уразумѣнїя кто производилъ Сенаторовъ.

На конецъ Титъ-Ливїй утверждаетъ свое мнѣнїе, рѣчью нѣкоего Канулеїя Трибуна Народнаго, когда сей хотѣлъ заставить отмѣнить одинъ Законъ положенный въ двенатцати Таблицахъ, который воспрещалъ всякой родственный союзъ между Патрикїями и Плебеянами. Сей

Трибунъ укоряя Патрикїевъ говоритъ имъ: что вы происходите большою частью отъ Альбанцевъ или Сабинянъ, и ваше Благородство въ Римѣ вамъ не природно; а по тому только вы гордитесь что ваши Предки посажены въ Сенатъ, или по выбору отъ Царей или по волѣ и опредѣленїю Народа, когда Цари были изгнаны, *aut ab Regibus lecti, aut post Reges, exactos jussu populi.*

Сей Трибунъ, или Историкъ который написалъ рѣчь сїю, изъявляетъ два времени и два разные образы. Онъ говоритъ что во время Царскаго

❧ ❧

скаго правленія, Государи опредѣляли Сенаторовъ, *aut ab Regibus lecti*; а при томъ утверждаетъ что по изтребленіи Царей, сіе право стало принадлежать Народу; и сіе послѣднее предложеніе даетъ великія сумнѣніи, какъ будетъ отъ меня представлено.

Я дошелъ теперь до установленія Республики, которое Предложитель вопросовъ полагаетъ Епохою и началомъ неизвѣстныхъ ему обстоятельствъ. Желательно вѣдать, говоритъ онъ, какое было общее и обыкновенное право въ Римѣ, которое

давало

давало Чинъ Сенатора? есть ли должно вѣрить Титу-Ливію въ повѣствованіи кое я предъ симъ означилъ, то Сенаторы производились Народными голосами, *jussu populi*. Цицеронъ, весьма знающій человѣкъ въ Законахъ и обычаяхъ своей Націи, объявляетъ отъ себя то же мнѣніе: Бывало, такъ говоритъ онъ, весь Народъ избиралъ тѣхъ кои долженствовали вступить въ сіе высокое Общество, *deligerentur in id Consilium ab universo populo*. Казалось бы доказательно что сіе право избранія отдано единому Народу,

по

по свидѣтельству двухъ славнѣйшихъ Писателей Республики; но къ нещастью дѣла и примѣры совершенно тому противятся. И еще болѣ странно то, что Титъ-Ливій самъ представляетъ намъ большою частью сіи доказательствы въ дѣйствіяхъ, не опорочивая оныхъ, и не упоминая ни чего о Правахъ Народа.

Сей Историкъ пишетъ, что по истребленіи Царей и отреченіи Коллатиновомъ Консульства, Брутъ оставшій Консулъ, находя Сенатъ весьма въ маломъ числѣ послѣ жестокихъ ихъ смертей

❧ ❧

отъ Тарквинія, наполнилъ оный новыми Сенаторами, и увеличилъ число Сенаторовъ до трехъ сотъ, коихъ онъ взялъ, говоритъ онъ, изъ степени Рыцарей. Изъ сего видимо, что то былъ не Народъ, который въ первомъ вѣкѣ Республики производилъ Сенаторовъ. Самый еще первый Консулъ въ Римѣ, и будучи тогда безъ Товарища, пользуется симъ правомъ безъ спора и сопротивленія; *caedibus*, говоритъ Титъ-Ливій, *diminutum Patrum numerum ad trecentorum ſummam explevit*. Надлежитъ согласить Тита-Ливія, и сіе мѣсто первой Книги, съ рѣчью

Три-

Трибуна Канулеїя, которая находится въ четвертой рѣчи первой Декады.

Деонисїй Галикарнасскїй, который описываетъ почти всегда тѣ же произшествїи но съ другими обстоятельствами, даетъ видѣть, что при семъ произведенїи Валерїй былъ уже Товарищемъ Брутовымъ; и онъ говоритъ по томъ, что сїи двое Консулы произвели новыхъ Сенаторовъ изъ общества Народнаго, *praecipuos explebe allegerunt*. Плутархъ описываетъ то же произшествїе третьимъ образомъ. Онъ утверждаетъ что Валерїй тогда

да былЪ одинЪ Консуломъ; и что боясь чтобЪ Товарищь коего ему дадутЪ не воспрепятствовалЪ его виду и предприятїю, онЪ не мѣшкалЪ произвесть СенаторовЪ на порожжїя мѣста вЪ Сенатѣ. Но хотя сїи трое Историки спорятЪ другЪ другу вЪ повѣствованїи обстоятельствЪ, однако изЪ того не видно ни чего вЪ подкрѣпленїе ПравЪ Народа. При томЪ и другомЪ положенїи всегда КонсулЪ производитЪ СенаторовЪ; и по существу вопроса нѣтЪ нужды чтобЪ сей КонсулЪ назывался БрутЪ или Валерїй.

※ ※

Вѣроятно должно быть что Консулы, кои по Царяхъ приняли высочайшее Властительство, *Regio imperio duo sunto*, кои имѣли всѣ Царственные знаки, Ликторовъ, одежду съ красными отворотами, Курульныя кресла, и Скиптръ или костяную палицу: сїи высокїе Правители, Начальники Сената, единственные Повелители надъ войсками, кои тѣмъ только различались отъ Царей, что власть ихъ была раздѣлена и временна, вѣроятно, говорю я, что они восприняли то же право, которое имѣли Государи у-

 пол-

полнять порожѧіе мѣста въ Сенатѣ.

Но какъ сїи Консулы въ послѣдствїи были заняты войнами внѣ своей Области, и не были присудственны въ Римѣ, то право производить Сенаторовъ перешло отъ Консуловъ къ Ценсорамъ: симъ новымъ Правителямъ кои установлены были въ 311 году Рима, и шесдесятъ шесть лѣтъ послѣ установленія Республики.

Пишутъ что сїи новые Правители уставлены были въ началѣ только для учиненія переписи Римскаго Народа, которая называлась

Ценсъ,

Ценсъ, и сей Ценсъ учрежденъ былъ Царемъ Сервїемъ Туллїемъ. Но какъ власть, по своему свойству, ищетъ всегда разпространенїя, то Ценсоры нечувствительно вступили въ должность исправлять всѣ три степени людей въ Республикѣ, а послѣ присвоили себѣ право производить Сенаторовъ, и даже выгонять изъ Сената тѣхъ коихъ они находили недостойными тамъ присудствовать; право отнимать коня и золотое кольцо у Рыцарей не исправныхъ въ своей должности, и переводить въ нижнїе Трибы Плебеянъ кои

имѣли непорядочныя поступки. Исторія наполнена безчисленностью примѣровъ сей Ценсорской власти. Сіи Правители, употребленіемъ сего спасительнаго страха, удерживали разныя состоянія людей въ границахъ ихъ должности. Я не буду далѣ говорить о семъ великомъ Начадовластіи, которое почиталось у Римлянъ вышшею степенью чести, на какую Гражданину взойти возможно; буду только отвѣтствовать на предложенной мнѣ вопросъ. Кажется мнѣ изо всего повѣствуемаго Историками сей

Націи, что Ценсоры восприняли отъ Консуловъ право производить Сенаторовъ, такъ какъ Консулы его отъ Царей восприняли. Но чтобъ показать, одни ли сіи Государи и сіи разные Правители ихъ производили, безъ содѣйства Народнаго, или самъ Народъ избиралъ Сенаторовъ такъ какъ онъ избиралъ другихъ Правителей, о томъ я буду говорить въ послѣдствіи, и потщусь сообразить два мнѣнія кои кажется противословятъ одно другому.

Павелъ Мануцій пишетъ, что Цари, Консулы и Ценсоры имѣли въ самомъ дѣлѣ

право представлять Народному Собранію тѣхъ коихъ они находили достойными ко вступленію на порозжія мѣста въ Сенатѣ, но что выборъ изъ сихъ Кандидатовъ принадлежалъ Народу, съ тѣмъ однако, что онъ не могъ давать голосовъ своихъ для иныхъ кромѣ представленныхъ отъ сихъ Правителей. Сїе заключенїе тѣмъ наиболѣ слабо, что не можетъ ни каковымъ примѣромъ быть доказано, естьли не будетъ принятъ въ доказательство тогдашнїй обычай въ Республикѣ, по которому каждый Правитель производился чрезъ избра-

избраніе. Льзя только сказать, что Народъ былъ властенъ давать нѣкоторой путь въ Сенатъ тѣмъ людемъ коихъ онъ своими голосами удостоилъ въ Курульныя Начальствы; по тому что сіи великія Начальствы не только давали входъ въ Сенатъ во время ихъ годоваго отправленія, но они еще сохраняли сіе право и въ то время когда не были болѣ въ Курульной должности; и Ценсоры, когда они занимали порозжія мѣста въ Сенатѣ, долженствовали тогда вписать ихъ первыхъ, и каждаго по своему Чину, въ

 спи-

списокъ новыхъ Сенаторовъ. Можетъ быть по сему виду нѣкотораго права Народнаго, Канулей и Цицеронъ говорили въ особомъ разумѣнїи о власти Народа, какую онъ имѣетъ въ произведенїи Сенаторовъ.

Симъ образомъ поступилъ Диктаторъ Маркъ Фабїй Бутео, во время второй Пунической войны, въ нѣкоторомъ чрезвычайномъ случаѣ, въ коемъ онъ принужденъ былъ отправлять должность Ценсора. Перекликавъ старыхъ Сенаторовъ каждаго по имени, онъ назвалъ на мѣста умершихъ во первыхъ тѣхъ,

какъ говоритъ Титъ Ливїй, кои, отъ времени Ценсорства Луцїя Емилїя и Каїя Фламинїя, отправляли какїя либо Курульныя должности, и кои не были еще включены въ списокъ Сенаторской, хотя по чинамъ ихъ они имѣли присудствїе въ Сенатѣ: *Recitato vetere Senatu, inde primum, inde mortuorum locum legit, qui post L. Aemilium, et C. Flaminium Censores, Curulem magistratum cepissent, nec dum in Senatum lecti essent*, и прочая.

Но отъ сего самаго примѣра, говоритъ предложитель вопроса, и отъ Диктаторова Ценсорства, должно заклю-

чать, что въ Римѣ не было общаго и обыкновеннаго права, для уполненїя порозжихъ мѣстъ въ Обществѣ Сената, ибо надлежало прибѣгать для сего къ чрезвычайному постановленїю Диктатора.

Можно отвѣтствовать, что для сей самой причины что сей примѣръ былъ чрезвычаенъ и единственъ, не льзя ни чего заключить противу права которое Ценсоры имѣли называть собою Сенаторовъ. Льзя ли сказать основательно, что не было въ Республикѣ общаго и твердаго обыкновенїя производить Народныхъ Трибуновъ изъ

Плебеянскаго Общества, по тому что единожды въ Консульство Луцїя Валерїя и Марка Горацїя, произведены были въ Трибуны Спурїй Тарпеїй и Авлъ Гатерїй, оба Патрикїи, старые Сенаторы, и еще такїе кои были нѣкогда въ Консульскомъ Достоинствѣ; по тому что Сенатъ умышленно заставилъ ихъ выбрать, для препятствованїя другимъ Трибунамъ въ ихъ вредныхъ намѣренїяхъ. *Duos etiam Patricios*, говоритъ Титъ-Ливїй, *Consularesque Sp. Tarpeium et Aulum Haterium cooptavere.*

Въ

❧ ❧

Въ справедливомъ разсмотренiи нѣтъ такой Области крѣпко наблюдающей образъ своего правленiя, которая бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ не была подвержена разнымъ перемѣнамъ. Таково тогда было положенiе Римской Республики. Четверократный уронъ въ войнѣ противу Карѳагенянъ истощилъ лучшую часть Римлянъ. Наипаче же чувствительно было Риму потерять восемдесятъ Гражданъ, частью Сенаторовъ, и частью такихъ кои тогда отправляли разныя Правительскiя должности, по окончанiи которыхъ они должен-

ство-

ствовали быть включены въ число Сенаторовъ. Область имѣла тогда великой недостатокъ въ воинахъ; въ сей крайности невольники записываны были въ войско, и Анибалъ былъ почти подъ стѣнами Рима. Въ маломъ числѣ оставшїе Сенаторы, удручены множествомъ дѣлъ, требовали себѣ Товарищей, на мѣсто тѣхъ кои въ сей жестокой войнѣ побиты были. По видимому, двое послѣднїе Ценсоры Луцїй Емилїй и Каїй Фламинїй или погибли въ сихъ кровопролитныхъ сраженїяхъ, или вышли уже изъ своей должности.

❧ ❧

За неимѣнїемъ же Ценсоровъ, оставалось вступить въ ихъ должность Марку Юнїю Перу, тогдашнему Диктатору, котораго Чинъ по видимому заключалъ въ себѣ преимущественно всѣ другїе Чины Республики. Но какъ сей высокой Правитель не былъ тогда въ Римѣ, предводительствуя войскомъ противу Анибала, то приказано было Луцїю Теренцїю Варрону первому Консулу, возвратиться въ Римъ и назвать втораго Диктатора, который бы могъ въ семъ случаѣ исполнить должность Ценсорскую. А дабы сохранить

нить сколько можно древній образъ правленія, опредѣлено было, чтобъ сей Консулъ назвалъ изъ всѣхъ бывшихъ Ценсоровъ точно того кто былъ изъ нихъ старѣе; и когда Варронъ по тому наименовалъ въ Диктаторы Марка Фабія Бутео, то разумѣлось что онъ поставленъ былъ въ Римѣ не такъ какъ Диктаторъ, а такъ какъ первый и старшій Ценсоръ. И чтобъ показать сему новому Правителю что онъ имѣлъ одно только имя Диктаторское, ему точно запрещено было брать къ своей особѣ Коннаго Полководца:

ца:

ца: не взирая что сїе право принадлежало Диктатору, при которомъ сей Чиновникъ надлежалъ быть такъ какъ его намѣстникъ, или подручный Полководецъ.

ТитЪ-Ливїй повѣтствуетъ, что сей Диктаторъ, при своемъ наименованїи, возшедъ на витїйственный Трибунъ, смѣло объявилъ Собранїю, что онъ не можетъ хвалить что въ одно время поставлены были два Диктатора, чего ни когда не бывало въ Республикѣ; равно не можетъ хвалить что ему данъ былъ сей Чинъ безъ права при томъ взять

къ себѣ Коннаго Полковод-
ца; что онъ находитъ весь-
ма страннымъ поставленіе
единаго человѣка въ долж-
ность двухъ Ценсоровъ; такъ
какъ и то что сіе Досто-
инство противу обыкновенія
вручалось вторично одному
человѣку; что однако, не
взирая на сіе отдаленіе отъ
правилъ, онъ будетъ ста-
раться въ отправленіи сво-
ей должности изыскивать
лучшія средствы, соглаша-
ясь съ нещастными въ Ри-
мѣ обстоятельствами и съ
нуждою.

Сей Диктаторъ назвалъ
послѣ сто семдесятъ семь

Гражданъ въ Сенаторы, начиная, какъ предъ симъ упомянуто, съ тѣхъ людей кои отправляли Курульные должности. Выборъ его, сказываетъ Титъ-Ливїй, одобренъ былъ равно всѣми степенями Республики, *Centum septuaginta septem cum ingenti approbatione omnium in Senatum lectis* : что доказываетъ что сей выборъ отъ него единственно зависѣлъ. Ибо естьли бы наименованїе Диктатора зависѣло отъ голосовъ Народныхъ, то для чего бы было одобревать выборъ Диктаторовъ, выборъ которой бы не Народъ сдѣлалъ.

Къ

❧ ❧

Къ доказательству что хула или похвала въ выборѣ падала на Ценсоровъ, извѣстно что когда Аппїй Клавдїй, и Кайй Плавцїй Товарищь его въ Ценсорствѣ, посадили на порожжїя мѣста въ Сенатъ служнихъ дѣтей, то Кайй Юлїй Булбулкъ и Квинтъ Емилїй Барбула, Консулы въ послѣдующемъ году, въ негодованїи на Ценсоровъ за то что они ввели въ почтенное ихъ Общество толь низкихъ людей, уничтожили сїе Ценсорское избранїе; и не приемля послѣдняго Сенаторскаго произведенїя, приказали съ нова переписать

Сенаторовъ по старому списку, и тѣмъ же порядкомъ какъ они находились прежде Ценсорства Аппїя и Плавцїя. И такъ ни Фабїй Бутео не заслуживалъ бы похвалы, ни Аппїй Клавдїй и Плавцїй, не навлекли бы на себя хулы, естьли бы наименованїе новыхъ Сенаторовъ зависѣло отъ голосовъ народныхъ.

Доказательно должно быть, что особливый примѣръ Марка Фабїя Бутео, поставленнаго для уполненїя порожжихъ мѣстъ въ Сенатѣ, не опровергаетъ права которое Ценсоры имѣли производить Сенато-

наторовъ. И естьли изключено будетъ сїе необычайное произшествїе, и все то что произходило въ мятежныя времена Гракховъ, и во время междоусобныхъ браней, то съ начала основанїя Рима, найдутся одни только Цари или Консулы, и Ценсоры отнявшїе у нихъ сїю часть Правительства, кои избирали Гражданъ Республики для уполненїя порозжихъ мѣстъ въ Сенатѣ.

Я изключилъ изъ общесобранныхъ моихъ доказательствъ Трибунство Гракховъ, изъ коихъ Каїй, младшїй братъ, какъ о томъ пишутъ,

произвелъ въ Сенаторы великое число Рыцарей. Другїе приписываютъ сїе чрезвычайное произведенїе Друзу, иному Трибуну. Другїе же пишутъ что сїи Рыцари сдѣланы были только просто Правителями для суда и расправы въ Народѣ. Я не буду входить въ изслѣдованїе сего спора, который заслуживалъ бы заставить написать о томъ особое разсужденїе.

Скажу только къ примѣчанїю, что Силла и Марїй, Начальники перьвой междоусобной войны, наполнили Сенатъ своими прислужниками; что Юлїй Цесарь простиралъ

❧ ❧

еще далѣ свое Самовластительство, и что онъ ввелъ въ Сенатъ не только служнихъ дѣтей, но еще чужеземцевъ, и даже бродягъ и волшебниковъ; что Трїумвиры по томъ, истребивъ сїе почтенное общество жестокими казнями, наполнили его такъ же своими угождателями; и когда Августъ освободилъ себя отъ двухъ своихъ въ Трїумвирствѣ Товарищей, то въ Сенатѣ нашлось тогда болѣ тысячи Сенаторовъ, большою частью такихъ кои недостойны были сего званїя, и кои получили сїи мѣста чрезъ деньги и злодѣянїи.

 Ав-

❧ ☙

Августъ, видя себя самовластнымъ Правителемъ въ Имперіи, предпринялъ изключить изъ сего почтеннаго Общества Сенаторовъ соблазненно получившихъ сіе Достоинство. *Senatorum numerum*, говоритъ Светоній: *deformis et incondita turba, erant enim ſupra mille et quidam indigniſſimi, et poſt necem Cæſaris per gratiam et praemium allecti, quos orcinos*, другіе же пишутъ, *Abortivos, vulgus vocabat, ad modum priſtinum et ſplendorem redegit.* Августъ выгнавъ изъ Сената сихъ недостойныхъ людей, позволилъ оставшимъ Сенаторамъ, каждому назвать

❧ ❧

звать по одному Сенатору. Но какъ онъ не былъ доволенъ симъ выборомъ, въ которомъ приязни, родственные союзы и можетъ быть корысть болѣ дѣйствовали нежели Достоинствы, то онъ сдѣлалъ вторичный выборъ, въ которомъ бралъ совѣтъ отъ одного только Агриппы: *Duabus lectionibus, prima ipsorum arbitratu, quo vir virum legit; secunda, suo; et Agrippae:* а то доказываетъ что сей Государь себѣ присвоилъ власть которую прежде имѣли Ценсоры, Консулы и Цари Римскіе.

Преемники его въ Имперіи почитали власть Ценсоровъ такъ какъ часть Императорскаго Достоинства. Когда Децій назвалъ Валеріана въ Ценсоры, и изъяснялъ ему всѣ преимущества и правы сего высокаго Чина, то Валеріанъ, какъ искусный Придворный отвѣтствовалъ ему, что сіи правы принадлежатъ только Императору: *Haec ſunt propter quae auguſtum nomen tenetis apud vos cenſura deſedit.*

Я приступлю теперь ко второму вопросу мнѣ предложенному: то есть, когда Сенатъ составленъ былъ изъ од-

❧ ❧

однихъ Патрикїевъ, полагая наипаче время ихъ въ четырехъ или пяти вѣкахъ Републики, какъ пишетъ Предложитель вопроса, по какому уставу или по какой власти иные Патрикїи были Сенаторы, тогда какъ великое число другихъ Патрикїевъ не имѣли участїя въ семъ преимуществѣ? по праву ли наслѣдства или перворожденїя они производились въ сїе Достоинство, или выборъ Сенаторовъ зависѣлъ точно отъ Консуловъ и послѣ отъ Ценсоровъ?

Чтобъ отвѣтствовать на сей вопросъ, должно при-

помя-

помянуть то что я сказывалъ, по Титу-Ливїю, объ установленїи первыхъ Сенаторовъ. Ромулъ, говоритъ сей Историкъ, поставилъ только сто Сенаторовъ, или по тому что сїе число казалось быть довольно, или онъ не нашелъ болѣ людей кои бы имѣли потребные качествы для засѣданїя въ Сенатѣ, *ſive quia is numerus ſatis erat; ſive quia ſoli centum erant qui rceari Patres poſſint.* Титъ-Ливїй сказываетъ по томъ, что сїи сто Сенаторовъ названы были *Патерами*, (Отцами) чтобъ дать имъ чрезъ то почтительный титулъ,

дѣти же ихъ и потомки названы *Патрикїями*: *Patritii que progenies eorum appellati*. Знатнѣйшїе Домы между Римлянами были тѣ кои отъ нихъ произходили. Нѣкоторые Писатели повѣствуютъ, что сїи первые Патрикїи носили на своихъ башмакахъ вышитой молодой мѣсяцъ; другїе же сказываютъ, что то была заглавная Латинская Литера С. значущая что они произходили отъ ста первыхъ Сенаторовъ. Сїи дѣти и потомки отъ ста первыхъ Сенаторовъ скоро размножились, и произвели разныя поколѣнїи Патрикїевъ.

Въ

❧ ☙

Въ началѣ изъ сего только Общества производились Сенаторы, Жрецы и всѣ тѣ кои имѣли начальное правленіе въ дѣлахъ духовныхъ. Но сіи должности, и особливо Достоинство Сенаторское, давались не по наслѣдственному праву. Правда что Патрикіи имѣли преимущественное право для вступленія въ Сенатъ; но какъ число Патрикіевъ столько размножилось что превосходило положенное ихъ число въ Сенатѣ, то всѣ Патрикіи и не могли быть Сенаторами, такъ какъ мы видимъ, что всѣ Венеціянскіе Вельможи не суть

Сена

❧ ❧

Сенаторы, хотя для избранія въ ихъ Сенатъ надлежитъ быть Венеціянскимъ Вельможею. И такъ не довольно было въ Римѣ имѣть Патрическое имя для полученія Сенаторскаго Чина. Природа давала только право къ полученію, но при томъ надлежало имѣть Достоинствы. Чтобъ войти въ сіе достопочтенное Общество, надлежало прежде оказать въ войнѣ мужественные опыты; въ мирное же время способность къ дѣламъ Гражданскимъ. Образъ которымъ Цари избрали Сенаторовъ даетъ видѣть, что сей выборъ

боръ не былъ основанъ на наслѣдственномъ правѣ и поколѣнной росписи. Не въ позные уже времена, но при самыхъ Царяхъ Римскихъ кровь Патрикїевъ была не столь высоко почитаема; и когда находился въ Римѣ какой ни будь чужеземецъ, или какой Плебеянинъ отличный по своему Достоинству, то онъ скоро восприятъ былъ въ Граждане. А чтобъ дать таковымъ людемъ право для вступленїя въ Сенатъ, то ихъ прежде приобщали въ степень Патрикїевъ. Симъ образомъ Анкъ-Марцїй, четвертый Царь Римской,

ской, почитая Достоинствы и мужество нѣкотораго Тосканца, по имени Лукумона, произвелъ его въ Чины. Онъ сперва взятъ былъ въ Конные Полководцы, по томъ объявленъ Патрикїемъ, и по томъ произведенъ въ Сенаторы. Должно заключить, что имя Патрикїевъ давалось чужеземцамъ или Плебеянамъ для того чтобъ хранился обычай по которому вступали въ Сенатъ одни только Патрикїи; ибо тотъ же Лукумонъ, подъ именемъ Тарквинїя, старшаго, когда получилъ послѣ Корону отъ народной благосклонности, и для сохра-

 нения

ненія сей любви къ нему отъ мѣлкаго людства, взялъ вдругъ изъ ихъ степени сто человѣкъ въ Сенаторы, коими онъ умножилъ общество Сената, то по примѣру Анка Марцїя, чтобъ сдѣлать сїю новость сносною въ глазахъ Патрикїевъ, онъ назвалъ сихъ Плебеянъ Патрикїями, и такъ учинилъ ихъ Благородными, *Patricios fecit*, говоритъ Титъ Ливїй, *et in Senatum numerum cooptavit*. Сей Государь, въ протчемъ хотя могъ приобщить Плебеянъ къ преимуствамъ Патрикїевъ, однако не мнилъ конечно сдѣлать Патрикїями, то есть объявить попом-

потомками отъ ста первыхъ Сенаторовъ, такихъ людей кои не имѣли сихъ Сенаторовъ своими предками, и родились въ неизвѣстномъ и низкомъ состоянїи. Сколь ни была бы пространна власть Государская, но не льзя увѣриться, чтобъ они могли вдругъ вычистить подлую кровь въ жилахъ Плебеянина, и на мѣсто оной влить Благородную и со всѣмъ новую. И какъ сїи Плебеяне были Патрикїи по единому только имени, и по подложновымышленному Закону, то они и назывались не инако, какъ *прибылые Отцы,*

или *Патрикіи меньшаго рода. Patres conſcripti, minorum gentium.* Но тѣ роды кои произходили ото ста первыхъ Сенаторовъ, и были истинные Патрикіи, прилагали къ своему названію *majorum gentium*, то есть высокаго и знатнаго рода. Подобно тому во Франціи отличается высокая знатность, *Optimates*: хотя трудно рѣшить нынѣ, въ томъ ли состоитъ высокая знатность, коею множество людей величаются, что они производятъ свой родъ отъ самыхъ древнихъ и неизвѣстныхъ времянъ, или состоитъ

итъ въ нынѣшнихъ ихъ Чинахъ и Достоинствахъ, кои не всегда доказываютъ справедливое Благорожденіе.

Сіи отличности прекратились между Римлянами скоро послѣ истребленія Царей. Деонисій Галикарнасскій пишетъ, что Плебеяне возпользовавшись Коріолановою ссылкою, около 260 года отъ начала Рима, приобщены были въ Сенатъ, и раздѣлили съ Патрикіями Достоинствы, кои прежде принадлежали одной первой степени Республики. Другіе же Писатели отлагаютъ вступленіе Плебеянъ въ Сенатъ

по время установленія Децемвировъ, то есть по 301 годъ Рима, и пятдесятъ шесть лѣтъ только послѣ установленія Республики. Съ того времени въ Римѣ начали производить Благородство и знатное произхожденїе отъ единаго права высокихъ Чиновъ, то есть отъ Курульныхъ должностей кои въ каждый родъ входили; и Гражданинъ, хотя Плебеянскаго рода, слылъ весьма знатнымъ, естьли предки его имѣли честь быть въ первыхъ Государственныхъ должностяхъ.

Римъ,

Римъ, который въ началѣ имѣлъ только два рода Гражданъ, раздѣлился тогда на три разныя степени, кои Авзоній описалъ кратко въ слѣдующемъ стихѣ:

Martia Roma triplex, Equitatu, Plebe, Senatu.

Рыцари въ началѣ составляли часть Народа, но сія часть почиталась знатнѣйшею: подобно какъ Сенаторы, избранные изъ общества Патрикїевъ, почитались по своему Чину первыми въ Патрической степени. Но когда всѣ Республическїе Достоинствы содѣлались общими

ми между всѣми Гражданами, то едино богатство не чувствительнымъ образомъ дѣлало въ томъ всѣ разности. Опредѣлено было точное количество стяжанія, какое надлежало имѣть Гражданину чтобъ войти въ списокъ Рыцарей; или какое надлежало имѣть Рыцарю чтобъ онъ могъ быть избранъ въ Сенаторы. *Senatorum gradum*, говоритъ Сенека, *census ascendere facit*. Патрикіи были включены въ сей уставъ такъ какъ и другїе Граждане; и хотя бы они имѣли въ протчемъ наилучшія достоинствы, едино только бо-

богат

гатство рѣшило ихъ удостоеніе. Молодые Патрикіи, кои были достаточны, записывались во первыхъ въ степень Рыцарей; а изъ сей степени Цeнсоры избирали достойнѣйшихъ для произведенія ихъ въ Сенаторы. Бѣдные же Патрикіи, кои не имѣли довольнаго достатка для вступленія въ степень Рыцарей, или лучше сказать для вступленія въ Сенатъ, оставались на ряду съ мѣлкимъ Народомъ, между тѣмъ какъ видѣли богатыхъ Плебеянъ хвастающихъ золотымъ кольцомъ въ Рыцарскомъ званіи, или гордящихся своимъ

Лати-

❧ ❧

Латиклавомъ, (платьемъ) когда они включались на порозжія мѣста Сенаторскія. *Senator non es*, говоритъ Онуфрій Панвинъ, *ergo eques, aut de populo; neque Senator, neque eques, quamvis Patricius, ergo de populo: ordo enim praeterea nullus supereſt.*

ИСТОРІЯ
О БЫВШИХЪ ПЕРЕМѢНАХЪ въ правленіи РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Марій освобождаетъ Галлію и Италію отъ трехъ сотъ тысячь варваровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Тевтоновъ и Цимбровъ, кои разграбили уже разные земли и разбили многихъ Полководцевъ Римскихъ. Завиствуя славѣ и силѣ Метелловой Марій умышляетъ его погибель. Онъ соединяется съ Сатурниномъ и Главціемъ, и доводитъ Метелла къ изгнанію. Сіи два человѣка, безчестнѣйшіе

шїе въ Республикѣ, убиты камнями и палками, а Метеллъ возвращенъ отъ изгнанїя. Искуство Силлы въ военныхъ дѣйствїяхъ. Марїй тому завидуетъ и дѣлается непрїятелемъ Силлы. Римъ раздѣляется между сими двумя Воинами. Приготовленъ же будучи къ междоусобной войнѣ, Римъ паки соединяется противу Италїйскихъ Народовъ, кои совокупными силами и оружїемъ хотѣли заставить дать себѣ право и преимущества Гражданъ Римскихъ. Силла предпочтенъ Марїю для произведенїя войны противу Митридата. Бѣдственные слѣдствїи сего предпочтенїя. Подробность междоусобной зойны отъ того послѣдовавшей. Смерть Марїева.

Въ день Трїумфа Марїева, Народъ изъявлялъ особливую радость, какъ по причинѣ общаго благополучїя, такъ и по тому

му что Консульство сего Плебеянина Народомъ произведено было, слѣдственно онъ почиталъ себя виновникомъ его побѣды, и такъ какъ бы онъ приобщенъ былъ къ его Тріумфу. Трибуны, въ своихъ всегдашнихъ рѣчахъ, брали потому дерзость досаждать Патрикіямъ и всему Благородному Обществу. Они гордо у нихъ спрашивали, какой воинъ и какой Полководецъ изъ ихъ Общества могъ быть подобенъ сему Плебеянину? и думаютъ ли они еще что храбрость, смѣлость и способность въ предводительствѣ войска не должны находиться въ другихъ людехъ, кромѣ Благородную кровь имѣющихъ? Патрикіи, на противу того уменьшая Маріеву славу разглашали, что вся честь бывшей войны принадлежала Метеллу, который послѣ двухъ великихъ побѣдъ, загналъ Югурту на самый край его Области; и что Марій находился бы еще въ Африкѣ, естьли бы Силла, другой Патрикій,

 не

не взялъ въ плѣнъ самого Царя Нумидійскаго. Силла самъ, ревнуя еще болѣ къ славѣ Маріевой нежели сей ревновалъ къ завоеваніямъ Метелловымъ, приказалъ вырѣзать на камнѣ Исторію сего произшествія въ незабвенную память. На немъ изображено было какимъ образомъ Бокхъ выдалъ ему Югурту; и къ оскорбленію Марія, онъ употребилъ сей камень себѣ въ печать. Сіе обстоятельство маловажно было бы для Исторіи, естьли бы оно не подало причины ко враждамъ какіе послѣдовали между сими двумя великими Людьми[1], въ коихъ Сенатъ и Народъ принимали многое участіе.

Но сіе соперничество и противообщественные согласіи долженствовали укротиться отъ приближенія варваровъ, о которыхъ предъ симъ упомянуто. Болѣ трехъ сотъ тысячь человѣкъ, извѣстныхъ подъ именемъ Тевтоновъ и Цимбровъ вышедшихъ изъ Керсонеза Цимбрійскаго, совокупились

пились искать новыхъ земель, и болѣ теплаго климата. Сїи варвары, ведя съ собою безчисленное множество стариковъ, женъ и дѣтей, вступили въ Галлїю, и тамъ причинили великїе грабительствы. Цимбры побили на голову войско подъ предводительствомъ Марка Юнїя Силана, и другую часть силъ подъ повелѣнїемъ Марка Аврелїя Скавра, подручнаго Полководца у Кнея Маллїя тогдашняго Консула. А сей Консулъ и Квинтъ Сервилїй Цепїонъ, нѣсколько дней спустя равную имѣли участь, и потеряли въ двухъ великихъ сраженїяхъ людей болѣ восмидесяти тысячь. Сїи варвары по томъ раздѣлились: Тевтоны остались въ Галлїи, откуда они намѣрились итти въ Италїю, а Цимбры пошли въ Германїю. Великїе въ войнѣ уроны, къ тому безчисленность и звѣрство помянутыхъ варваровъ устрашили Римлянъ. Ненависть между ими прекратилась; двѣ разные стороны въ

Римѣ совокупились во едино; и всѣ единогласно препоручили Марїю произ-
650 веденїе войны оной. Онѣ получилѣ
годѣ. безсмѣнно во второй и вѣ третїй разѣ Консульское Достоинство, а сїе время онѣ употребилѣ для набранїя сильнаго войска и для укрѣпленїя тѣсныхѣ мѣстѣ и проходовѣ вѣ Италїи. Онѣ возвратился вѣ Римѣ, чтобѣ главноприсудствовать вѣ избранїи новыхѣ Консуловѣ, и обѣявилѣ что послѣ трехѣ разѣ онѣ не представляетѣ себя болѣ вѣ сїе Достоинство, и что онѣ откажется отѣ онаго, хотя бы то ему предложено было. Но тѣ кои вѣдали его властолюбїе не вѣрили его вѣ томѣ отрицанїю, и смѣялись притворству, сѣ которымѣ онѣ вѣ то же время научилѣ Сатурнина своего угождателя и Народнаго Трибуна, бранить себя измѣнникомѣ и злонамѣреннымѣ человѣкомѣ, за то что онѣ отказывался служить своему Отечеству, а между тѣмѣ наущать Народѣ чтобѣ онѣ прозьбою принудилѣ его принять предводительство войска. Толь

Толь видимое притворство не могло скрыться отъ догадки Римлянъ. Но какъ не было тогда искуснѣе его Полководца, и Метеллова старость препятствовала ввѣрить ему вмѣсто Марія произведеніе войны оной, то Марій избранъ былъ Консуломъ въ 652
четвертый разъ. Въ Товарищи ему годъ.
данъ былъ Катулъ Ликтацій. Сей хотя не могъ равняться съ нимъ въ военномъ знаніи, но превосходилъ его своею умѣренностью, добродушіемъ и кротостью нрава.

Двое Консулы раздѣлили Легіоны. Марій съ своею частью пошелъ противу Тевтоновъ, встрѣтилъ ихъ въ Провансѣ и разбилъ близъ Акена. Пишутъ, что сраженіе продолжалось цѣлые два дни; что сто пятьдесятъ тысячь Тевтоновъ погибло въ семъ сраженіи; и что толь великимъ урономъ Народъ сей приведенъ былъ почти въ ничтожность. Цимбры въ началѣ имѣли болѣ щастія; они перешли Альпы и достигли даже до

Сизальпинской Галлiи. Катулъ ожидалъ ихъ на берегу рѣки *Аѳезиса*; но какъ онъ имѣлъ только двацать тысячь человѣкъ противу безчисленнаго войска, то воины его пришли въ робость. Многiе убѣжали не видавъ еще неприятеля, и Римской Полководецъ принужденъ былъ, спасая остатокъ, сойти съ берегу рѣки, и разположиться въ прикрытыхъ мѣстахъ, гдѣ не льзя было принудить его къ бою. Марiй при началѣ своего пятаго Консульства, пришелъ къ нему на помощь со своимъ побѣдоносным войскомъ. Двое Полководцы, соединя свои силы, произвели сраженiе съ Цимбрами въ Версельскомъ полѣ. Сiи варвары были разбиты, и Римляне одержали надъ ними самую полную побѣду. Естьли должно вѣрить ихъ Писателямъ, то на мѣстѣ сраженiя легло сто двацать тысячь Цимбровъ, и шестьдесятъ тысячь взято плѣнныхъ.

Марiй

Марій и Катулъ совокупно торжествовали по разбитіи сихъ варваровъ; и Марій, въ ненасытномъ властолюбіи искалъ въ шестой разъ Консульства, толь старательно какъ и въ перьвой. Сказываютъ къ тому, что онъ купилъ его деньгами, кои сослужители его тайно разносили людемъ имѣвшимъ главную силу въ Трибахъ; и что онъ симъ безчестнымъ способомъ въ то же время нашелъ и то, что Метеллъ не былъ поставленъ въ сіе Достоинство, хотя по его добродѣтелямъ, знанію и желанію всѣхъ честныхъ людей онъ долженствовалъ войти въ правленіе Республики. А вмѣсто его выбранъ былъ Валерій Флаккъ, который былъ болѣ прислужникъ, нежели Товарищъ Маріевъ.

Сей великой человѣкъ по своей отмѣнной храбрости, и который былъ весьма полезенъ своему Отечеству въ военное время, содѣлался его Тираномъ во дни мира. На сей высокой

высокой степени славы, на которую онъ вознесенъ былъ своими побѣдами, едино присудствїе Метеллово было ему несносно, за то только что Метеллъ по своимъ добродѣтелямъ болѣ его былъ почитаемъ. Неудовольствуясь тѣмъ, что лишилъ его Консульства, онъ употребилъ самые низкїе и безчестные хитрости, дабы изгнать его изъ Рима. Онъ согласился для того съ двумя Сенаторами, кои назывались одинъ Главцїй, а другой Сатурнинъ. Они оба были явные неприятели Метелловы, и непотребнѣйшїе люди въ Республикѣ, коихъ сей почтенный Сенаторъ выгналъ было изъ Сената во время своего Ценсорства, но тому воспротивился его Товарищь, отъ котораго они сыскали себѣ милость.

Сїи три человѣка соединили свое мщенїе и коварствы. Марїй былъ тогда Консулъ, Главцїй Преторъ, а Сатурнинъ бывъ уже Народнымъ Трибуномъ, искалъ во второй разъ сего до-

достоинства, дабы имѣть способъ гнать Метелла тою властью которая соединена съ Трибунскимъ званіемъ. Но когда насталъ день избранія, то Нопій, одинъ изъ совмѣстниковъ Сатурниновыхъ, представилъ Народу весьма ощутительнымъ образомъ многіе преступленіи Сатурниновы кои его безславили; и Народъ въ которомъ еще находились остатки древнихъ Римскихъ добродѣтелей, устыдился поставить надъ собою толь недостойнаго Начальника. Ему всѣ голоса воспротивились; на мѣсто же его избранъ былъ Нонiй. Сіе предпочтеніе стоило ему жизни: Сатурнинъ велѣлъ его заколоть по концѣ собранія. Главцій же, съ которымъ онъ совѣщался исполнить сіе убійство, созвавъ на другой день весьма рано вторичное Собраніе, заставилъ сообщниковъ своихъ на скоро назвать Сатурнина Трибуномъ, пока еще большая часть Народа не успѣла явиться на площадь.

Тогда

Тогда трое помянутые Начальники согласились устроить гибель Метеллову. А дабы приступить къ тому, Сатурнинъ, въ званіи Народнаго Трибуна, возобновилъ древній споръ о поземельномъ раздѣлѣ; и чтобъ лутче возставить дѣло которое казалось быть давно уничтожено, онъ перемѣнилъ образъ прежнихъ требованій. Марій и Катуллъ по разбитіи Цимбровъ, взяли назадъ земли, коими сіи варвары завладѣли было въ Сизальпійской Галліи, и Сатурнинъ предложилъ раздѣлить ихъ на бѣдныхъ Гражданъ кои жили по деревнямъ: или лучше сказать на людей бродящихъ по всюду, кои служили у Марія въ войнѣ и были совершенно ему преданы. Онъ говорилъ по семъ предложеніи, что естьли Народу оно угодно, то чтобъ заставить Сенатъ утвердить его не позжѣ какъ въ пять дней, и чтобъ каждый Сенаторъ далъ въ томъ торжественную клятву въ храмѣ Сатурновомъ, а тѣ

кои

кои отрекутся отъ сей клятвы были бы изключены изъ Сената и осуждены ко взысканію съ нихъ двадцати талантовъ. Назначенъ по томъ день Собранія. Марій приказалъ тайно увѣдомить по деревнямъ живущихъ своихъ единообщниковъ, чтобъ они рано туда явились, и сколько можно въ большемъ числѣ; по чему сіи люди сошлись изъ разныхъ мѣстъ Италіи. Сатурнинъ ласкался, что способомъ ихъ множественнаго числа, онъ заставитъ принять Законъ который онъ вымыслилъ. Но градскіе жители завидуя предпочтенію въ земляхъ, какое дано было бѣднымъ деревенскимъ, крѣпко тому воспротивились. Сіе смятенное Собраніе раздѣлилось на двѣ стороны. Горожане находя себя слабѣе передъ деревенскими, кричали что слышенъ громъ, нарочно чтобъ перервать Собраніе; ибо по Законамъ и правиламъ ихъ Благочестія, услышанной громъ заставлялъ откладывать тотъ день всякіе исполненія.

ненїи. Однако крестьяне между которыми находились старые воины, большою частїю люди въ рукахъ проворные, не смотря на сїю суевѣрную примѣту, зачали бить Горожанъ камнями и палками, выгнали ихъ со сборнаго мѣста, а по томъ произвели принятїе Закона.

Марїй, который тайно предводительствовалъ въ семъ заговорѣ, созвалъ Сенатъ по своему Консульскому званїю, для разсужденїя о клятвѣ Закономъ предписанной, которую положено сильно истребовать отъ всѣхъ Сенаторовъ. Какъ онъ зналъ Метелла человѣкомъ прямодушнымъ и твердымъ въ своихъ предприятїяхъ, то дабы уловить его въ свои сѣти притворился будто бы порочилъ и ругалъ толь несправедливой Законъ, который, сказывалъ онъ лицемѣрно, не служилъ ни къ чему другому какъ только возобновлялъ древнїе раздоры. Къ тому прибавилъ, что онъ ни когда не согласится къ учи-

ненїю клятвы разрушающей тишину Республики. Метеллъ, какъ то предвидѣлъ Марїй, не преминулъ пристать къ его мнѣнїю, а за нимъ и весь Сенатъ тому послѣдовалъ.

Марїй, извлекши сїе мнѣнїе отъ человѣка отнюдь неудобнаго перемѣнять свои мысли, созвалъ Сенатъ въ пятый день назначенной Закономъ для учиненїя клятвы, и тогда онъ прямо открылъ свою душу. Онъ говорилъ, что онъ внимательно и подробно размышлялъ о семъ великомъ дѣлѣ; что не льзя никакъ отбыть отъ предписанной клятвы не подавъ тѣмъ повода къ опасному возмущенїю; что злость и мщенїе грубаго и неукротимаго людства ни какими доводами не могутъ быть обузданы, естьли не будетъ того исполнено. Но чтобы успокоить пришедшихъ людей, и отослать изъ Рима, онъ представлялъ способъ удовольствовать ихъ клятвою двояко значущею; то есть, чтобъ Сена-

торы

торы поклялись исполнить Законъ, но съ симъ изключенїемъ, *естьли то прямо узаконено.* Онъ прибавилъ, что когда деревенскїе жители выйдутъ изъ Города, то не трудно будетъ въ другомъ порядочномъ Собранїи растолковать городскимъ, что не льзя почитать въ Законъ усильное предложенїе отъ Трибуна, которое одобрено было только одними возмутителями, и въ такихъ обстоятельствахъ кои дѣлали недѣйствительными всѣ того дня рѣшенїи.

Сей вѣроломный человѣкъ изкривя такимъ образомъ свое обѣщанїе, идетъ тотъ часъ въ Сатурновъ Храмъ, и тамъ учиняетъ чистую и некривую клятву. Сообщники его то же сдѣлали, и большая часть протчихъ Сенаторовъ, иные мзды ради, а другїе боясь изгнанїя, послѣдовали его примѣру. Одинъ лишь Метеллъ непоколебимо остался при своемъ первомъ мнѣнїи; а неприятели его того

только

только и желали для исполненія пред-
пріятаго намѣренія къ его гибели.
Сатурнинъ, видя что онъ не учинилъ
клятвы въ предписанное время Зако-
номъ, хотѣлъ послать Придверника
чтобъ его вывесть изъ Сената. Но дру-
гіе Народные Трибуны, кои не были въ
помянутомъ совѣщаніи, почитая Добро-
дѣтели Метелловы, единогласно вос-
противились поруганію какое хотѣли
сдѣлать сему великому Мужу.

Сатурнинъ, озлобясь еще болѣ отъ
сего препятствія, приказываетъ опять
собраться въ Римъ вышепомянутымъ
деревенскимъ жителямъ. Онъ учрежда-
етъ Собраніе, восходитъ на витій-
ственный Трибунъ, и во первыхъ изпу-
стя ядъ свой противу Метелла объ-
являетъ по томъ всему людству, что
они не должны ожидать поземельнаго
раздѣла, ни исполненія Закона, пока
Метеллъ останется въ Римѣ. По пред-
ставленію сего мятежнаго Трибуна, Со-
браніе осудило Метелла къ изгнанію,
естьли онъ въ тотъ же день не испол-

жить Закона. Римскіе Вельможи, весь Сенать, и честнѣйшіе люди между самымъ Народомъ, хотѣли воспротивиться толь несправедливому Плебиситу. Много было и такихъ кои, по привязанности своей къ особѣ Метелловой, взяли съ собою подъ полы скрытные оружіи. Но сей благоразумный Сенаторъ, любя прямо свое Отечество, благодарилъ только ихъ съ ласковостью за усердіе какое они оказывали, и объявилъ имъ, что онъ никогда не позволитъ чтобъ за него проливалась кровь Гражданъ его. Сказываютъ что онъ, восприявъ намѣреніе подвергнуть себя изгнанію, говорилъ особливымъ друзьямъ своимъ для оправданія своего предприятія, что когда тишина по прежнему возставится въ Руспубликѣ, то онъ надѣется что опять его вызовутъ; буде же Правленіе останется въ рукахъ Сатурниновыхъ и людей ему подобныхъ, то онъ ничего лучше себѣ желать не можетъ, какъ жить

далеко

далеко отъ Рима. Онъ отъѣхалъ потомъ въ свою ссылку. Добродѣтели его и добрая слава приобрѣли ему Согражданъ всюду гдѣ онъ ни появился. Онъ ни въ которомъ мѣстѣ не былъ почитаемъ чужеземцемъ, и учредя пребыванïе свое въ островѣ Родосѣ, наслаждался тамъ, въ тихомъ покоѣ, сею естественною властью, которую даютъ Добродѣтели, безъ помощи титуловъ.

Республика, по изгнанiи Метелловомъ, осталась въ жертву Сатурнину. Марiй, въ воздаянïе ему за услуги оказанные въ помянутомъ дѣлѣ, попустилъ чтобъ онъ явно въ Римѣ возстановлялъ тиранство. Не стало уже тогда вольности въ избранiяхъ, а все рѣшилось единымъ насилïемъ. Сей злобою дышущiй Трибунъ, водя всегда за собою толпу убiйцевъ, кои служили ему спутниками, заставилъ сдѣлать себя Трибуномъ и въ третiй разъ, въ Товарищи же себѣ назвать бѣглаго не-

вольника, по имени Луція Еквилія Фирмана, который называлЪ себя сыномЪ Тиверія Гракха. На конецЪ насильство его столь вышло изЪ мѣры, что онЪ желая возвести вЪ Консульство Главція, сообщника всѣхЪ своихЪ злодѣяній, приказалЪ Приску Меттію своему спутнику, убить до смерти палками Меммія достославнаго Патрикія, который нашелся совмѣстникомЪ ГлавціевымЪ вЪ требуемомЪ Консульствѣ.

Таковое убійство заставило честнѣйшихЪ людей принять оружіе; самый НародЪ приобщился кЪ Сенату. Сборное мѣсто сдѣлалось мѣстомЪ побоища, гдѣ безвозбранно Граждане проливали кровь ГражданЪ своихЪ. СатурнинЪ, Главцій, Кней Савфеій, тогдашній КвесторЪ, и ихЪ сообщники, находя себя менѣ сильными, вобрались вЪ Капитолій. СенатЪ общимЪ ОпредѣленіемЪ, объявилЪ ихЪ неприятелями Отечества, и приказалЪ Марію произвесть надЪ ними наказа-

ніе.

ніе. Сей принужденъ былъ вооружить противу ихъ ополченіе, но онъ поступалъ въ томъ съ такою мѣдленностью, которая давала видѣть что онъ не отъ доброй воли исполнялъ повелѣніи Сената.

Народъ вѣдалъ его склонность къ злодѣямъ и тайные съ ними сообщеніи; по чему не терпя болѣ его медленности, и раздражаясь тѣмъ что сіи непотребные люди засѣли въ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ Города, перерубилъ трубы кои сообщали воду въ Капитолій, и довелъ скоро сихъ мятежниковъ до крайности умирать отъ жажды. Большая ихъ часть, отъ упрямства чтобъ не отдаться въ руки, хотѣли лучше зажечь Капитолій, надѣясь подъ защитою замѣшательства и смятенія какое бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, уйти оттуда; но Сатурнинъ и Главцій уповая на дружбу къ нимъ отъ Марія, предались сами въ его руки. Онъ приказалъ ихъ запереть въ нѣкоторомъ

ромЪ домЪ, какЪ будто бы намѣренЪ былЪ произвесть надЪ ними судЪ надлежащимЪ порядкомЪ. Но сей домЪ служилЪ имЪ болѣ убѣжищемЪ, нежели тюрьмою. Марій приставилЪ кЪ нимЪ стражу, не столько для удержанія ихЪ отЪ побѣга, какЪ для того чтобЪ укрыть сихЪ злодѣевЪ отЪ предпріятій ихЪ гонителей.

Сіи предосторожности не воспрепятствовали однако разЪяренному Народу самому собою управиться. Нѣкоторая часть людства отбиваютЪ приставЪ и окружаютЪ домЪ гдѣ злодѣи заключены были; иные лѣзутЪ на кровли, ломаютЪ верьхЪ, и черепицами и камнями побиваютЪ Сатурнина, Главція, Савфеія и все общество плутовЪ, кои сЪ ними тамЪ были заперты. Смерть ихЪ была вступленіемЪ кЪ вызыву Метеллову. Родня, друзья его, или лучше сказать весь СенатЪ требовали его у Народа вЪ общемЪ Собраніи. Всѣ голоса были вЪ пользу его обЪявлены,

одинЪ

одинъ только Народный Трибунъ, по имени Фурій, осмѣлился спорить противу желанія всѣхъ Сограждан своихъ.

Сей Трибунъ былъ сынъ нѣкотораго отпущенника: но при всемъ его нискомъ произхожденіи, званіе Трибуна давало ему право сопротивленія, и друзья Метелловы должны были его упрашивать чтобъ споръ свой уничтожилъ. А сынъ Метелловъ бросился къ ногамъ его посреди Собранія, заклиная его со слезами, не отнимать у него отца котораго возвращенія единогласно всѣ желали. Отъ сего случая онъ прозванъ былъ Метеллъ благочестивый. Но непреклонный Трибунъ отринулъ его прозьбу съ жестокостью. По щастью Кайй Канулей въ слѣдующемъ году избранъ Народнымъ Трибуномъ. Сей Плебеянской Начальникъ, почитая отмѣнные добродѣтели Метелловы, не довольно что уничтожилъ споръ своего Предмѣстника, но еще самъ со-

дѣлался гонителемъ Фуріевымъ, и тогда же началъ обвинять его поступки. Онъ представилъ Народу, съ великимъ краснорѣчіемъ, его безчеловѣчіе, и злоупотребленіе правъ какіе онъ имѣлъ по своему званію. Онъ говорилъ, что Фурій въ удовольствіе своего особеннаго пристрастія, отнималъ у Города и Отечества лучшаго Гражданина въ республикѣ. Наконецъ онъ представилъ своего Товарища толь гнуснымъ, что Народъ не дожидаясь оправданія отъ обвиненнаго, изрубилъ его въ части. Такимъ образомъ Трибунство, сіе святопочитаемое Начальство установленное въ защиту и сохраненіе Гражданъ, оскорблено было въ особѣ Трибуна, который простиралъ чрезмѣрно власть свою во время своего правленія.

Не оставалось потомъ болѣ препятствія для призыва Метеллова, и онъ въ Римъ возвратился. Весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу

и

и возвращенїе его произвело прямое торжество. ВЪ цѣлый день не могли кончиться изЪявляемые ему поздравленїи отЪ Сената и привѣтствїи отЪ Народа. Всѣ почитали что сЪ нимЪ возвратились вЪ РимЪ правосудїе, тишина и вольность. ОдинЪ только Марїй всегда завиствуя его славѣ, и не могши воспрепятствовать ни терпѣть его возвращенїя, вышелЪ изЪ Рима, и предпринялЪ путь моремЪ подЪ видомЪ что онЪ отправился вЪ Азїю исполнить нѣкоторые священные обѣты, кои онЪ, какЪ сказывалЪ, положилЪ на сердцѣ вЪ возблагодаренїе Матери БоговЪ, во время войны сЪ Тевтонами и Цимбрами. СверьхЪ же Метеллова присудствїя, отЪ котораго онЪ убѣгалЪ видя вЪ немЪ безпрестанной упрекЪ своей неблагодарности, была еще скрытая причина, понудившая его удалиться изЪ Рима и ѣхать вЪ Азїю. Марїй, великой ПолководецЪ, но дикой человѣкЪ вЪ

Гражданскомъ обращенiи, человѣкъ обыкшiй къ самовластному повелѣнiю въ войскѣ, не находилъ себѣ дѣла въ мирномъ состоянiи, и не имѣлъ отнюдь талантовъ нужныхъ для отличенiя себя въ Республикѣ, гдѣ красноръчiе наиболѣ участвовало въ Правленiи.

Потребна была для него война для приобрѣтенiя вновь силы. Есть ли вѣрить въ томъ Плутарху, онъ отправился въ тайномъ предприятiи возжечь войну въ Азiи, и особливо привести Римлянъ къ тому чтобъ они объявили себя непрiятелями Митридату, сильнѣйшему Государю на Востокѣ, которой былъ въ подозрѣнiи что онъ производилъ бранные согласiи и готовилъ вооруженiе противу Римлянъ. Марiй желалъ чтобъ Митридатъ открылъ свои намѣренiи, надѣясь имѣть послѣ предводительство войны оной, получить новые Трiумфы, и наполнить свой домъ восточными богатствами.

Ска-

Сказывають, что бывъ гостемъ у сего Государя, онъ дѣлалъ ему разные предложенїи, чтобъ проникнуть его виды. Но какъ Митридатъ не отвѣтствовалъ ему съ довольною точностїю, то Марїй ему сказалъ: „Должно, Митридатъ, или чтобъ ты „сдѣлался сильнѣе Римлянъ, или „чтобъ ты имъ покорился.„ Понтїйской Государь, самый горделивый изъ всѣхъ Царей своего времени, обыкшїй къ ласкательному языку своихъ придворныхъ, пришелъ въ удивленїе отъ дерзкихъ словъ сего Республиканина. Но поколику онъ былъ не мѣнѣ искусенъ въ политикѣ, какъ и въ военномъ дѣйствїи, и къ тому силы его не были еще приведены въ должное состоянїе, то онъ скрылъ тогда досаду отъ Марїя, и отпустилъ его со многими дарами.

Сей Римлянинъ объѣздивъ часть Азїи, возвратился въ Римъ, гдѣ нашелъ мало друзей, и еще менѣ повѣренности. Жестокїе и властитель-

тельные его поступки не приличны были въ вольномъ Государствѣ, гдѣ всѣ Граждане почитали себя равными, и гдѣ самые сильные люди не инымъ образомъ приобрѣтали себѣ угождателей какъ ласкою и благодѣянїемъ. Онъ имѣлъ участь величайшихъ воиновъ, кои коснѣютъ до старости въ долгомъ мирѣ. И самые его побѣды позабыты были; а смотрѣли на него, сказываетъ Плутархъ, какъ на старое ржавое оружїе, въ которомъ не чаяли ни когда имѣть нужды. Сверьхъ того появились уже другїе Полководцы молодые, кои привлекли къ себѣ общую повѣренность; и между прочими изъ благороднаго Общества, болѣ всѣхъ отличилъ себя Силла, о которомъ уже говорено было.

Читатель видѣлъ съ какою хитростью сей Патрикїй, кончилъ вдругъ войну въ Нумидїи, заставя Бокха выдать себѣ Югурту. Съ равнымъ искуствомъ, во время какъ

Рим-

римляне воевали противу Цимбровъ и Тевтоновъ, онъ заставилъ Марсянъ, (*) сильной Народъ въ Италiи, вступиться за римлянъ. Онъ, послѣ Марiя, болѣ всѣхъ участвовалъ въ разбитiи Цимбровъ, и онъ взялъ въ плѣнъ одного изъ Царей сихъ варваровъ.

Марiй, завистникъ всякаго Достоинства, а наипаче доброй славы получаемой отъ оружiя, принудилъ Силлу разными нападками отстать отъ войска. Катуллъ однако, зная его способность и храбрость, предложилъ ему въ своемъ войскѣ тотъ же Чинъ которой онъ имѣлъ у Марiя. Онъ къ тому почтилъ его совершенною довѣренностью. Силла, будучи поворотливъ и рачителенъ съ своею рѣдкою

(*) Италiйской Народъ, сосѣдственный съ Самнитянами, обитавшiй въ сей части Неаполитанскаго Королевства, которая называется дальная Абруцца.

рѣдкою храбростью, облегчалъ во всѣхъ многотрудныхъ должностяхъ своего Полководца; и какъ Катулъ былъ уже старъ и нескоръ въ дѣйствiяхъ, то все оставалось учреждать Силлѣ. Походы, порядокъ военнаго стана, разсылки частныхъ войскъ, и даже попеченiе о сѣѣстныхъ припасахъ зависѣли отъ Силлина усмотренiя. И между тѣмъ какъ Марiево войско оскудѣвало въ пищѣ, Катуловы воины столь изобиловали, что могли щедро снабжать ею воиновъ недостаточнаго Полководца. Сказываютъ что Марiй отъ сего возчувствовалъ жесточайшую ненависть противу Силлы; что онъ почиталъ сiю щедрость нѣкоторою хитрою переманкою отъ него къ себѣ воиновъ; и что то была одна не изъ послѣднихъ причинъ, кои произвели между ими жестокую вражду бѣдственную на конецъ для Республики. Вражда сiя оказалась при случаѣ сдѣланныхъ нѣкоторыхъ фигуръ на побѣду,

и нѣкоторыхъ золотыхъ изображенїй кои Бокхъ посвятилъ въ Капитолїй. Сїи изображенїи, представляли бытность того какъ Бокхъ отдалъ Югурту въ руки Силлѣ. Марїй хотѣлъ выкинуть оные монументы, кои по изображенїю ихъ, приписывали одному Квестору нижнему его Чиновнику, всю славу дѣйствїя совершившагося въ его Консульство. Силла, съ своей стороны, воспротивился тому съ рѣшительною твердостью; и соперники готовы были принять оружїе другъ противъ друга, въ такое время когда все рѣшилось въ Римѣ насильствомъ и наглостью. Каждый присталъ къ сторонѣ того или другова, по своей пользѣ и по своимъ обязанностямъ. Римъ весь сталъ быть въ раздѣленїи. Толико малая причина ссоры, увеличенная со обоихъ сторонъ, двумя гордыми, высокомѣрными и враждующими другъ противъ друга Начальниками, возродила вновь проти-

вообще-

кообщественную между Благородными и Плебеянами ненависть, толь древнюю какъ основалась республика. Производятся заговоры, составляются сонмы; каждый подговариваетъ своихъ друзей и угождателей. На конецъ Городъ былъ въ семъ смятеніи, какое предслѣдуетъ обыкновенно междоусобенному бою; но тогда смерть Ливія Друза подала поводъ къ войнѣ *междонародной*, которая утишила на время раздоръ домашній.

Можетъ быть не безполезно будетъ изъявить здѣсь какимъ образомъ сія внѣшняя война восприяла свое начало въ самомъ римѣ, и потомъ разпространилась во всей Италіи. римская республика вмѣщала въ себѣ разные образы правленія, относительно къ разнымъ Народамъ ей подверженнымъ. Гражлане римскіе живущіе въ римѣ или по деревнямъ, написанные въ Трибную Книгу, были тѣ кои подавали Ценсорамъ имена

свои,

свои имена такъ же своихъ дѣтей и невольниковъ, съ прописанїемъ количества своего имѣнїя: а потому учреждалась подать которую они платить долженствовали. Одни сїи Граждане составляли непобѣдимые свои Легїоны, кои содѣлали Римъ Царствующимъ Градомъ надъ Вселенною. Они сами себѣ избирали Полководцевъ и Правителей. Сами собою рѣшили о войнѣ и о мирѣ; къ тому право голоса дѣлало ихъ участниками въ государственномъ Началовластїи. Народы Латїума, или земли Латинской, частью отдались сами Республикѣ, частью же покорены были силою оружїя. Они платили наложенную на нихъ подать и въ военное время ставили предписанное число конныхъ и пѣшихъ воиновъ. Въ протчемъ, хотя они почитались нѣкоторымъ образомъ членами Республики, и хотя соучаствовали въ ея тягостяхъ, однако не были приобщены къ Чиноначальнымъ

нымъ достоинствамъ, ниже имѣли право голоса. Правда, что при нѣкоторыхъ колеблющихся обстоятельствахъ, для лучшаго привязанія ихъ къ пользѣ Республики, иногда выступаемо было изъ сей мѣры, какъ видно въ произшествіи второй войны Пунической: и то опасаясь чтобъ сіи разные Народы, составляющіе въ совокупленіи главную силу Республики, не преклонились къ Анибалу, которой столько былъ искусенъ переманивать и возмущать людство, сколько страшенъ своею ратною силою. Но когда опасность миновала, Римляне всячески старались то преобратить въ одну только времянную милость, которая не могла дать имъ на всегда равнаго права. А въ протчемъ каждый Народъ Латинской былъ подъ правленіемъ одного изъ своихъ Гражданъ, который избирался между ими по большинству голосовъ, и подъ титуломъ Претора давалъ имъ судъ и расправу. По выходѣ же

изъ

изЪ своего званія сей ПреторЪ почитался РимскимЪ ГражданиномЪ. Причисленіе его кЪ Римскому Гражданству служило ему доказательствомЪ дворянскаго Благорожденія. Таковое преимущество отличало сію округу отЪ другихЪ земель называвшихся Республическими Провинціями, вЪ кои посылались изЪ Рима ПреторЪ для судебнаго правительства и КвесторЪ для сбора подати.

Уже изЪ давна, какЪ о томЪ упомянуто было, сіи Народы сосѣдственные сЪ РимомЪ, требовали себѣ наименованія ГражданЪ РимскихЪ. Они представляли что они платятЪ великіе подати; что вЪ войнѣ Область ихЪ ставитЪ вЪ двое болѣ войска, нежели собирается вЪ Римѣ и его окружностяхЪ; что Республика долженствуетЪ частью ихЪ мужеству сію высокую степень власти на которой она находится; и что по справедливости они должны имѣть участіе вЪ преимуществахЪ

Государства, коего Владычество они разпространили своимЪ оружїемЪ. ПредЪ симЪ описано было коимЪ образомЪ Каїй ГракхЪ лишился жизни, за то что желалЪ изходатайствовать ЛатинянамЪ помянутое право ГражданЪ РимскихЪ. СенатЪ и вельможи воспротивились тогда оному, подЪ тѢмЪ видомЪ что не справедливо было чтобЪ подданные Республики могли содѢлаться ихЪ равными и ихЪ Согражданами. Но справедливая причина ихЪ сопротивленїя была та, что они не хотѢли усилить передЪ собою Народную сторону новымЪ голосовЪ причисленїемЪ. Смерть Каїева однако не устрашила Друза, который ласкался получить вЪ томЪ успѢхЪ другою дорогою, то есть, содѢлавшись посредникомЪ между двумя противоспорящими Обществами.
662 годЪ. Таково намѢренїе было весма похвально, но превосходило и разумЪ его и силу. И чтобЪ угодить на обѢ стороны, онЪ, во второе свое

Три-

Трибунство, предложилъ возвратить Сенату вѣденіе противозаконныхъ преступленій, кои были подъ судомъ общества рыцарскаго; а въ замѣну за то, изъ сего второй степени Общества выбрать триста рыцарей кои бы могли присудствовать въ Сенатѣ. При помощи же сихъ двухъ предложенныхъ имъ Законовъ, онъ старался вмѣстѣ произвесть Законъ Каїя Гракха, касающійся до раздѣла земель, и до права Гражданскаго Латинянамъ.

Но онъ нашелъ равное въ томъ сопротивленіе, отъ стороны Сенаторовъ и рыцарей. Сенатъ съ досадою слышалъ отъ Трибуна что онъ предпринялъ ввести въ высокое Общество Сенаторовъ, триста рыцарей, кои стали бы господствовать во всѣхъ рѣшеніяхъ. Сторона же рыцарей не уповая произойти тѣмъ въ степень Сенаторовъ, не хотѣла потерять изъ своего Общества судебную должность, и Трибуналъ который

торый давалъ имъ великую важность въ Римѣ. Такимъ образомъ сіи два Общества хотя по противнымъ другъ другу видамъ согласились Друзовы Законы отставить. Но еще болѣ нашелъ онъ сопротивленія для Законовъ Каїевыхъ, кои онъ возобновить тщился. Едино наименованіе поземельныхъ Законовъ вооружило всѣхъ кои владѣли завоеванными землями; и Римскіе вельможи, обыкшіе къ властительству надъ покоренными Республикѣ Народами, безмѣрно озлобились противу Друза, которой хотѣлъ вмѣстить къ нимъ въ Согражданство людей коихъ они почитали своими подданными. Толь разновидные мнѣніи производили безпрестанные споры во всѣхъ Собраніяхъ. И какъ все рѣшилось тогда не по правиламъ истинны, а по насильству и наглости отъ каждой стороны, то сошлось въ Римъ великое людство Латинянъ для подкрѣпленія своего Покровителя. При всемъ томъ

онъ

онъ не могъ избѣгнуть отъ разъяренной злобы своихъ непріятелей. Въ то время какъ онъ находился въ своемъ Трибуналѣ учрежденномъ въ его домѣ и въ темномъ мѣстѣ, и какъ онъ окруженъ былъ тѣсною толпою Народа, то пораженъ въ бокъ ножемъ неизвѣстною рукою, и убійца оставилъ ножъ въ ранѣ, отъ которой Трибунъ умеръ. Не льзя было отыскать злодѣя, потому что онъ скрылся въ толпѣ Народной. Но послѣ сталъ въ томъ подозрителенъ Народный Трибунъ Квинтій Варій, по предложенному отъ него Закону по смерти Друзовой. Сей Законъ объявлялъ преступниками и государственными злодѣями всѣхъ тѣхъ кои возобновятъ прежнее предложеніе чтобъ дать Гражданское преимущество чужеземцамъ и Италійскимъ Народа покореннымъ Республикѣ.

Смерть Друза, убитаго въ своемъ Трибуналѣ, за то что онъ 663 годъ.

же-

желалъ изходатайствовать симъ Народамъ право Гражданства, произвела войну названную *междонародною бранью*, или бранью союзниковъ. Помянутые Народы, въ оскорбленіи что требованіи ихъ были уничтожены смертью ихъ покровителя, вознамѣрились получить въ томъ успѣхъ силою оружія. Главные Городы тайно сперва переслались между собою дабы соединить общее ихъ предпріятіе. Они подписали по томъ договоръ и взаимно другъ другу дали залоги. Каждая округа приуготовила оружіе и лошадей; набраны войски, и поставлены повелители. Титъ Афраній, прискъ Вентидъ, Маркъ Егнатій, и Верій Като, все равно знаменитые Полководцы долженствовали предводительствовать разные ополченіи. Но прежде всякаго нападательнаго дѣйствія они послали въ Римъ Депутатовъ, требовать отъ имени всѣхъ Италійскихъ Народовъ, союзныхъ или подданныхъ Республикѣ, чтобъ они приняты

няты были въ число Гражданъ Римскихъ.

Сенатъ, равно вѣдая о ихъ требованіяхъ и о ихъ силахъ, величавымъ образомъ отказалъ допустить къ себѣ Депутатовъ; а приказалъ имъ сказать что они не будутъ допущены, пока тѣ кои ихъ посылали не отрекутся отъ договора ими подписаннаго; и съ симъ отвѣтомъ они отпущены были.

Союзные Начальники, по возвращеніи посланныхъ, въ едино время со всѣхъ сторонъ вооружились. Вдругъ оказалось въ Италіи сто тысячь человѣкъ войска, кои всѣ клятвами утвердились воевать противу Рима; и сіи войски тѣмъ страшнѣе были что находились подъ предводительствомъ лучшихъ Полководцевъ возросшихъ въ полкахъ и военныхъ ученіяхъ между Римлянъ.

Сенатъ, съ своей стороны вооружился съ великою поспѣшностью и вывелъ въ поле большее число Ле-

 гіоновъ

гіоновъ нежели бывало обыкновенно. Секстъ Юлій Цесарь, и Прискъ Рутилій Лупъ, оба того года Консулы, пошли въ походъ, каждый повелѣвая особымъ войскомъ. Къ нимъ даны въ подручные Полководцы Каій Марій, Кнеій Помпеій, Корнелій Силла и Луциній Крассъ, кои почитались славными Полководцами въ Республикѣ, и большая ихъ часть прежде сами повелѣвали войсками въ званіи Консуловъ и Главноповелителей. Любовь къ Отечеству произвела то, что бывшіе въ предслѣдующемъ году главные Предводители, не гнушались служить послѣ въ томъ же войскѣ въ званіи подручныхъ Начальниковъ. Сіи наименованы были Проконсулами; и хотя всегда находились въ повелѣніяхъ двухъ Консуловъ, повелѣвали однако особыми войсками, для разныхъ сторонъ въ кои надлежало итти войною.

Никогда Республика не имѣла въ едино время столько разныхъ

войскъ въ Италіи. Въ предосторожность же отъ нечаяннаго нападенія, приставлены были стражевые войски къ воротамъ Рима, во время войны въ которой воины той и другой стороны одинако одѣты были, однимъ языкомъ говорили и знались между собою, такъ что трудно было различить своего отъ неприятеля Скоро послѣдовали кровопролитные побоищи, главные сраженіи и побраніи Городовъ. Щастье неоднократно переходило на ту и на другую сторону, кои обѣ равно обезсиливались, не уступая одна другой въ ярости и мщеніи. На конецъ Сенатъ примѣтилъ что и самые побѣды Республики были для нее бѣдственны, и что изтребляя Союзниковъ она теряетъ воиновъ кои прежде составляли ея силы. Сіе благоразумное Общество отступило отъ своей первой твердости, но склонялось однако мало по малу дабы сохранить достоинство Римскаго имени, а между

ду тѣмъ производить несогласіе между Союзниками. Въ началѣ дано было споримое Право и преимущество однимъ только Народамъ сосѣднимъ съ Римомъ: или тѣмъ кои не приняли противу Римлянъ оружія, или тѣмъ кои первые воевать перестали. Сей поступокъ поколебалъ твердость неприятелей. Союзники во взаимной недовѣренности, поспѣшали каждый заключать особо договоръ свой. А Римляне съ своей стороны находили приличнѣе ихъ высокости уступить неприятелямъ раздѣлившимся и обезсиленнымъ, нежели уступить цѣлому силъ совокупленію, и въ то время когда они наиболѣ казались страшны. Напослѣдокъ всѣ сіи Народы получили одинъ за другимъ право Гражданства Римскаго, кромѣ однихъ Самнитянъ ихъ сосѣдей, которые по своему упорству и храбрости, по ревности же и ненависти къ началовластію Рима, продолжали войну еще нѣсколько времяни, но болѣ

отъ

отъ ожесточенія сердца нежели по надеждѣ силъ своихъ.

Но хотя Сенатъ далъ право Гражданства сосѣдямъ Римскимъ, но сіе право, по образу его установленія, почти ни къ чему не служило. Вмѣсто чтобъ помянутое множественное число Народовъ приобщенныхъ къ Гражданству вмѣстить въ прежніе Тритцать пять Трибовъ, отъ которыхъ большая часть рѣшеній тогда зависѣли по превосходному числу людства, Сенатъ имѣлъ хитрость росписать ихъ, съ собственнымъ ихъ согласіемъ, въ восемь новыхъ Трибовъ. И какъ они по своему установленію долженствовали послѣдніе подавать свое мнѣніе, то безполезно было считать ихъ голоса, естьли старые Трибы были уже согласны. Такимъ образомъ право Гражданства, для коего Союзники истощили кровь свою, содѣлалось единымъ только тщетнымъ званіемъ, безъ употребленія и безъ властительства.

Они

Они скоро однако примѣтили что они вчинены были въ восемь послѣднихъ Трибовъ, для того чтобъ голоса ихъ оставались не дѣйствительными.

Между тѣмъ Сенатъ ласкалъ себя что сею политикою возставилъ тишину въ Италїи, и мыслилъ обратить свое оружїе къ сторонѣ Восточной; но тогда ревность между Вельможами произвела междоусобную брань, которая тотъ часъ послѣдовала за войною междонародною. Марїй будучи уже за семдесятъ лѣтъ своего возраста, не удержалъ въ сей послѣдней войнѣ той высокой славы которую онъ приобрѣлъ въ сраженїи съ Тевтонами и Цимбрами: или по старости, которая удручала его бодрость, или по тому что онъ не имѣлъ щастливыхъ къ оказанїю себя случаевъ, онъ почти всегда дѣйствовалъ только оборонительно. На противу того Силла, будучи проворенъ, неославенъ и

рѣшителенъ, одержавъ верьхъ въ великихъ сраженїяхъ, побралъ знатные Городы, и отличился въ сей войнѣ толь превосходными успѣхами, что во первыхъ онъ награжденъ былъ за свои услуги Консульствомъ. По- 665 томъ вручено ему было Правитель- годъ. ство Малой Азїи, съ препорученїемъ ему войны противу Митридата. То былъ самый сильный Государь на Востокѣ, великой Полководецъ, но неправеденъ, жестокъ, кровожаждущъ, каковы большою частью завоеватели; и почти вся его Область составлена была изъ владѣнїй кои онъ отнялъ силою у своихъ сосѣдей. Силы же его были равны его предприятїямъ и властолюбїю. Въ войскахъ его считалось до двухъ сотъ пятидесяти тысячь людей пѣхоты, пятдесятъ тысячь конницы, безчисленное множество оружейныхъ повозокъ, и въ портахъ его болѣ четырехъ сотъ тысячь военныхъ кораблей находилось.

Частные его войски предводительствуемы были искусными Полководцами; но онъ всегда былъ въ нихъ главный Повелитель. И хотя самъ не могъ вездѣ присудствовать, но онъ одинъ учреждалъ войскъ своихъ дѣйствіи. Онъ владѣлъ Каппадокіею и Вифиніею, что онъ отнялъ войною у Царей Аріобарзана и Никомеда, союзниковъ Римскаго Народа. Фракія, Македонія, Греція, Аѳины, и большая часть Островов Цикладскихъ равную судьбу имѣли. Римской Сенатъ приказалъ ему сказать чтобъ онъ вывелъ свои войски изъ всѣхъ помянутыхъ Областей, кои состояли подъ покровительствомъ Республики. Тогда сей Государь, чтобъ показать сколь онъ мало боится Римлянъ приказалъ убить въ нѣкоторый назначенный день сто пятдесятъ тысячь Римлянъ, большою частью людей торговыхъ, кои, пользуясь миромъ, купечествовали и поселились въ главныхъ Городахъ Греціи.

цїи. Онъ угрожалъ войною самому Риму и всей Италїи въ то время какъ на сопротивленїе ему поставленъ былъ въ Римѣ Силла. Марїй имѣя всегда жестокую страсть къ начальствїю, и до того часа уповая получить предводительство войны оной, почиталъ сїе предпочтенїе несправедливымъ. Онъ такъ казалъ себя какъ будто бы ему принадлежали всѣ должности въ Республикѣ. Съ таковымъ властолюбїемъ онъ вознамѣрился отнять у Силлы произведенїе войны противу Митридата. Онъ согласилъ на свою сторону одного Народнаго Трибуна, по имени Приска Сулпицїя, великаго неприятеля Силлы, которой былъ краснорѣчивъ, скоръ, предпрїимчивъ, и уважаемъ въ Римѣ по своимъ великимъ богатствамъ и великому числу Клїентовъ, а болѣ еще страшенъ былъ своею властью, коею онъ могъ вредить людемъ, и своею силою соединенною съ Трибунскимъ званїемъ.

Сіи два человѣка соединенные общею ненавистью которую они оба питали противу Силлы, и противу Благороднаго Общества, согласились прежде всякаго дѣйствія, умножить свое противообщество. А дабы получить въ томъ успѣхъ, Сулпицій, вѣдая сколь недовольны были Союзники помѣщеніемъ ихъ въ послѣдніе восемь Трибовъ республики, предложилъ въ пользу ихъ уничтожить сіи восемь Трибовъ, и потомъ чтобъ всѣ Италійскіе Народы ихъ составляющіе вмѣщены были въ тритцать пять старыхъ Трибовъ. Онъ уповалъ по ихъ великому числу господствовать во всѣхъ общенародныхъ рѣшеніяхъ. Старые Граждане, вразумленные Сенатомъ, легко поняли, что естьли вмѣшаются между ими чужеземцы коихъ они изъ милосердія въ число Гражданъ удостоили, то сіи чужеземцы нечувствительно приведутъ въ упадокъ власть и силу своихъ благодѣтелей.

Сїи уваженїи заставили ихъ воспротивиться изданїю помянутаго Закона. Трибунъ же, съ своей стороны, подкрѣпляемъ новыми Гражданами, коихъ онъ нарочно въ Римъ собралъ, хотѣлъ силою заставить людей утвердить предложенное имъ узаконенїе. Обѣ стороны дошли до драки; и въ семъ смятенїи великое число Гражданъ какъ тѣхъ такъ и другихъ побито. Собранїе пресѣклось за наступившею ночью, и ни чего въ ономъ рѣшено не было.

Консулы, чтобъ отдалить время новаго созыва, приказали учредить общенародные праздники подъ разными видами, и во время сихъ праздниковъ запрещено было всякое дѣлъ отправленїе. Сулпицїй, не смотря на сїи празднествы созвалъ однако новое Собранїе. Онъ явился въ ономъ съ шестью стами человѣкъ своихъ единообщниковъ, кой подъ платьемъ имѣли спрятанное оружїе. Сїи люди были всѣ въ его повелѣнїяхъ, всюду

за нимЪ слѣдовали, и онЪ называлЪ ихЪ сонмище *Анти-Сенатомъ.* ОнЪ приказалЪ повѣстить обоимЪ Консуламъ чтобЪ они явились вЪ Собраніе и отставили бы тотЪ же часЪ учрежденные ими празднествы, дабы НародЪ могЪ дать свои голоса о уничтоженіи восьми послѣднихЪ Трибовъ, о чемЪ отЪ него предложено было вЪ послѣднемЪ Собраніи.

Сіе приказаніе произвело великой шумЪ между старыми и новыми Гражданами. Единообщники Трибуновы выхватили мечи свои и начали рубить спорщиковЪ. НародЪ тогда разбѣжался и сынЪ Квинта Помпеія, зять СиллинЪ, убитЪ былЪ прибѣжавЪ кЪ отцу своему на помощь. Помпеій скрылся вЪ толпѣ Народной. Силла, постигаемЪ своими неприятелями, бросился вЪ домЪ Марія самаго своего злодѣя, видя что ворота дома были отперты. Марій, хотя сЪ природы жестокЪ былЪ и мстителенЪ, однако не хотѣлЪ позволить

убить человѣка который въ домѣ его нашелъ убѣжище, и спасъ жизнь его. Но Силла, для сохраненія своей жизни, принужденъ былъ опять явиться на сборное мѣсто и отмѣнить учрежденіе праздниковъ. Онъ вышелъ потомъ изъ сего Собранія; и опасаясь остаться въ Римѣ гдѣ противообщники надъ нимъ превозмогали, выѣхалъ тотъ часъ изъ Города, и немѣдленно прибылъ къ подчиненнымъ ему войскамъ, коими онъ повелѣвалъ во время междонародной брани, и кои долженствовали итти подъ нимъ на Востокъ противу Митридата.

Когда же праздники были отставлены, и оба Консулы въ бѣгствѣ, то Сулпицій, оставшись властителемъ въ Римѣ, легко заставилъ утвердить Законъ отъ котораго произошло смятеніе. А тѣмъ же Закономъ онъ отнялъ у Силлы повелительство Войска, которое долженствовало итти въ Азію противу Митридата; и вмѣсто Силлы

препоручено было оное отъ Народа Марію.

Сей Полководецъ посылаетъ тотъ часъ Чиновниковъ своего сообщества, принять въ войскѣ повелительство во ожиданіи его туда прибытія. Но Силла предварилъ ихъ, какъ было уже сказано. Онъ привлекъ всѣхъ воиновъ на свою сторону, обѣщавъ обогатить ихъ Восточными корыстями, такъ что вмѣсто принятія повелѣній Маріевыхъ, они порубили его Чиновниковъ, и заклиная просили Силлу вести ихъ противу неприятелей его въ Римѣ прежде нежели пойдутъ въ Азію. Марій, озлобленъ умерщвленіемъ своихъ Чиновниковъ, въ возмездіе приказалъ перебить многихъ друзей Силлиныхъ и разграбить ихъ домы: что принудило оставшихъ наскоро изъ Рима выбраться и искать убѣжища въ Силлиномъ войскѣ. Сіи убійствы принудили Силлу итти прямо къ Риму. Съ нимъ было шесть Легіоновъ, ко-

ихъ воины слѣдуя Силлиному внушенію, въ ярости желали мстить и грабить. Но множество Чиновниковъ, не имѣя жестокости обращать оружіе свое противу Отечества, оставили службу; такъ что по дорогѣ къ Риму безпрестанно встрѣчались то люди кои бѣжали изъ Города въ станъ спасаясь отъ лютости Маріевой, то другіе кои переходили изъ стана въ Римъ, чтобъ не быть принужденными приставать къ сей междоусобной брани. Между тѣмъ Силла ближе подступалъ къ Риму, и къ нему прибылъ еще Квинтъ Помпей, Товарищь его въ Консульствѣ, и съ нимъ соединился.

Марій и Сулпицій, не имѣя войска ему на сопротивленіе, употребили въ посредничество власть Правителей, и отправили къ нему Брута и Сервилія, кои были оба Преторы и ихъ сообщники. Они высоковластно запрещали Силлѣ продолжать путь къ Риму. Воины, раз-

дражены гордостью съ какою сїи двое Преторы говорили ихъ Полководцу, переломали пуки прутьевъ и Секиры, кои Ликторы несли передъ сими Начальниками; бросились по томъ и на нихъ самихъ, изорвали ихъ чиновные багряницы, и конечно бы ихъ убили, естьли бы Силла не воспретилъ онаго.

Начальники сїи возвратились въ Римъ въ видѣ поруганныхъ, и въ такомъ состоянїи которое изъявляло что Законы не были отнюдь почитаемы, и что насильство и наглость всѣ дѣла рѣшили. Марїй и Сулпицїй, находя себя не въ состоянїи противиться сильному и раздраженному неприятелю, отправили къ нему отъ имени Сената новыхъ Депутатовъ, стараясь тѣмъ замѣдлить его подступленїе. Сїи Депутаты просили обоихъ Консуловъ отложить на время ихъ гнѣвъ и мщенїе, и не приказать чтобъ войско ихъ подступило къ Риму ближѣ десяти

сяти поприщь. Они представили имЪ что покамѣстЪ войски ихЪ примутЪ отдохновенiе, СенатЪ надѣется изыскать средствы, кЪ примиренiю сЪ ними и кЪ полному ихЪ удовольствiю.

Двое Консулы, примѣтя что таковыми обнадѣживанiями старались только ихЪ пробавить дабы дать время Марiю набрать войски, притворились, кЪ обману ДепутатовЪ, что будто они согласны на ихЪ предложенiи. Силла, вЪ ихЪ присудствiи, приказалЪ своимЪ ЧиновникамЪ развести станЪ, и разположить оный вЪ томЪ мѣстѣ гдѣ они находятся. Но какЪ скоро сiи Посланные отбыли, то онЪ вЪ слѣдЪ за ними послалЪ свою конницу; по томЪ слѣдовалЪ со всемЪ своимЪ войскомЪ и явился подЪ стенами Рима, вЪ то время какЪ неприятели его считали отдаленнымЪ вЪ станѣ.

Войски его вошли вЪ ГородЪ сЪ обнаженными мѣчами, такЪ какЪ

бы они взяли неприятельскую крѣпость приступомъ и силою. Марій и Сулпицій, хотя не ожидали ихъ пришествія, воспротивились однако ихъ вступленію съ ополченіемъ своихъ единообщниковъ, кои съ ними вопреки построились. Народъ такъ же, боясь грабительства, взялъ ихъ сторону, и пускалъ стрѣлы и каменье съ верьху домовъ на Силлиныхъ воиновъ. Но сей Полководецъ грозилъ сжѣчь ихъ, и казалъ имъ въ рукахъ пламенѣющіе свѣщи, что принудило народъ быть въ покоѣ, и смотрѣть безъ всякаго дѣйства на сраженіе двухъ междоусобныхъ ополченій. Марій и Сулпицій тщетно призывали его на помощь; безъ успѣха такъ же обѣщевали свободу невольникамъ кои въ защищеніе ихъ примутъ оружіе: ни единъ человѣкъ нетронулся. Между тѣмъ Силлины войски, наступая далѣ, притѣснили ихъ даже къ самому Храму Богини Теллы, откуда они принуждены были бѣжать

и

и скрыться изъ Рима. Силла не видя себѣ сопротивленія, разставилъ охранительные войски на всѣхъ городскихъ площадяхъ, для удержанія самовольства. Онъ къ тому строго наказалъ нѣкоторыхъ воиновъ, кои бросились было грабить домы, и всю ночь провелъ осматривая самъ разные части Города, дабы возбранить наглость воиновъ всегда въ побѣдѣ необузданныхъ, и дабы Граждане не претерпѣли отъ нихъ каковой либо обиды.

Двое Консулы, употребя всю ночь къ устроенію общей безопасности, мыслили на утро выправить толь чрезвычайной поступокъ новыми Законами, и прикрыть себя по меньшой мѣрѣ наружностьми правосудія, кои удобно сыскиваются людьми имѣющими въ рукахъ главную силу. А для лучшаго въ томъ успѣха они вознамѣрились привести въ силу власть Сената, которую Народные Трибуны весьма ослабили, неисчетнымъ

множествомъ новыхъ Законовъ изданныхъ въ пользу Народа, которые большою частью утверждены были только возмутителями и силою оружія.

Они созвали въ семъ видѣ Собраніе Римскаго Народа. Силла, имѣя природное краснорѣчіе, изобразилъ сильными и жалостными словами нещастьи Республики. Онъ представилъ Собранію, что раздоры толь издревлѣ колеблющіе Городъ и Область, происходили единственно отъ безпокойнаго и возмутительнаго разума Трибуновъ, кои для своего возвышенія всячески старались подстрекать ненависть Народа противу Сената; что сіи Народные Правители, уставленные въ началѣ для воспрепятствованія только всякого насилія кому либо изъ Гражданъ Римскихъ, напослѣдокъ завладѣли нечувствительно и подъ разными видами цѣлымъ Правленіемъ Республики; что они новыми своими Законами, неизвѣстными ихъ праотцамъ

цамъ, нашли поводъ уничтожить власть Консуловъ и Сенатское Достоинство; что они для оправданія сихъ хищныхъ дѣйствій, прикрытыхъ почтеннымъ именемъ Законовъ, въ избраніяхъ Правителей уничтожили обычай, уставленный всѣми временами, собирать голоса по Центуріямъ; и вмѣсто сего древняго обряда учредили новый, давать голоса по Трибамъ, особливо въ избраніи Народныхъ Трибуновъ; что сею перемѣною, въ которой голоса знатныхъ и богатыхъ особъ смѣшены были съ голосами бѣдныхъ, вмѣсто чтобъ считать ихъ по Центуріямъ, мѣлкое людство одно только властвовало въ избраніяхъ, и выборъ онаго упадалъ всегда скорѣе на мятежниковъ нежели на людей честь имѣющихъ; что для пресѣченія злоупотребленій толь вредныхъ благосостоянію Республики, онъ мнитъ за полезно уставить, чтобъ отъ сего времяни никто, какого бы званія ни былъ, не могъ предлагать

гать Народу ни каковаго Закона, которой бы прежде не былЪ утвержденЪ Сенатомъ; уставить, чтобЪ вЪ избранiяхЪ голоса собираемы были не инако какЪ по степенямЪ, то есть по той переписи которая раздѣляетЪ всѣхЪ ГражданЪ на Центурiи по силѣ ихЪ достатка, и по которой первая степень одна содержала вЪ себѣ болѣ Центурiй, нежели всѣ другiе степени вмѣстѣ: что учиняло сiю первую степень самовластною во всѣхЪ рѣшенiяхЪ, когда только всѣ ея Центурiи были согласны. Силла прибавилЪ кЪ тому, что должно запретить ТрибунамЪ безпрестанные ихЪ кЪ Народу рѣчи, кои клонились всегда кЪ общему возмущенiю, и чтобЪ положить предѣлы необузданному властолюбiю сихЪ ПлебеянскихЪ Начальковъ, по его мнѣнiю, должно было уставить общенароднымЪ узаконенiемЪ, да ни кто ГражданинЪ, послѣ Трибунскаго званiя, не можетЪ вступать ни вЪ каковое другое Начальство.

Сiи

Сїи предложенїи, отъ человѣка который повелѣвалъ шестью Легїонами и былъ властенъ въ Римѣ, содѣлались тотъ часъ Законами. Ни кто не отважился тому спорить. Всѣ подверглись подъ его волю, и Римъ въ его Консульство, принялъ подобно какъ бы новую бытность.

Когда же онъ основалъ твердо власть свою, то началъ мыслить объ отмщенїи особымъ своимъ непрїятелямъ. Сказано уже было, что Марїй согласясь съ Трибуномъ Сулпицїемъ, заставилъ себѣ препоручить предводительство войска, назначеннаго противу Митридата. Силла заставилъ отмѣнить сей Приговоръ, и въ то же время уничтожить послѣднїй Законъ, изданной Сулпицїемъ, по которому Союзники приобщены были въ старые тритцать пять Трибовъ. Все прежде бывшее приписано было единому насильству и наглости; но тотъ самой которой обвинялъ сїе насильство, держалъ

жалЪ, такЪ сказать, ножЪ вЪ то время надЪ горломЪ СограждanЪ своихЪ. ПотомЪ Каїй Марїй, молодой Марїй сынЪ его, двенатцать СенаторовЪ главныхЪ ихЪ сообщниковЪ, и ТрибунЪ Сулпицїй, обвинены такЪ какЪ творцы послѣдняго возмущенїя. Они были отсудственны, и соперникомЪ имѣли такова человѣка который повелѣвалЪ вЪ РимѣсЪ полномочнымЪ властительствомЪ. ТакимЪ образомЪ судЪ ихЪ скоро былЪ рѣшенїемЪ оконченЪ. Они обЪявлены врагами Народа Римскаго; головы ихЪ прописаны вЪ цѣну за каждую кто принесетЪ оную; имЪ запрещены были огонь и вода, то есть всѣ общежитейскїе вспоможенїи; и обнародовано сЪ трубнымЪ гласомЪ вЪ Римѣ, и во всѣхЪ Провинцїяхъ зависящихЪ отЪ Республики, Сенатское Опредѣленїе, которымЪ предписано искать ихЪ, на щетЪ общенародныхЪ издержекЪ, и умертвить какЪ скоро они поиманы будутЪ. Силла разославЪ вЪ то

же

же время войски во всѣ стороны для умерщвленія сихъ виноватыхъ. Марій избѣжалъ отъ ихъ сыска: но Трибунъ Сулпицій найденъ былъ Силлиными конными людьми въ болотахъ Лоренціи, гдѣ онъ чаялъ укрыться. Голова его отсѣчена, принесена въ Римъ, и воздвигнута къ *Рострамъ*, то есть къ верьху Витійственнаго Трибуна. Сіе ужасное зрѣлище было предзнаменованіемъ того кровопролитія которое послѣдовало, отъ властолюбія и ненависти Марія съ Силлою, въ Римѣ и во всей Римской Области.

Народъ видѣлъ со внутреннимъ негодованіемъ голову одного изъ своихъ Начальниковъ, воздѣтую на его собственномъ Трибуналѣ. И самъ Сенатъ, хотя радовался видя народную сторону въ ослабленіи, но не преминулъ роптать за прописаніе на смерть Каія Марія и его сообщниковъ. Большая часть Сенаторовъ, ревнуя къ чести и Достоинству своего

его Общества, не могли терпѣть, чтобъ Товарищи ихъ прописаны были, какъ злодѣи и разбойники. Нѣкоторые тайно укоряли Силлу, что онъ желалъ погубить человѣка который былъ болѣ великодушенъ, нежели онъ, и что естьли бы Марій, въ то время какъ Силла убѣжалъ въ домъ его, отдалъ его въ руки гонителямъ, то бы онъ смертью его могъ содѣлаться самовластнымъ Начальникомъ въ Правленіи. Сіи слова, повторенные послѣ въ разныхъ бесѣдахъ, производили во всѣхъ отвращеніе къ особѣ Силлиной. Онъ испыталъ оное въ избраніи нѣкоторыхъ Начальниковъ, гдѣ имя его угождателей (*) было, въ разсужденіи Народа, знакомъ ихъ отъ Начальства изключенія. Силла, вмѣсто чтобъ за то озлобиться, старался содѣлать себѣ тѣмъ новое Достоинство.

Онъ

(*) Нонній, племянникъ Силлинъ и Сервій.

Онъ говорилъ своимъ друзьямъ, что естьли Народъ мало уважаетъ его Предстательство, то было знакомъ что подъ его Консульствомъ Римъ наслаждается совершенною вольностью. И чтобъ сохранить всегда то же безпристрастіе въ глазахъ Народа, онъ позволилъ избрать на будущій годъ въ одно изъ двухъ Консульскихъ мѣстъ Цинну, одного съ нимъ дома, но стороны ему противной, и который послѣ принудилъ его раскаяться въ семъ притворномъ безпристрастіи, несходственномъ ни съ его нравомъ, ни съ его пользою. 666 годъ.

Корнелій Цинна, хотя былъ Патрикійскаго рода, присталъ однако къ сторонѣ Народной, гдѣ онъ чаялъ сыскать болѣ отличности, нежели въ соединеніи съ Благороднымъ Обществомъ, поколику сіе Общество съ избыткомъ изобилывало и великими Полководцами и искусными Правителями. Онъ былъ безпорядоченъ въ нравѣ, безъ добраго разсужденія,

денія, и стремителенъ въ своихъ намѣреніяхъ; но со всею дерзостью и стремительностью въ своихъ съ людьми обязательствахъ, онъ содержалъ оные съ такою твердостью, и съ такимъ величествомъ духа, каковы свойственны достойнѣйшему Гражданину. Онъ едва вошелъ въ отправленіе своего Чина, и уже дерзко хвалился что онъ заставитъ уничтожить всѣ Законы Силлины. Онъ, хотя не прямо собою, въ самомъ дѣлѣ на него вооружился; и чтобъ испытать свои силы и разположеніе Народныхъ разумовъ, онъ подставилъ одного изъ своихъ угождателей, по имени Виргинія, который смѣлъ объявить себя обвинителемъ Силлинымъ. Но сей славный человѣкъ, презирая равно и подлость обвинителя и легкоуміе его Наставника, не удостоилъ ниже отвѣтствовать на обвиненіе. Онъ оставилъ безо всего и судъ свой и судителей, и отправился изъ Рима для произведенія войны противу Митридата.

Онъ

Онъ ласкался что сторона его всегда довольно сильна будетъ для содержанія въ умѣренности новаго Консула, который не весьма былъ отличенъ, и въ прочемъ ненавидимъ за свою жестокость и высокомѣрность. Но послѣдствіе научило его что въ домашнихъ несогласіяхъ и междоусобныхъ браняхъ, не должно никогда полагаться ни на самыхъ лучшихъ своихъ пріятелей, ниже презирать меньшаго изъ своихъ злодѣевъ. Цинна хотя не имѣлъ довольно сильной стороны, для введенія новой перемѣны въ Государственномъ Правленіи, однако онъ имѣлъ друзей болѣ искусныхъ нежели онъ самъ, кои дали ему разумѣть что для противоборства съ Силлою, должно призвать обратно Марія, великаго Полководца и славнаго своими побѣдами. Для сего надлежало уничтожить Приговоръ его изгнанія; но сіе уничтоженіе всенароднаго Приговора казалось почти невозможнымъ,

по причинѣ сильной стороны, которую Силла оставилъ въ Римѣ. Цинна для увеличенія своей противной стороны, и дабы присовокупить къ себѣ большее число голосовъ, вознамѣрился подговорить Союзниковъ.

Сказано уже было съ какою хитростью Сенатъ включилъ ихъ въ последніе восемь Трибовъ, въ томъ видѣ чтобъ голоса ихъ не имѣли дѣйствія; объявлено такъ же что противнымъ тому предпріятіемъ Марій и Сулпицій приобщили ихъ къ тритцати пяти старымъ Трибамъ, и что Силла послѣ принудилъ сей Законъ отставить. Цинна же предпринялъ возобновить оный. А для успѣха въ томъ онъ велѣлъ тайно повѣстить Союзникамъ, чтобъ они явились въ Римъ къ первому Собранію; чтобъ они собрались какъ можно въ большемъ числѣ. и имѣли бы мечи подъ платьемъ скрытые. Все сіе исполнено было по его желанію; и въ день Собранія, сборное мѣсто столько было набито пришедшимъ людствомъ,

что

что сами Городскіе жители съ трудомъ могли доступать въ сборище. Цинна восшелъ самъ на Витiйственный Трибунъ, и заранѣ выученною рѣчью представилъ Собранiю, что Латиняне и Италiйцы, составляютъ единый Народъ съ Римлянами, говорятъ тѣмъ же языкомъ, живутъ почти подъ равными Законами, и ежедневно подвергаютъ жизнь свою для славы и пользы Республики; что по самой справедливости должно чтобъ разные Италiйскіе Народы составляли едино только Общество и едину Республику; что для приведенія сего Союза въ совершенство, надлежитъ оставить послѣдніе восемь Трибовъ, и помѣстить въ старые Трибы новыхъ Гражданъ, кому гдѣ быть достанется по жеребью; что симъ единымъ только средствомъ льзя утвердить тишину и согласіе между разными степенями Государства, умножить силы онаго, и содѣлать ихъ страшными неприятелямъ Римскаго имени.

 Сія

Сія Консульская рѣчь принята была съ великими похвалами отъ стороны Союзниковъ. Они требовали велегласно и съ великими восклицаніями, чтобъ собраны были голоса для принятія сего Закона. Но старые Граждане сильно озлобились видя что Патрикій, и паче Консулъ, вступалъ въ должность мятежнаго Народнаго Трибуна, по чему крѣпко воспротивились принятію сего новаго Закона. „Довольно для сихъ чужезем„цевъ, говорили они, быть участни„ками Римскаго имени, имѣть Рим„скіе права и преимущества, видѣть „себя нынѣ, изъ преждебывшихъ под„данныхъ, Римскими Гражданами, и „безъ того чтобъ они еще мѣшались „въ наши Трибы, и намъ бы давали „Законы по превосходному числу го„лосовъ своихъ.„

Несогласіе разностороннихъ мнѣній, произвело распри кои скоро обратились въ укоры и ругательствы. Тогда Союзники выхватя свои мечи

спря-

спрятанные подъ платьями, начали рубить старыхъ Гражданъ, выбили ихъ изъ Собранія и принудили въ бѣгствѣ искать своего спасенія. Большая часть сихъ выгнанныхъ бѣжали принести свои жалобы Сенату, и подступили къ Октавію, Товарищу Цинніну въ Консульствѣ, другу и явному сообщнику Силлину. Сей Консулъ, предвидѣвъ произведеніи своего Товарища, имѣлъ вокругъ себя знатное число своихъ единообщниковъ кои всѣ вооружены были, подъ тѣмъ видомъ что онъ желалъ сохранить спокойство въ Городѣ. Какъ скоро свѣдалъ онъ о томъ что произошло на сборищѣ, то побѣжалъ туда въ послѣдствіи толпы Силлиныхъ угождателей. Онъ разталкиваетъ Народъ, который даетъ ему дорогу, какъ изъ почтенія къ его Достоинству, такъ и ради страха отъ помянутаго великаго числа людей вооруженныхъ кои его окружали. Октавій, нещадя ни чьего лица, при-

 ка-

казываетъ бить Латинянъ, толкать, гнать людство, и принуждаетъ бѣжать оное. Римскiе жители берутъ оружiе, нападаютъ на Союзниковъ разсыпанныхъ по улицамъ, гонятъ ихъ мечами въ тылъ, и заставляютъ на конецъ выйти изъ Рима.

Цинна, видя себя оставлена бѣгаетъ по всему Городу, чтобъ собрать своихъ единообщниковъ, и приглашаетъ даже невольниковъ къ себѣ въ соединенiе, обѣщевая свободу тѣмъ кои примутъ съ нимъ оружiе. Первый Правитель Республики, тотъ который поставленъ блюсти спокойство Города, всячески старается произвесть возмущенiе. Но никто его не слушалъ; и послѣ тщетныхъ усиленiй онъ принужденъ былъ уступить сторонѣ противной. Онъ вышелъ изъ Рима и соединился съ сею Италiйскою кучею народа, которую онъ притти въ Римъ заставилъ. Онъ ѣздилъ изъ одного въ другой Городъ сихъ Союзниковъ, былъ въ Тибутѣ,

въ

въ Пренестѣ, въ Нолѣ, и во всѣхъ мѣстахъ гдѣ проѣзжалъ уговорилъ Народъ принять оружїе въ отмщенїе Римлянамъ. Въ его сообществѣ были еще Кайй Милоній, Кайй Марій Гратідіянъ, и болѣ всѣхъ Квинтій Серторій, искусный Полководецъ, который прилѣпился къ его сторонѣ въ досаду сторонѣ Силлиной, за то что онъ ею исключенъ былъ въ избранїи отъ Достоинства Трибунскаго. Сїи Сенаторы, своими хитростьми, возбудили Союзниковъ къ отмщенїю. Большая часть Городовъ ихъ, войну предприняли. Причина брани скоро содѣлалась общею; и Цинна повелѣвая сею новою силою, началъ производить поборы людей и денегъ. Сенатъ, свѣдавъ о его злоумышленїяхъ, учинилъ объ немъ судъ. Онъ объявленъ лишеннымъ званїя Гражданина, и Консульскаго Достоинства; на мѣсто же его въ Консулы поставленъ Луцїй Мерула, Жрецъ Юпитеровъ, одинъ изъ правдивѣйшихъ людей въ Республикѣ. Цин-

Цинна воспылалъ новою злобою свѣдавъ о своемъ осужденіи. Разумъ его, съ природы гордый и вспылчивой, велъ его къ самымъ жестокимъ предпріятіямъ противу враговъ его. Но какъ онъ имѣлъ нужду въ силахъ для своего подкрѣпленія, то вознамѣрился подговорить на свою сторону нѣкоторую часть Римскихъ ополченій, кои находились тогда въ полѣ возлѣ Капу.

Онъ въ скорости явился къ нимъ въ станъ, и еще прежде нежели тамъ вѣдали о его низведеніи. Въ началѣ онъ изъяснился съ нѣкоторыми военными Трибунами, которыхъ онъ преклонилъ на свою сторону хитростью. Сіи Чиновники по согласію съ нимъ созвали Собраніе. Воины сперва удивились видя Консула, безъ Ликторовъ, безъ прутьевъ, безъ всякихъ знаковъ своего достоинства. Цинна начавъ тогда рѣчь, „Вы видите въ моей особѣ, „говорилъ онъ имъ, несльіханный при-

„мѣръ

„мѣръ тиранства, которое совер„шить Сенату было угодно. Вы меня „сдѣлали Консуломъ, Римской На„родъ вручилъ мнѣ сїе Достоинство „своими голосами, а Сенатъ отрѣ„шилъ меня отъ онаго, ничего отъ „меня не выслушавъ, и не давъ знать „о томъ Народу. Послѣ таковаго „насильства, до чего должны дойти „ваша вольность, ваши голоса, и „ваши правы? И нынѣ точно за „ваши голоса, коихъ я хотѣлъ ум„ножить число, чтобъ увеличить „власть вашу, точно за ваши правы „я терплю таковую несносную о„биду. Естьлибъ я не столь былъ „привязанъ къ Народной пользѣ, то „былъ бы и нынѣ главнымъ въ Се„натѣ, и вы бы видѣли меня въ ва„шемъ Трибуналѣ со всѣми знаками „моего Достоинства. А теперь вмѣ„сто того я принужденъ предстать „предъ вами въ лицѣ бѣднаго проси„теля, какъ нещастно изгнанный, „безъ Отечества, безъ жилища, безъ

„Бо-

,,Боговъ родительскихъ, принужденъ ,,странствовать безъ твердаго при-,,станища, или вступить силою въ ,,такую землю гдѣ я повелѣвать и-,,мѣю право.,,

Въ то же время онъ раздираетъ на себѣ одѣяніе, какъ человѣкъ пораженный жестокою прискорбностью. Онъ призываетъ Боговъ мстителей неправосудія, и падаетъ на землю, нудя себя пронзить грудь мечемъ своимъ, какъ будто бы онъ не желалъ жить болѣ по таковомъ нещастіи. Воины, подвигнуты толь жалостнымъ зрѣлищемъ, подымаютъ его и взносятъ на его Трибуналъ. Каждый упрашиваетъ его чтобъ онъ не оскорблялся; приносятъ ему пуки прутьевъ, даютъ ему Ликторовъ; и войско уговоренное главными своими Чиновниками признаетъ его Консуломъ и своимъ Полководцемъ, и ему учиняетъ присягу въ вѣрности.

Цинна, который до того времени былъ презираемъ въ Римѣ, содѣлался

дѣлался опаснымъ непріятелемъ; и сіе возмущеніе цѣлаго войска казалось быть началомъ междоусобной брани. Двое Консулы, Октавій и Мерула, произвели тотъ часъ новые наборы по изволенію Сената. Взяты были войски отъ стороны Союзниковъ кои не пристали къ сторонѣ Цинны, и въ то же время призванъ Кней Помпей, отецъ великаго Помпея. Онъ повелѣвалъ тогда войскомъ на берегу Іоническаго моря, и оттуда явился съ войскомъ передъ Коллатинскими воротами для прикрытія Рима. Но республика получила слабую помощь отъ сего Полководца, который поступалъ всегда съ такою хитростью въ угодность обѣимъ сторонамъ по отлученіи Силлы, что не льзя было признать которой онъ прямо благопріятствовалъ. Можетъ быть такъ же что онъ желалъ возвыситься на упадкѣ обѣихъ: а такой поступокъ содѣлалъ его въ послѣдствіи равно ненавистнымъ

какъ

какъ одному такъ и другому обществу.

Между тѣмъ Общество Цинны умножалось веседневно. Многїе Сенаторы присоединились въ станъ его, и тогда же получена вѣдомость, что и Каїй Марїй съ сыномъ своимъ находится въ пути слѣдуя къ оному. Сей славный Предводитель противообщниковъ былъ тогда, подобно ссылкѣ, въ Церцинскомъ островѣ на Африканскомъ берегѣ, куда онъ укрылся съ сыномъ своимъ и нѣкоторыми Римскими Сенаторами, коихъ щастье связано было съ его благополучїемъ.

Предъявлено было что Силла вытѣснилъ его изъ Рима, и что по его побѣгѣ, онъ былъ прописанъ на смерть и голова его въ цѣну поставлена. Кай Марїй за семдесятъ лѣтъ своего возраста, послѣ шести разъ Консульскаго званїя, которое онъ отправлялъ съ отмѣнною властью и славою, видѣлъ себя принужденнымъ уйти пѣшь изъ Рима, не имѣя ни

ни друга, ни служителя которой бы препровождалъ его въ бѣгствѣ. Послѣ нѣкотораго пути въ толь жалостномъ состоянїи, онъ долженъ былъ, спасая себя отъ разосланныхъ людей Силлиныхъ кои его искали, спряташься въ болотѣ гдѣ онъ провелъ всю ночь, посадивъ и погрузивъ себя въ грязи по шею Онъ вышелъ оттуда на разсвѣтѣ, чтобъ пробраться всячески къ берегу моря, въ надеждѣ найти тамъ какой ни будь корабль, на которомъ бы могъ скорѣе уплыть изъ Италїи. Но какъ жители отъ Мантурна его узнали, то онъ былъ пойманъ и отведенъ въ сей Городъ съ веревкою на шеѣ, весь нагъ и весь въ грязи замаранъ. Начальникъ Города слѣдуя повелѣнїю Сената, послалъ къ нему тотъ часъ, служащаго Городу невольника, Цимбра породою, съ тѣмъ чтобъ онъ умертвилъ сего пойманнаго.

Марїй, видя вошедшаго невольника въ свою темницу, и судя о порученной ему должности, по мечу

которой онъ держалъ обнаженъ въ рукѣ, закричалъ ему крѣпкимъ голосомъ: *Варваръ, смѣешь ли ты убить Каія Марія?* Невольникъ, устрашенъ отъ единаго имени человѣка который нѣкогда принудилъ трепетать всѣхъ Цимбровъ, бросаетъ изъ рукъ мечь, выходитъ изъ темницы весь въ изумленіи, и съ симъ крикомъ: *не могу поднять рукъ на Марія.* Правители Минтурна почли страхъ и изумленіе сего невольника, явнымъ отъ Неба показаніемъ, что оно не допускало прекратить жизнь толь великаго мужа; и подвигнуты чувствомъ благочестія, дали ему свободу. ,,Пускай идетъ, говорили они, ,,странствовать куда ведетъ судь- ,,ба его и пускай въ другомъ мѣстѣ ,,кромѣ насъ совершится надъ нимъ ,,Опредѣленіе Сената. Мы просимъ ,,только Боговъ, чтобъ они простили намъ, естьли мы принуждены, ,,верьхнею надъ нами властью, из- ,,гнать изъ нашего Города человѣка,

,,ко-

„который нѣкогда избавилъ всю Ита-
„лїю отъ расхищенїя варваровъ.„ Жители Минтурна дали ему сверьхъ того корабль, на которомъ онъ отправился сперьва въ Енарїйской Островъ, гдѣ онъ нашелъ одного Сенатора изъ своихъ сообщниковъ, по имени Гренуцїя, и другихъ нѣкоторыхъ на смерть прописанныхъ друзей своихъ, кои увѣдомили его что сынъ его присталъ ко Двору Мандрестала (*) Царя Нумидїйскаго; а по тому Марїй предпринялъ ѣхать въ Африку. Онъ принужденъ былъ бурею, другїе же сказываютъ для промышленїя воды, пристать къ Сицилїйскому берегу, гдѣ онъ впалъ въ новое нещастїе. Какъ скоро онъ сошелъ съ корабля, то Квесторъ Римской, которой былъ главнымъ въ той землѣ и по случаю находился въ томъ же мѣстѣ, хотѣлъ взять тотъ часъ признаннаго Марїя. Но чтобъ взять его, надлежало драть-

(*) Плутархъ называетъ его: *Гїемпсалъ.*

ся, и Марій избавился отъ сей гибели не инымъ образомъ, какъ потерявъ шестнатцать человѣкъ съ нимъ бывшихъ, кои твердо стояли на морскомъ берегу, пока Марій могъ оттуда уплыть на кораблѣ своемъ. Онъ прибылъ по томъ въ Африку, по нѣсколькихъ дняхъ мореплаванія, и вышелъ на землю не далеко отъ Карѳагена. Секстилій повелѣвалъ въ сей Провинціи въ званіи Претора; и какъ Марій никогда не былъ ему непріятелемъ, то ласкалъ себя, что онъ не захочетъ его сыскивать; что онъ найдетъ тамъ на конецъ пристанище, и можетъ безбѣдно отдохнуть отъ безпокойствъ претерпѣнныхъ въ морѣ.

Но едва онъ провелъ нѣсколько дней на берегу ономъ, какъ присланъ былъ къ нему Ликторъ, съ приказаніемъ отъ Претора чтобъ онъ выѣхалъ изъ земли подъ его Правительствомъ; въ противномъ случаѣ грозилъ поступить съ нимъ какъ съ не-

неприятелемЪ Народа Римскаго. Марій, пронзенЪ горестью и озлобленіемЪ, не находя себѣ малого угла земли, гдѣ бы онЪ могЪ быть вЪ безопасности, видѣвЪ себя прежде, такЪ сказать, властителемЪ цѣлаго Свѣта, сЪ прискорбнымЪ видомЪ, и сЪ нѣкоторою гордостью, смотрѣлЪ на сего Ликтора вЪ молчаніи. Но какЪ присланный ЛикторЪ понуждалЪ его отвѣтствовать: *Скажи своему Начальнику*, говорилЪ ему изгнанникЪ, *что ты видѣлЪ Кайя Марія изгнаннаго изЪ своего Отечества, и сѣдящаго на развалинахЪ Карѳагена*: такЪ какЪ бы, сравненіемЪ своихЪ нещастій сЪ упадкомЪ сильной Карѳагенской Области, онЪ хотѣлЪ изЪявить Претору колеблемость вЪ Мирѣ наивеличайшаго щастія.

ОнЪ по томЪ пустился паки вЪ море, не взирая на суровость времяни, и провелЪ часть зимы на кораблѣ своемЪ, странствуя по водамЪ, во ожиданіи возвращенія одного изЪ

своихъ людей, котораго онъ послалъ въ Нумидїю къ молодому Марїю своему сыну, съ тѣмъ чтобъ онъ выпросилъ ему пристанище во Области Мадресталовой. Но къ немалому его удивленїю сынъ его самъ къ нему явился, и сказалъ ему о приключенїи для котораго онъ уѣхалъ изъ убѣжища содѣлавшагося напослѣдокъ его тюрьмою. Помянутой Нумидїйской Государь сперьва принялъ его съ почестьми, какїе всѣ Цари воздаютъ Римлянамъ, и какїе наипаче принадлежали великому имени Марїя, славнаго нѣкогда въ Нумидїи. Но увѣдавъ о его нещастїи, онъ вознамѣрился держать его сына, вмѣсто залога щастьемъ ему врученнаго, и чрезъ него выслужиться передъ стороною которая верьхъ одержитъ. Хотя онъ наружнымъ образомъ не переставалъ всегда оказывать ему тѣ же ласки, и тотъ же образъ обхожденїя, однако Марїй вскорѣ могъ примѣтить что онъ не былъ въ свободѣ,

дѣ, и что не ради почтенія къ нему, а единственно для надзиранія надъ нимъ, Мандресталъ приставилъ ходить за нимъ всюду великое число Нумидійскихъ Господъ, кои не теряли его никогда изъ вида.

По щастію молодой Римлянинъ приобрѣлъ любовь одной изъ Царскихъ супружницъ. Любовь, скрытая подъ образомъ сожалѣнія, содѣлала сію Государыню чувствительною къ его нещастіямъ; и она преодолѣвъ свою тайную къ нему склонность, была столько великодушна, что дала ему способы оттуда уѣхать. Онъ прибылъ къ своему отцу, какъ уже сказано; и Марій свѣдавъ о движеніяхъ Рима отъ посланнаго Циннина, предпринялъ ѣхать въ его войско, и возставить упадшее свое противообщество. Онъ опять сѣлъ на корабль, и по нѣсколькихъ дняхъ мореплаванія, присталъ на Етрурійской берегъ, откуда послалъ предложить свои услуги Циннѣ,

какъ простой Гражданинъ своему Консулу.

Цинна, получа сїю великую вѣдомость, сообщилъ оную Квинтїю Серторїю, одному изъ своихъ подручныхъ Полководцевъ, и требовалъ отъ него на то совѣта. Серторїй, великой воинъ, но при томъ благоразумной и умѣренной, поколику опасался жестокаго и мстительнаго нрава Марїева, не совѣтывалъ принимать его въ войско.

Онъ представилъ Циннѣ, что онъ самъ собою довольно имѣетъ силы торжествовать надо всѣми своими неприятелями; что Марїй какъ скоро вступитъ въ Повелительство надъ войскомъ, то не преминетъ всю власть къ себѣ заграбить; что онъ отниметъ у него славу добрыхъ успѣховъ; и что сверьхъ всего Марїй такова свойства человѣкъ, на вѣрность котораго не всегда можно полагаться. Цинна призналъ справедливость во всѣхъ оныхъ разсужденїяхъ. *Но можно*

но ли, говорилъ онъ, *отослать отъ себя человѣка, котораго я самъ звалъ пріѣхать въ мое войско и соединить свое съ моимъ мщеніе, противу общихъ нашихъ неприятелей? А когда ты самъ его призвалъ*, отвѣтствовалъ ему Серторій, *не о чемъ было послѣ совѣтывать, и тебѣ остается только къ лучшему, по соединеніи съ нимъ надзирать не менѣ надъ его поступками, сколько долженъ ты предостерегаться отъ предприятій и намѣреній нашихъ явныхъ неприятелей.*

Цинна, по семъ тайномъ совѣтѣ, писалъ къ Марію призывая его вновь пріѣхать въ его войско. Онъ титуловалъ его Проконсуломъ въ своемъ письмѣ, и послалъ къ нему Ликторовъ и всѣ знаки сего достоинства. Марій прибылъ въ станъ Циннинъ; но не принялъ Ликторовъ и протчихъ отличностей, по колику они не соотвѣтствовали видимому его состоянію. Онъ умыслилъ напротиву того, носить самое бѣдное одѣяніе;

волосы и борода его были не причесаны. Онъ ходилъ медленными стопами и какъ человѣкъ удрученной многими бѣдствїями. Но при семъ прискорбномъ видѣ который онъ принимать на себя старался, можно было примѣтить на лицѣ его нѣчто столь гордое, что онъ болѣ былъ страшенъ нежели приводилъ въ сожалѣнїе.

Какъ скоро стало быть извѣстно въ Римѣ о прибытїи Марїевомъ въ Италїю, въ намѣренїи произвесть тамъ войну, то вышли изъ сего Города болѣ пяти сотъ Гражданъ, и явились къ его повелѣнїю. Онъ ѣздилъ по томъ по всей Италїи, изъ Города въ Городъ, обЪявляя всѣмъ что онъ для того только принимаетъ оружїе, чтобъ принудить включить Гражданъ ихъ въ Общество Республики и въ старые Трибы. Народы, ласкаясь сею надеждою снабдили его войсками и деньгами. Великое число Римскихъ воиновъ служив-

живших прежде под его Предводительством, пришли с прозьбою чтоб он принял их к себѣ в службу. А дабы болѣ еще умножить сіи войски, он приказал обнародовать с трубным гласом, что он даст свободу всѣм невольникам кои придут в его войско. Они шли к нему во многочисленности. Марій приказал им дать оружій, и самых видных выбрал для охраненія своей особы.

Цинна и Марій, набрав довольно войска для осажденія Рима, подступили к Городу не находя себѣ ни каковаго сопротивленія. Цинна и Карбон, один из его подручных Полководцев, расположились стать на берегу Тибра; Серторій дал от них в верьх, а Марій с стороны моря. Намѣреніе их было занять всѣ пути для ввезенія припасов в Город. Кней Помпей, хотя имѣл противу их довольно сильное войско, чтоб дать способы провозить туда

да потребные вещи, но поступокъ сего Полководца былъ толь обоюденъ, движенія его толь размѣрены, намѣренія толь скрыты, что не льзя было надѣяться на его помощь. Онъ убитъ нѣсколько времяни спустя, когда была гроза, громовымъ ударомъ. Примѣчено что о его смерти радовались равно въ Городѣ какъ и въ неприятельскомъ войскѣ. Консулъ Октавій долженъ былъ принять его мѣсто. Всѣ увѣрены были въ его праводушіи и въ чистотѣ его благонамѣренности; но то былъ худой воинъ которой заступилъ мѣсто искуснаго Предводителя. И въ протчемъ онъ такъ же былъ болѣ доброй Гражданинъ, нежели человѣкъ способной къ Правленію; былъ порабощенъ, до нѣкотораго суевѣрія, всяческому соблюденію Законовъ, и не вѣдалъ сего великаго правила: что иногда должно превознестись выше самыхъ Законовъ, естьли отъ того зависитъ спасеніе Отечества. Онъ не принялъ

въ

вЪ войско кЪ себѣ невольниковЪ, коихЪ великое число находилось вЪ Римѣ; и отвѣтствовалЪ сЪ неудовольственнымЪ видомЪ своимЪ ЧиновникамЪ, когда сіи нудили его вооружить ихЪ вЪ защищеніе Города: что онЪ никогда не дастЪ невольникамЪ Гражданскаго права, подавЪ прежде мнѣніе чтобЪ отнять оное у Каія Марія; и что противнымЪ тому поступкомЪ онЪ нарушилЪ бы тѣ самые Законы, вЪ защищеніе которыхЪ онЪ принялЪ оружіе.

Между тѣмЪ Цинна и Марій крѣпко обступили ГородЪ, и даже войско Октавіево заперто было подобно какЪ вЪ осадѣ. Не было способа призвать обратно Силлу изЪ отдаленія, и тогда какЪ онЪ занятЪ былЪ внутри Азіи войною противу Митридата. И такЪ вся надежда у Сената оставалась на войско предводительствуемое СициліемЪ МетелломЪ, сыномЪ Метелла Нумидійскаго; и то войско вЪ то время упражвено было

войною

войною съ Самнитянами, храбрыми людьми, всегдашними неприятелями Римскаго имени, кои упорно держались съ остаткомъ силъ отъ междонародной войны, о которой предъ симъ было упомянуто.

Сенатъ, зная храбрость и способность сего Полководца, послалъ къ нему указъ, кончить помянутую войну на договорахъ, какіе льзя будетъ выгадать въ пользу Республики, и за тѣмъ немедлѣнно привесть назадъ свое войско въ помощь Отечеству. А въ случаѣ когда онъ не найдетъ средства къ заключенію мира, то оставя войско подъ повелѣніемъ подручныхъ Полководцевъ, онъ пріѣхалъ бы по малой мѣрѣ самъ служить въ помощь къ Консулу. Метеллъ, по силѣ сего повелѣнія, сдѣлалъ нѣкоторые договорные предложеніи Полководцамъ неприятельскимъ. Но какъ въ договорѣ онъ всячески старался удержать Достоинство Римскаго имени, и не оказывалъ своей

въ

въ томъ торопости, то въ продолженіе онаго Марій подослалъ людей къ Самнитянамъ, и предложилъ имъ съ своей стороны договоры толь выгодные, что они присовокупились тогда къ Марію. Такимъ образомъ Метеллъ потерявъ надежду къ миру, оставилъ войско свое подъ повелѣніемъ подчиненныхъ Чиновниковъ, и явился въ станъ къ Октавію.

Воины сего Консула, презирая его столько сколько почитали Метелла, требовали съ великимъ крикомъ себѣ въ Полководцы послѣдняго; и смѣло объявляли что когда они будутъ подъ предводительствомъ толь храбраго человѣка, тогда легко поворотятъ назадъ всѣ неприятельскіе наступленіи, и въ состояніи будутъ спасти Римъ и Республику. Но Метеллъ будучи столько умѣренъ какъ и храбръ, услышалъ съ досадою сіи буйственные его выхваленіи. Онъ укорялъ воиновъ, что они не наблюдаютъ должнаго въ войскѣ порядка

и повиновенія, и говорилЪ имЪ толь грозно, что большая часть людей, разсердясь за его выговоры, передались вЪ войско кЪ Марію. ИзЪ сего видимо, сколь нужно для предводителей вЪ междоусобной брани, остерегаться раздражать воиновЪ, кои отЪ примѢра главныхЪ дѢлаются упорными, и не мнятЪ что они сражаются противу своего Отечества, когда могутЪ служить вЪ войскѢ земляковЪ своихЪ.

Марій, кЪ пущему ихЪ волненію приказалЪ прокликать подЪ стѢнами Рима, что онЪ даетЪ свободу всѢмЪ невольникамЪ кои придутЪ сообщиться вЪ его войско; по чему каждой день они являлись кЪ нему во множествѢ. КЪ тому НародЪ, ища всегда хлѢба какимЪ бы образомЪ онЪ ему ни доставался, крѢпко жаловался, что СенатЪ для своей только пользы производилЪ войну, отЪ которой жены ихЪ и дѢти принуждены мереть сЪ голоду. ТакЪ же большая часть Сена-

наторовъ, кои въ началѣ казались самыми усердными, напослѣдокъ сохраняли одну только холодную благопристойность къ сторонѣ претерпѣвающей. И какъ вѣрность рѣдко соблюдается въ междоусобныхъ браняхъ, отъ взаимныхъ обязательствъ и союзовъ кои соединяютъ людей, хотя бы они находились въ противныхъ обществахъ, то и видны были безпрестанно бѣглецы и тайные уговорщики, которые переходили изъ Города въ станъ, для составленія тамъ особыхъ для себя договоровъ.

Сенатъ, видя что его единообщество и его власть вседневно умалялись, и опасаясь всенароднаго возмущенія, разсудилъ войти въ мирные договоры. Отправлены были къ Циннѣ Депутаты сдѣлать ему о томъ нѣкоторые предложеніи. Цинна, прежде нежели допустилъ ихъ къ лицу, приказалъ спросить у нихъ, съ тѣмъ ли повелѣніемъ они пришли чтобъ

признать его Консуломъ республики, или посланы говорить съ нимъ какъ съ человѣкомъ неимѣющимъ ни каковаго титула? Депутаты, не имѣя ни какова наставленія на случай толь затруднительнаго вопроса, возвратились въ Городъ чтобъ взять на то новые повелѣніи. Сенатъ, смущенъ вопрошеніемъ Цинниньімъ, не зналъ что дѣлать. Не было ни какова вида, низвести съ Консульства толь добродѣтельнаго человѣка каковъ былъ Мерула, которой въ протчемъ возведенъ былъ въ сіе Достоинство безъ его въ томъ исканія. Съ другой стороны Народъ, въ изнуреніи отъ голода, требовалъ хлѣба съ превеликими воплями, и опасно было чтобъ онъ не впустилъ непріятеля въ Городъ. Мерула умѣлъ своимъ великодушіемъ вывесть Сенатъ изъ затрудненія: онъ отрекся отъ Консульства, а симъ отреченіемъ Сенатъ, освободясь отъ своего къ нему обязательства, послалъ вновь Депута-

та-

татовъ къ Циннѣ, какъ къ Консулу Римскаго Народа. Цинна принялъ ихъ въ своемъ Трибуналѣ со всею пышностью перваго правителя республики. Посланные призывали его отъ имяни Сената вступить въ Римъ и въ должность своего Достоинства; и вмѣсто всѣхъ договоровъ просили только: чтобъ онъ имѣлъ милосердіе щадить кровь Сограждан своихъ, и далъ бы клятву что онъ не умертвитъ ни кого, безъ законной въ томъ причины, и безъ обыкновеннаго судебнаго обряда. Цинна не восхотѣлъ учинить сей клятвы; но просто увѣрялъ что онъ никогда не позволитъ умерщвлять ни какова Гражданина. И еще самъ приказалъ сказать Консулу Октавію, что онъ не худо сдѣлаетъ естьли не будетъ казаться въ народъ до тѣхъ поръ какъ смятеніе утихнетъ въ Городѣ. Марій присудствовалъ стоя возлѣ Трибунала Циннина. Онъ ни чего не говорилъ съ посланными; но его

молчаніе, суровой взглядъ, и глаза пламенѣющіе злобою, давали имъ примѣтить, что сей неистовой человѣкъ въ своихъ мщеніяхъ, нетерпѣливо ждалъ минуты въ которую бы могъ насытиться убійствомъ и кровію.

Метеллъ, видя отчаянное состояніе Рима, не хотѣлъ войти въ оный. И лучше предпочелъ изгнать себя изъ своего Отечества, нежели покориться подъ власть Цинны. Онъ удалился на Лигурійской берегъ. Октавій на противу того объявилъ что, будучи Консуломъ, онъ не оставитъ Города. Онъ сѣлъ въ своемъ Трибуналѣ въ Консульскомъ одѣяніи, съ предстоящими предъ нимъ Ликторами, и тамъ предпринялъ ожидать своей судьбы какую опредѣлятъ ему его неприятели.

Цинна и Марій представились къ воротамъ Рима съ своими войсками. Цинна въѣхалъ первый посреди сополченія воиновъ его охраняющихъ; но

Ма-

Марій у воротъ остановился. И какъ друзья его заставляли вѣѣхать, онъ отвѣтствовалъ имъ: что онъ былъ изгнанъ общенароднымъ Приговоромъ, и что надлежитъ другимъ Приговоромъ оправдать его возвращеніе. Сей злобной и жестокой человѣкъ притворялся что онъ почитаетъ еще Законы. Для его удовольствованія стало должно собрать Народъ на сборное мѣсто. Но едва два или три изъ первыхъ Трибовъ дали голоса свои, какъ не терпя болѣ продолженія, и алкая напитать лютую свою злобу, онъ открылъ свое притворство, и бросился въ Городъ съ ополченіемъ своихъ спутниковъ, кои въ ту же минуту умертвили тѣхъ коихъ онъ предписалъ имъ казнить своимъ оружіемъ. Каій и Луцій Юлій, Серанъ, Прискъ Лентулъ, Клавдій Нуми торій, Маркъ Бебій Крассъ, достопочтенные Сенаторы были изрублены на улицахъ, и первые жертвованы Маріеву

мщенію. Онъ приказалъ воздѣть ихъ головы на витійственномъ Трибунѣ; и какъ будто хотѣлъ усугубить мщеніе свое надъ ними и послѣ смерти, онъ приказалъ чтобъ изрубленые тѣла ихъ брошены были на улицахъ псамъ на съядение.

Изъ двухъ Консуловъ Октавій былъ убитъ въ своемъ Трибуналѣ, противу слова Циннина; а Мерула вѣдая что онъ такъ же былъ на смерть прописанъ, велѣлъ перерѣзать себѣ жилы, чтобъ не дать своему неприятелю жестокаго удовольствія опредѣлить образъ его казни. Но какъ онъ былъ Жрецъ Юпитеровъ, и Законы Вѣры воспрещали особамъ сего священнаго Сана умирать съ Митрою на головѣ, то по смерти его найдено было рукописаніе въ которомъ онъ свидѣтельствовалъ, что прежде нежели предалъ себя смерти, онъ имѣлъ предосторожность сложить съ себя сіе священное украшеніе, дабы не осквернить его пролитіемъ

емЪ своей крови. По томЪ умерщвленЪ МаркЪ Антоній, который вЪ убѣжищѣ своемЪ былЪ найденЪ Маріевыми спутниками. То былЪ СенаторЪ знатнаго Плебеянскаго дома, производившаго свое произхожденіе отЪ Анфона сына Геркулесова, и дома еще болѣ знаменитаго великими Достоинствами сего Сенатора, который былЪ КонсуломЪ и ЦенсоромЪ, и почитался славнѣйшимЪ риторомЪ своего времяни. Квинтій КатулЪ, другой прежде бывшій КонсулЪ, и достославный побѣдою надЪ Цимбрами одержанною обще сЪ симЪ ТиранномЪ, свѣдавЪ что онЪ отЪ него на казнь прописанЪ, затворился вЪ своей комнатѣ, гдѣ приказалЪ задушить себя дымомЪ, отЪ угольевЪ кои тамЪ по повелѣнію его горѣть были оставлены. РимЪ каждый день терялЪ самыхЪ достославныхЪ ГражданЪ своихЪ, коихЪ Маріевы спутники не милосердо предавали смерти.

Сïе неистовое войско невольниковъ, коихъ онъ сдѣлалъ оружïемъ своего мщенïя, рубили въ домахъ хозяевъ, грабили ихъ имѣнïи, насильствовали женъ, и похищали дѣтей ихъ. При малѣйшемъ знакѣ отъ Марïя, они кололи тѣхъ кои передъ него являлись. Они имѣли такъ же повелѣнïе убивать тотъ часъ и тѣхъ, кого онъ встрѣтившись взаимно не поздравствуетъ. По чему собственные его Чиновники и самые друзья его, не могли подступать къ нему безъ трепета, и были во всегдашней не извѣстности какую онъ опредѣлитъ имъ участь.

Но при семъ кровопролитномъ удовольствïи, Марïй еще жаловался что главной жертвы ему не доставало, и что онъ не могъ распространить дѣйствïй своего мщенïя надъ особою Силлы. Сей Полководецъ находился въ такомъ отдаленïи, и къ тому имѣлъ столко силы что не могъ бояться злобы своего неприятеля.

А дабы въ замѣну того чѣмъ нибудь удовольствовать свое мщеніе, сей тиранъ изыскивалъ дѣлать ему наичувствительнѣйшія оскорбленіи. Онъ приказалъ искать старательно Метеллу жену его, дочь Метелла Нумидійскаго, и такъ же его дѣтей, чтобъ умертвить ихъ безъ жалости. Но особливымъ ихъ щастіемъ они спаслись отъ жестокости сего Варвара. Главные друзья Силлины, вывезли ихъ тайно изъ Рима и препроводили даже въ станъ сего Полководца. Марій, въ досадѣ отъ ихъ укрытія, обратилъ свою злобу къ вещамъ и самымъ нечувствительнымъ. Онъ приказалъ разорить до основанія домъ своего неприятеля, описать всѣ его имѣніи; и между тѣмъ какъ Силла присовокуплялъ великіе Провинціи и цѣлые Государствы къ Римской Области, онъ не устыдился объявить его всенародно врагомъ Республики. Сенатъ, умѣя соглашать свое правосудіе и

свои Опредѣленія съ волею господствующихъ Властей, безспорно призналъ его злодѣемъ. Онъ уничтожилъ всѣ его Законы выданные имъ во время его Консульства, и готовъ былъ то же сдѣлать съ Маріевыми Законами, есть ли бы противная ему сторона верьхъ получила. Цинна и Марій въ то же время изтребовали себѣ и въ слѣдующій годъ Консульство, дабы властью сего высокаго Начальства усилиться противу мщенія и могущества Силлина, котораго возвращеніе въ Италію имъ было страшно.

Въ самомъ дѣлѣ жена его, дѣти, друзья и всѣ на смерть прописанные неотступно его просили чтобъ онъ обратилъ оружїе противу собственныхъ своихъ неприятелей, и избавилъ бы свое Отечество отъ тирановъ толь долго его терзающихъ. Но Силла, возвысившись надъ собственнымъ своимъ мщеніемъ, ставилъ болѣ себѣ въ должность и честь сражаться

жаться съ Государственными внѣшними неприятелями, нежели подвергнуть республику неизвѣстному не конченной войны слѣдствiю, вдавшись стремительно своему мщенiю. И такъ онъ вознамѣрился совершить побѣду надъ внѣшнимъ неприятелемъ прежде войны со внутреннимъ.

Между тѣмъ онъ написалъ пространное письмо къ Сенату, въ которомъ выразительнымъ образомъ представилъ ему свои заслуги и претерпѣнные имъ обиды и поношенiи. Онъ кончилъ сiе письмо жалобами смѣшенными съ угрозами: „Вамъ извѣ„стны, почтенные Отцы, писалъ онъ „имъ, всѣ труды которые мы пре„одолѣли въ разныхъ климатахъ слу„жа республикѣ. Я былъ Квесторъ „въ Нумидiи, военной Трибунъ въ войнѣ „съ Цимбрами, Пропреторъ въ войнѣ „съ Союзниками, и нынѣ Проконсулъ „противу Митридата. Во всѣхъ о„ныхъ порученныхъ мнѣ должностяхъ, „оружiе ваше въ моихъ рукахъ все-

„гда

„гда было щастливо. Я побѣдилъ уже „во многихъ сраженїяхъ подручныхъ „Полководцевъ сего страшнаго Римлянъ неприятеля; я выгналъ его „гарнизоны изъ Грецїи, и скоро надѣюсь заставить его быть въ старыхъ границахъ своего Понтїйскаго „Царства.„ Онъ прибавилъ, что въ награжденїе такихъ заслугъ, Сенатъ, по проискамъ его неприятелей, прописалъ его голову въ цѣну; что друзья его отданы были на смерть, жена его и дѣти принуждены, спасая жизнь свою, убѣжать изъ Рима, домъ его разломанъ, имѣнїи описаны, и Законы уставленные во время его Консульства уничтожены; но что онъ надѣется не въ долгомъ времяни прибыть въ Римъ, съ сильнымъ и побѣдоноснымъ войскомъ, и что тогда онъ въ состоянїи будетъ отмстить за свои собственные и общенародные обиды.

Письмо оное, и получаемые ежедневно изъ войска Силлина вѣдомости

что сей Полководецъ намѣренъ обратить свое оружїе противу Консуловъ, причиняли имъ великую тревогу. Марїй, удрученъ старостью, и съ изнуренными отъ военныхъ трудовъ силами, боялся быть принужденнымъ опять въ поле выступить; паче же размышляя что онъ долженъ сражаться противу сильнаго неприятеля, великаго Полководца, всегда щастливаго, еще въ цвѣтущихъ силахъ лѣтъ его, всегда дѣйствующаго, прилѣжнаго и поворотливаго, и которой уже однажды выгналъ его изъ Рима.

Онъ приводилъ себѣ на память прежнїе свои нещастїи, свое бѣгство, изгнанїе, опасности въ кои онъ ввергался на землѣ и въ морѣ, и страшился опять подвергнуть себя тѣмъ же бѣдствїямъ въ изнеможенїи лѣтъ своихъ. Сїи нещастные воображенїи ни когда его не оставляли, и даже сна его лишили. А чтобъ сдѣлать себѣ сонъ, и избавиться отъ крушительныхъ мыслей, онъ впалъ въ пьян-

ствен-

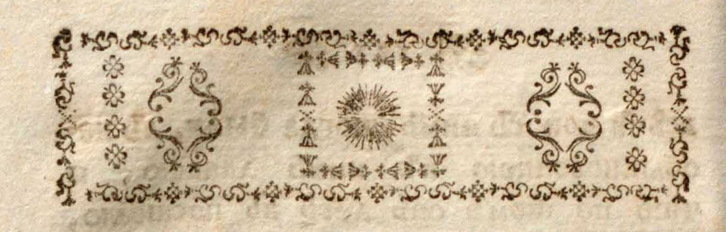
ственную роскошь; и тогда только находилЪ успокоеніе когда вино отнимало у него разсудокЪ. Сей образЪ жизни, и чрезмѣрность его упоенія, произвели вЪ немЪ водяную болѣзнь, отЪ которой онЪ умерЪ, вЪ семнатцатый день седьмаго своего Консульства. Нѣкоторой ИсторикЪ (*) даетЪ разумѣть, что будто онЪ самЪ себѣ смерть сдѣлалЪ, хотя сей ИсторикЪ не означаетЪ образЪ его самоубійства. ОнЪ повѣствуетЪ только, что Марій прохаживаясь вЪ одинЪ вечерЪ по ужинѣ сЪ своими друзьями, долго сЪ ними разговаривалЪ о главныхЪ приключеніяхЪ вЪ своей жизни. А разсказавЪ имЪ все что сЪ нимЪ случилось отЪ благополучной и нещасливой Фортуны, прибавилЪ: что не благоразумно почитаетЪ онЪ, вЪ его лѣта, болѣ ввѣрять себя Божеству толь непостоянному; что по окончаніи сей рѣчи онЪ простился со всѣ-

(*) К. ПизонЪ вЪ ПлутархѢ.

всѣми кои съ нимъ тогда были, съ необыкновенною къ нимъ ласкою, и что по томъ онъ легъ въ постелю, гдѣ нѣсколько дней спустя не вставая умеръ.

Конецъ десятой Книги.

КНИГА XI.

Послѣ смерти Марїевой, Кайй Марїй сынъ его соединяется крѣпко съ Цинною и Валерїемъ Флаккомъ Сей послѣднїй, будучи сдѣланъ Консуломъ, идетъ въ Азїю съ войскомъ противу Митридата, подъ тѣмъ видомъ что война подъ предводительствомъ Силлы производима была незаконно и безъ соизволенїя Сената. Фимбрїй, подручный Полководецъ Валерїя Флакка, убиваетъ своего Начальника. Силла заключаетъ миръ съ Митридатомъ, и идетъ противу Фимбрїя, который, оставленъ отъ своихъ воиновъ, самъ себя мечемъ пронзаетъ. Силла возвращается въ Италїю, гдѣ находитъ силы передъ своими горазде

раздо превосходнѣе, подъ предводительствомъ искусныхъ Полководцевъ, надъ коими главные были Луцій Корнелій Сципіонъ, и Клавдій Юній Нарбонъ, Консулы того года. Хитрость и деньги приобрѣтаютъ ему мощь въ Сципіоновомъ войскѣ; мужествомъ же своимъ онъ одерживаетъ верьхъ надъ силами Норбановыми. Молодой Марій избранъ въ Консулы. Онъ сходится на сраженіе съ Силлою и побѣжденъ отъ онаго. Онъ уходитъ въ Городъ Пренестъ, гдѣ неприятель его осаждаетъ. По разбитіи своихъ, Пренестъ на конецъ принужденъ отворить ворота побѣдителю. Марій чаетъ спасти себя подземнымъ выходомъ, съ нѣкоторымъ молодымъ Самнитяниномъ, который повелѣвалъ войсками своихъ единоземцовъ въ Крѣпости; но какъ они нашли всѣ выходы заставлены, то сіи двое Начальники взаимно другъ другу смерть дали. Силла, содѣлавшись всегдащнимъ

нимъ Диктаторомъ, истребляетъ своихъ непріятелей жестокими осужденіями. Онъ слагаетъ съ себя высочайшую власть и умираетъ простымъ Гражданиномъ. Маркъ Емилій Лепидъ, бывъ при жизни Силлиной въ сообществѣ съ Благородными, дѣлается Предводителемъ Общества Народнаго по смерти Диктаторовой. Будучи же Правитель Сизъ-Алпинской Галліи, по окончаніи своего Консульства, онъ собираетъ тамъ войско, съ которымъ приходитъ къ самому Риму, гдѣ разбитъ отъ Катулла. Онъ удаляется въ Сардинію и тамъ жизнь кончитъ. Помпей отправленъ въ Гишпанію, гдѣ по нѣкоторыхъ неудачахъ противу Серторія, кончитъ войну со славою, приказавъ отрубить Перпеннѣ голову. Невольники, подъ Предводительствомъ Спартаковымъ, одерживаютъ многіе побѣды надъ Легіонами Римскими. Они разбиты отъ Красса, и ихъ Начальникъ убитъ.

Война

Война съ Пиратами Помпеемъ прекращенная.

Большая часть римскихъ жителей услышали о смерти Маріевой съ такою радостію какъ бы они въ другой разъ жизнь получили. Но радость ихъ была не долговременна, и они скоро примѣтили что другой Тиранъ заступилъ мѣсто перваго. Молодой Марій, съ наслѣдственною отъ отца жестокостью и властью, торжествовалъ его поминовеніе смертью многихъ Сенаторовъ, кои спаслись отъ перьваго жестокаго гоненія. Сей молодой человѣкъ крѣпко соединился съ Цинною, и они приобщили къ себѣ въ сообщество Валерія Флакка, произшедшаго въ Чины подъ Маріевымъ покровительствомъ. Они при томъ заставили себя наименовать для возведенія послѣ его въ Консульство Марій, 667 годъ.
новый Правитель, стараясь привлечь

къ себѣ благосклонность Народа, предложилъ Законъ, по которому должники освобождались отъ платежа долговъ, съ платою своимъ заимодавцамъ четвертой только части изъ всей суммы. Они разсуждали по томъ о средствахъ воспрепятствовать Силлиному возвращенію, и согласились для того послать войско въ Азію противу Митридата, подъ тѣмъ видомъ что война, подъ Предводительствомъ Силлинымъ, производима была безъ согласія отъ республики, и что власть сего Полководца осужденнаго Сенатскимъ Опредѣленіемъ не была законна. Цинна вразумилъ Валерію, что для пользы ихъ надлежитъ, чтобъ онъ вступилъ въ исполненіе сего предпріятія; и къ тому ласкалъ его что воины ихъ неприятеля, увидя Консула въ той же Провинціи, скорѣе захотятъ служить подъ его Знаменами, или по малой мѣрѣ, войско его дастъ страхъ войску Силлину,

и

и воспрепятствуетъ его походу, естьли онъ вознамѣрится слѣдовать обратно въ Италію.

Валерій отправился изъ Рима съ двумя Легіонами. То былъ человѣкъ высокомѣрнаго и жестокаго свойства, надмѣнъ новымъ своимъ Достоинствомъ, немилосердъ въ наказаніи простыхъ воиновъ, ненавидимъ Чиновниками съ коими онъ поступалъ съ чрезмѣрною гордостью, и неблагодаренъ къ заслугамъ, поколику онъ приписывалъ оказываемое ему угожденіе къ единому страху его власти и отмщенія. И какъ Цинна не былъ удостовѣренъ въ его способности, то далъ ему, для совѣта и въ подручные Полководцы, Сенатора по имени Фимбрія, толико почтеннаго въ войскѣ за его мужество, колико Валерій въ немъ былъ ненавидимъ за свое жестоконравіе. Сіи двое Начальники не въ долгомъ времяни поссорились. Подручный Полководецъ, вѣдая неспособность своего Главнаго, мало ува-

жалъ его Достоинство; Консулъ же не дѣлая достойнаго отличенія толь искусному Чиновнику каковъ былъ Фимбрій, хотѣлъ обратить воинское отъ него повиновеніе, въ низкую послушность. По симъ не согласнымъ обстоятельствамъ скоро послѣдовали неудовольствіи и злоба. Едва они прибыли только въ Азію, и уже явно стало ихъ другъ противъ друга озлобленіе, при случаѣ спора которой Фимбрій имѣлъ съ Квесторомъ войска, о мѣстѣ кое каждый изъ нихъ хотѣлъ взять себѣ для своего пребыванія. Консулъ ухватилъ съ удовольствіемъ сей случай къ оскорбленію своего подручнаго Полководца, и рѣшилъ споръ въ пользу Квестора. Фимбрій, въ досадѣ за сіе предпочтеніе, угрожалъ ему при всѣхъ что онъ оставитъ службу. Валерій же, для показанія ему что онъ могъ безъ него обойтися, препоручилъ тотъ часъ должность его другому. Сія вторичная обида привела Фимбрія отъ злобы

бы въ неистовство. Воины любя его, вступились за его обиду, и весь станъ возмутился. Валерій вмѣсто чтобъ укротить неистовыхъ своимъ присудствїемъ и властью, убѣжалъ подлымъ образомъ; и сей Полково децъ бѣжавъ изъ своего собственнаго войска, бросился въ нѣкоторой ближнїй Городъ, и спрятался въ самую глубину одного колодезя. Фимбрій, слѣдуя своему не воздержному мщенїю, гонится за нимъ въ слѣдъ, входитъ въ Городъ, находитъ мѣсто его убѣжища, повелѣваетъ извлечь его оттуда, и убиваетъ своею рукою Консула и своего Полководца. А чтобъ предупредить мщенїе отъ Цинны, онъ заставляетъ все войско учинить себѣ присягу, во увѣренїи что онъ не будетъ обвиненъ толь долго какъ останется Повелителемъ Легїоновъ, и что единый страхъ, чтобъ онъ не передался къ Силлѣ, заставитъ умолчать его проступокъ.

И какъ онъ былъ великой воинъ и Полководецъ, то одержалъ великїе выигрыши надъ Митридатомъ и его подручными Полководцами. Онъ болѣ наступалъ на сего Государя, и принудилъ его побѣдивъ оставить Пергамъ Троадской Городъ, и убѣжать въ Крѣпость Питану, гдѣ онъ могъ получить моремъ вспоможенїе. Фимбрїй не преминулъ осадить его во оной, но какъ онъ не имѣлъ флота для пресѣченїя пути къ Порту, то писалъ къ Лукуллу, которой повелѣвалъ флотомъ Силлинымъ, подоспѣть къ нему на помощь, и не смотря на противообщества Начальниковъ, споспѣшествовать ко взятїю въ руки величайшаго неприятеля Римлянъ. Онъ не могъ бы избѣгнуть отъ гибели, естьли бы сей подручный Полководецъ Силлинъ захотѣлъ дѣйствовать согласно съ Фимбрїемъ. Но сколь ни завистна была честь поймать въ руки толь великаго Царя, Лукуллъ не хотѣлъ ничего пред-

при-

принимать безъ сообщенія и повелѣнія отъ своего Полководца. Можетъ быть такъ же онъ ставилъ себѣ въ зазоръ имѣть каковое нибудь сообщество съ человѣкомъ, которой былъ убійца Консуловъ. И такъ Митридатъ, будучи свободенъ въ морѣ, выбрался изъ сей Крѣпости, и продолжалъ войну съ разными удачами и неудачами противу Фимбрія, и противу Силлы, хотя онъ уже вошелъ въ нѣкоторые Договоры съ симъ послѣднимъ для учиненія мира.

Сей Полководецъ, въ теченіе менѣ трехъ лѣтъ времяни, отобралъ всѣ Греческіе Города, разбилъ въ двухъ главныхъ сраженіяхъ, подъ Херонеемъ и Орхоменомъ, Таксія, Архелая и Дориласа, Полководцевъ Митридатовыхъ, кои повелѣвали въ Беоціи войскомъ болѣ ста тысячь людей. Онъ торжествовалъ надъ сими страшными силами, имѣя не болѣ пятнатцати тысячь человѣкъ войска, безъ всякой помощи отъ Рима,

 гдѣ

гдѣ Маріево противообщество сильно властвовало. Но какъ война, при благополучныхъ успѣхахъ, даетъ сама способы исправлять военные нужды, то побѣды Силлины приносили въ станъ его богатство и изобиліе. Войско его умножилось; воины шли со всѣхъ сторонъ служить подъ его Знаменами, и Азія снабдила его великими денежными суммами. Силла, съ сею помощію и съ побѣдоносным войскомъ, распространилъ бы еще далѣ свои завоеванія, естьли бы безпокоившія его обстоятельствы въ Римѣ, и желаніе возставить свое противообщество, не противились въ его размышленіяхъ выгодамъ, какихъ онъ могъ ожидать отъ продолженія побѣдъ своихъ. Онъ однако твердо намѣрился не выходить изъ Азіи, пока не заключитъ своего неприятеля силою оружія, или Трактатомъ, въ прежніе границы его Области. Въ то время какъ Силла былъ колеблемъ сими размышленіями, Митри-

датъ

датъ съ своей стороны имѣлъ равные тому безпокойствы и страхи. Онъ боялся чтобъ толь великой Полководецъ, и толь щастливой во всѣхъ своихъ предриятїяхъ, не выгналъ его со всѣмъ изъ Азїи; и для того послалъ тайные повелѣнїи къ Архелаю, одному изъ своихъ Полководцевъ, чтобъ онъ всячески старался сдѣлать миръ, чего бы то ни стоило.

Архелай далъ Силлѣ нѣкоторые къ тому поводы. чрезъ одного купца, которой подъ видомъ торговаго промысла свободно могъ ѣздить изъ одного стана въ другой. Сїе произвело нечувствительно между ими переговоры, и оба Полководцы, по нѣкоторыхъ предваренїяхъ, съѣхались другъ съ другомъ видѣться, какъ они въ томъ условились. Архелай, вѣдая сколь нужно было Силлѣ возвратиться въ Италїю, предложилъ ему вступить въ Союзъ съ Митридатомъ, обѣщевая что Государь его будетъ ему помогать деньгами, войсками и кораблями, для войны съ Цинною и Марїемъ.

Сил-

Силла, не оказывая при началѣ досады за таковое предложенїе, увѣщевалъ его съ своей стороны, освободить себя отъ рабства, въ которомъ онъ находился въ подданствѣ у самовластнаго и жестокаго Государя. Онъ предложилъ ему принять Царской титулъ въ своемъ частномъ Правленїи, и обѣщалъ ему изходатайствовать названїе Союзника и друга Римскаго Народа, естьли онъ согласится отдать ему Митридатовы морскїе силы коими онъ Предводительствовалъ. Архелай отринулъ съ негодованїемъ такое предложенїе, и при томъ далъ чувствовать Римскому Полководцу, сколь было ему обидно что онъ почелъ ево человѣкомъ способнымъ къ измѣнѣ. Тогда Силла говорилъ ему съ сею величавостью и Достоинствомъ кои были свойственны Римлянамъ: „А „естьли ты, будучи рабъ, или по „лучшему мнѣнїю Чиновникъ Варвар„скаго Государя, почитаешь измѣною „оста-

„оставить службу твоего Началь-
„ника, то могъ ли ты безъ самой
„дерзости предложить Римлянину, и
„такому каковъ я, чтобъ онъ из-
„мѣнилъ пользѣ Республики? Чаешь ли
„ты что наши положенія съ тобою
„равны? Уже ли ты забылъ мои по-
„бѣды? забылъ ли что ты и теперь
„тотъ же Архелай, котораго я разбилъ
„въ двухъ сраженіяхъ, и въ послѣд-
„немъ принудилъ бѣжать и спасать
„себя въ Орхоменскихъ болотахъ.„

Архелай, приведенъ въ замѣша-
тельство толь гордымъ отвѣтомъ,
напослѣдокъ не могъ удержать сво-
ихъ требованій. Силла властвовалъ
въ Договорѣ, и предписывалъ Законы
такъ какъ Побѣдитель. Онъ сказалъ
ему, что естьли Митридатъ жела-
етъ получить миръ, то должно
чтобъ сей Государь оставилъ малую
Азію и Пафлагонію; чтобъ онъ воз-
вратилъ Виѳинію Никомеду, и Кап-
падокію Аріобарзану; чтобъ онъ за-
платилъ Римлянамъ двѣ тысячи та-
лан-

лантовъ за военные издержки, и далъ бы имъ семдесятъ Галеръ. Силла, на сихъ Договорахъ, обязался съ своей стороны заставить Сенатъ утвердить Митридата во владѣніи оставшихъ его Областей, и признать его приятелемъ и союзникомъ Римскаго Народа. Когда же Трактатъ постановленъ былъ на сихъ условіяхъ, то Статьи онаго посланы были къ Митридату для послѣдняго отъ него подтвержденія. Сей Государь тотъ часъ прислалъ ихъ обратно чрезъ Пословъ отъ себя, кои объявили Силлѣ, что Царь ихъ Самодержецъ безспорно соглашается на оные, изключая только Пафлагонію, которую онъ желаетъ удержать за собою, и требуемые Галеры коихъ онъ дать не можетъ. Силла отвѣтствовалъ имъ съ гордостью: „Митридатъ, сказываете „вы, желаетъ удержать Пафлагонію „и не хочетъ отдать мнѣ свои Га- „леры, въ то время какъ я могу „требовать отъ него чтобъ онъ палъ

„къ

„къ стопамъ моимъ, естьли я о-
„ставлю ему только ту руку кото-
„рую онъ обагрилъ въ крови Граж-
„данъ Римскихъ! Но можетъ быть
„онъ перемѣнитъ рѣчь когда я самъ
„приду къ нему.„ Послы, въ недо-
умѣніи отъ сего отвѣта, были без-
молвны. Но Архелай, взявъ его за руку,
просилъ чтобъ онъ укротился въ гнѣвѣ.
Онъ требовалъ отъ него только нѣ-
сколько времяни, чтобъ онъ могъ
самъ съѣздить къ своему Государю;
и увѣрилъ его что онъ привезетъ
подтвержденіе Трактата, въ такой
точно силѣ какъ они подписали преж-
де, или онъ самъ себя убьетъ въ его
присудствіи.

Архелай, за словомъ Силлинымъ,
наскоро поѣхалъ къ своему Государю
и явясь къ оному, представилъ ему
толь убѣдительно силы его неприя-
теля, и опасность въ которую онъ
ввергнется чрезъ продолженіе войны
противу толь великаго Полководца,
что Митридатъ хотя былъ вну-
тренно

шренно непримиримой непріятель Римлянъ, уразумѣлъ однако что полезно для него было, по малой мѣрѣ остановить на время исполненіе его намѣреній, и дождаться новыхъ обстоятельствъ кои бы освободили его отъ толь страшнаго непріятеля каковъ былъ Силла; и что по томъ онъ будетъ въ состояніи вновь принять оружіе съ большимъ успѣхомъ. Въ семъ видѣ онъ отправилъ обратно Архелая къ Силлѣ, съ увѣреніемъ что онъ самъ привезетъ къ нему полное утвержденіе Трактата, и что онъ желаетъ только съ нимъ видѣться прежде нежели онъ возвратится въ Италію. Митридатъ требовалъ случая съ нимъ видѣться для того, что постановляя миръ съ Силлою онъ не былъ освобожденъ отъ войны которую производилъ противу его Фимбрій, и что онъ желалъ съ нимъ переговорить какимъ бы образомъ поступить противу сего самовольнаго Воителя, которой не признавалъ повелѣній Силлиныхъ.

Си-

Силла согласился къ свиданью съ Митридатомъ, которое послѣдовало въ Дарданѣ Троадскомъ Городѣ. Митридатъ подступя къ Римскому Полководцу, подалъ ему руку въ знакъ дружества. Силла, не отвѣтствуя на сей привѣтливой поступокъ, спросилъ у него прежде, принимаетъ ли онъ миръ на тѣхъ договорахъ на каковыхъ Архелай съ нимъ условился. Митридатъ, удивясь высокости и гордости Римскаго Полководца, и сказавъ нѣчто въ извиненіе своихъ завоеваній, объявилъ что онъ утверждаетъ Трактатъ во всѣхъ статьяхъ онаго. Тогда Силла обнялъ его, и представилъ ему Аріобарзана и Никомеда, которыхъ возстановленіе онъ прописалъ въ мирномъ Трактатѣ. При томъ онъ увѣрилъ Митридата, что онъ идетъ укротить Фимбрія, дабы онъ не могъ имѣть отъ него ни малѣйшаго безпокойства. Они разстались по томъ, изъявя другъ другу взаимно наружные знаки почтенія и

дружества, весьма не прочные между Вельможами, и наипаче между вновь примирившимися неприятелями.

Но хотя сей Трактатъ полезенъ былъ для Римлянъ и особливо для Силлы, однако въ станѣ его произошли роптанія. Воины, не имѣя равной выгоды съ своимъ Полководцемъ итти назадъ въ Италію, жаловались что онъ не докончилъ побѣды надъ неприятелемъ, которой былъ уже внѣ состоянія противиться. Силла, ко оправданію своего поступка вразумилъ имъ, что естьли бы онъ отринулъ мирныя предложенія, то Митридатъ, за его отказомъ, не преминулъ бы вступить въ договоры съ Фимбріемъ, и что естьли бы сіи двое неприятели соединили свои силы, то принудили бы его противу воли, или оставить свои завоеванія, или вступить отчаянно въ сраженіе съ превосходными въ числѣ войсками, и подъ Предводительствомъ двухъ великихъ Полководцевъ, кои могли бы

бы въ одинъ разъ отнять у него плодъ всѣхъ прежнихъ побѣдъ, приобрѣшенныхъ имъ чрезъ толь долгое время.

Силла слѣдовалъ потомъ прямо на Фимбрія, и разположилъ свой станъ весьма въ близкомъ отъ него разстояніи. Онъ тотъ часъ послалъ къ нему съ объявленіемъ, чтобъ онъ сдалъ ему какъ Проконсулу, повелительство войска, коимъ онъ властвовалъ незаконно, безъ воли Сената, и безъ согласія Народа Римскаго. Фимбрій приказалъ ему сказать, что онъ и самъ повелѣвалъ такъ же незаконно, и что всѣ вѣдаютъ изданной противу его Приговоръ въ Римѣ. Оба Полководцы сдѣлали потомъ укрѣпленіи, каждый въ своемъ станѣ. Но какъ воины обоихъ сторонъ были единоземцы, и большою частью одногородцы, вмѣсто чтобъ драться другъ съ другомъ, при встрѣчѣ когда ѣздили промышлять припасы, братолюбно кла-

нялись между собою. Были и такїе изЪ стана Фимбрїева, кои безЪ вЂдома своихЪ Главныхъ, тайно приходили вЪ станЪ кЪ СиллЂ свидЂться со своими родственниками и друзьями. Сїе скрытное сообщенїе содЂлалось напослЂдокЪ пагубнымЪ для Фимбрїя. Силлины воины, по наученїю отЪ своего Полководца, потаенными награжденїями подговорили кЪ себЂ Фимбрїевых воиновЪ. Сїи подговоренные люди возвратясь вЪ свой станЪ, подговорили еще и другихЪ: такЪ что великое ихЪ число ночью ушли изЪ стана и передались вЪ станЪ кЪ неприятелю. БЂгство содЂлалось почти единообщимЪ: военнопредатели не опасаясь болЂ ни стыда, ни наказанїя, разпустили свои знамена и шли цЂлыми полками кЪ СиллЂ. Фимбрїй, видя себя предана и оставлена большею частью своего войска, требовалЪ отЪ Силлы сЪ нимЪ перевидЂться. Но сей ПолководецЪ имЂя Достоинство Проконсула нашелЪ за

непри-

непристойно входить въ нѣкоторое равенство съ самовольно бродящимъ Начальникомъ, и послалъ только вмѣсто себя одного Чиновника по имени Рутилія. Фимбрій сперьва жаловался съ укореніемъ, что Силла отказалъ своему Согражданину свиданье, которое онъ не давно позволилъ Царю Варварскому. По томъ выговоря нѣчто къ извиненію своему о причиненной смерти Консулу Валерію, онъ спрашивалъ у Рутилія чего онъ можетъ надѣяться отъ Силлы. Чиновникъ отвѣтствовалъ, что Силла по званію Проконсула, повелѣваетъ ему немедлѣнно выступить изъ Провинціи въ которой онъ находится. Онъ прибавилъ съ холодностью смѣшанною съ презрѣніемъ, что ему дозволяется безъ прекословія итти къ морской пристани, сѣсть на корабль и спокойно отваливать. Фимбрій уразумѣвъ, по толь жестокому отвѣту, что онъ не имѣетъ ничего ожидать кромѣ гибели, съ досадою сказалъ

ему на оборотъ, что онъ знаетъ кратчайшую дорогу. Онъ тотъ часъ возвратился въ Пергамъ, а тамъ вошедъ въ Ескулаповъ Храмъ пронзилъ самъ себя своимъ кинжаломъ. Но какъ рана была не смертоносна, то онъ заставилъ довершить смерть себѣ своему невольнику, которой убилъ потомъ и себя на тѣлѣ своего Господина. Оставшее его войско соединилось съ Силлинымъ, и сей Полководецъ препоруча Лукуллу собрать сумму денегъ при Повелительствѣ войска въ Муринѣ, самъ слѣдовалъ съ силами обратно въ Италїю.

670 годъ. По слуху его приближенїя Консулы Цинна и Карбонъ, молодой Марїй и другїе Началоводители сего сообщества, набираютъ воиновъ, уполняютъ Легїоны, призываютъ въ помощь къ себѣ Самнитянъ, и составляютъ разные военные ополченїи, на отпоръ общему ихъ непрїятелю. Цинна вознамѣрился его предупредить, итти на встрѣчу къ его

вой-

войску и произвесть войну въ Далмацїи. Онъ переправилъ уже нѣсколько силъ; но оставшїе воины не захотѣли итти въ море, а сїе произвело въ станѣ смятенїе. Въ семъ замѣшательствѣ одинъ изъ самыхъ мятежныхъ воиновъ, котораго онъ хотѣлъ задержать, пронзилъ его на сквозь мечемъ и умертвилъ. Карбонъ, видя себя безъ Товарища, и желая одинъ властвовать въ Правленїи, отлагалъ подъ разными видами избранїе консула на мѣсто убитаго. Такимъ образомъ онъ оставался одинъ въ семъ Достоинствѣ до конца года; и тогда Луцїй Сципїонъ и Норбанъ вступили въ Консульство.

Между тѣмъ Силла продолжалъ свой путь, и послѣ долгихъ переходовъ и многихъ переправъ, онъ вступилъ въ Дурацо, другїе же сказываютъ въ Патрасъ, гдѣ онъ нашелъ флотъ, которой могъ поставить войски его въ Италїю. Онъ, выхваливъ храбрость

и мужество воиновъ во всю войну подъ его Предводительствомъ, далъ имъ примѣтить нѣкоторой свой страхъ, чтобъ они его не оставили когда увидятъ себя въ своемъ Отечествѣ. Воины его, приведены въ чувствительность отъ сего страха, которой возбуждалъ ихъ привязанность къ своему Полководцу, учинили вновь присягу не выходить изъ подъ его знаменъ, толь долго какъ междоусобная война не кончится. Они увѣрили его къ тому, что они не отступятъ никогда отъ должнаго въ войскѣ порядка и повиновенія; и въ залогъ своего обѣщанія каждый отдавалъ ему деньги, которые досталъ въ войнѣ противу Митридата.

Силла не восхотѣлъ принять ихъ денегъ, и оказавъ имъ свою благодарность обѣщалъ знатные награжденіи. Онъ присталъ напослѣдокъ въ *Брундузіумъ* (Бриндъ), не встрѣтивъ ни малаго препятствія отъ стороны своихъ неприятелей. Войско

ско отдохнуло тамъ нѣсколько дней отъ морскихъ безпокойствій, по томъ слѣдовало далѣ искать неприятеля. Метеллъ *Благочестивой*, который въ Консульство Октавія удалился въ Лигурію, отъ Тиранства стараго Марія, присоединился къ Силлѣ, съ знатнымъ ополченіемъ воиновъ, коихъ онъ легко къ себѣ набралъ, приобрѣвъ издавна въ воинствѣ отъ всѣхъ почтеніе. Онъ повелѣвалъ ими въ званіи Проконсула, слѣдуя обычаю того времяни, по которому могли принимать сіе званіе тѣ кои не возвращались въ Римъ, съ тѣхъ поръ какъ получили сіе Достоинство.

Силла, не имѣя вышшаго Достоинства, принялъ его къ себѣ Товарищемъ, хотя по превосходству силъ своихъ и славѣ своихъ побѣдъ, онъ сохранялъ всегда власть первенствующую. Маркъ Крассъ *Лициніева* Дома, прописанный на смерть Маріемъ и Цинною, еще прежде къ нему присовокупился. Силла, вступя въ Италію,

 препо-

препоручилЪ ему слѣдовать вЪ Область МаріянЪ и тамЪ набирать воиновЪ, но какЪ надлежало проходить туда чрезЪ разные станицы неприятельскаго войска, то онЪ требовалЪ себѣ на подкрѣпленіе силЪ. Тогда сей ПолководецЪ, чтобЪ приучить своихЪ ЧиновниковЪ кЪ смѣлымЪ предпріятіямЪ, отвѣтствовалЪ ему сЪ величавостью. „Я тебѣ даю вЪ „подкрѣпленіе память твоего отца, „брата, родственниковЪ и друзей „коихЪ погубили наши Тираны, и за „смерть которыхЪ я мстить буду„ КрассЪ, убѣжденЪ сею рѣчью, отправился не мѣшкавЪ, проѣхалЪ сквозь разные неприятельскіе войски, набралЪ великое число воиновЪ, по довѣренности кЪ нему отЪ людства и чрезЪ друзей своихЪ, соединился паки сЪ Силлою, и раздѣлялЪ потомЪ сЪ нимЪ всѣ опасности и всю славу войны оной.

Но паче всѣхЪ вспоможеній, кои получилЪ Силла вступя вЪ Италію, при-

пріятно было ему присовокупленіе войска, которое привелъ къ нему *Кней Помпей*, извѣстный подъ именемъ *великаго Помпея.* Сей былъ еще тогда на двадцать третьемъ году своего возраста, и безъ всякой утвержденной ему власти набралъ войско въ Пиценѣ, гдѣ Отецъ ему оставилъ великое число Кліентовъ и друзей; и онъ еще подговорилъ большую часть Городовъ окружныхъ къ сторонѣ Силлиной. Войско его состояло изъ трехъ Легіоновъ. Брутъ, одинъ изъ предводителей противнаго общества, повстрѣчался съ нимъ на пути: оба войски вступили въ сраженіе. Конница Брутова, состоящая изъ Галловъ, первая въ бой пустилась. Помпей вывелъ свою насупротивъ, и подступя самъ напереди своего ополченія, убилъ пораженіемъ копья Галла, который повелѣвалъ сею чужеземною Конницею. Онъ врѣзался потомъ съ мечемъ въ рукахъ въ непріятельскую Конницу, приведенную

ную въ робость смертью своего Начальника, и принудилъ оную опрокинуться на свою Пѣхоту. Бѣгущіе сообщили туда свой страхъ и безпорядокъ: такъ что не сраженіе уже потомъ произходило, но бѣгство побѣждаемыхъ. Брутъ тщетно старался собрать и ободрить ихъ къ бою. А Помпей порубя ихъ частью, и частью обратя въ бѣгство, очистилъ себѣ путь, и соединился на конецъ съ Силлою, не смотря на другіе еще двѣ противные силы кои остановить его чаяли.

Силла, увидя сего прибывшаго молодаго Римлянина, сошелъ съ коня для изъявленія ему бо́льшаго почтенія и обнялъ его съ горячностью. Примѣчено было съ удивленіемъ, что Силла, самый горделивый Римлянинъ, далъ сему молодому человѣку, который не имѣлъ еще въ Сенатъ входа, титулъ *Императора*: титулъ который давался въ то время Полководцамъ Республики, по одержаніи ими

побѣды

побѣды надъ неприятелемъ. Но Силла, не смотря ни на Законы, ни на уставы военные, почиталъ что въ видимыхъ тогда обстоятельствахъ, онъ приобрѣталъ еще весьма дешевою цѣною помощь себѣ толь важнаго человѣка, которой въ протчемъ стоилъ ему, такъ сказать, одной только пустой почести въ возблагодаренїе. Въ самомъ дѣлѣ ни когда помощь ему не была столь полезна. Онъ привелъ съ собою изъ Азїи не болѣ какъ тритцать тысячь человѣкъ войска, а неприятели его имѣли четыреста пятдесятъ знаменъ, (то есть двѣстѣ тысячь человѣкъ) Пѣхоты, раздѣленной на разные сильные Ополченїи, не считая въ то число Конницу. И всѣ оные Ополченїи были подъ предводительствомъ пятнатцати Полководцевъ, въ заглавїи которыхъ находились Луцїй Корнелїй Сципїонъ, и Каїй Юнїй Норбанъ, кои имѣли первенствующую власть въ званїи Консуловъ того года.

да. При томъ сїи войски ежедневно приумножались страхомъ отмщенія Силлина. Не было сумнѣнія что онъ покажетъ всю жестокость своей мести и не пощадитъ крови Согражданъ своихъ, естьли только овладѣетъ Римомъ. И хотя во всѣ времена находились два общества въ Городѣ, то есть сторона Сената и сторона Народа, но въ семъ случаѣ внѣшняя опасность и общая польза, самая твердая споручница согласія, совокупляла всѣхъ тогда во едино противу угрожающей имъ силы. Должно изключить изъ того друзей и сообщниковъ Силлиныхъ, кои избѣгая отъ жестокости молодаго Марія, искали себѣ убѣжища въ станѣ его неприятеля.

Силла, будучи не менѣ искусенъ въ пронырствѣ и тайныхъ совѣщаніяхъ, сколько онъ отличенъ былъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, и наипаче видя себя окруженна разными ополченіями, присоединилъ тогда хитрость

къ храбрости. Консулъ Луцїй Сципїонъ имѣлъ свой станъ отъ него не подалеку. Силла подослалъ къ нему говорить объ мирѣ, и дабы склонить его къ оному, подосланные представили ему со всевозможнымъ убѣжденїемъ, что Силла душевно скорбѣлъ отъ предстоящихъ республикѣ нещастїй, кои должны быть слѣдствїемъ междоусобной брани которая бы сторона ни торжествовала; и что онъ проситъ только, чтобъ могъ отстать отъ войны съ честью, и чтобъ ему возвращено было его имѣнїе и титулъ достоинствъ, кои у него неправедно отняты.

Сципїонъ желалъ мира отъ добраго сердца, и обольщенъ толь умѣренными предложенїями, съ удовольствїемъ на то склонился; требовалъ только нужнаго времяни, дабы могъ сообщить о томъ Норбану своему Товарищу, которой повелѣвалъ другими силами. Между тѣмъ война съ обоихъ сторонъ отсрочена. Воины

Сил-

Силлины по поводу сего перемирїя начали ходить въ станъ къ Сципїону. И подъ видомъ свиданїя со своими приятелями, они многихъ подговорили за деньги. Силла имѣлъ проворныхъ людей коихъ онъ приобучилъ къ таковымъ дѣламъ, какъ о томъ сказано, еще въ войнѣ съ Фимбрїемъ. А по тому Карбонъ говаривалъ, что онъ долженъ бороться въ Силлѣ со львомъ и съ лисицею, но что левъ дѣлаетъ ему менѣ труда чѣмъ лисица.

Силла, удостовѣренъ въ преданности къ нему большей части Сципїоновыхъ воиновъ, подступилъ къ неприятельскому стану съ двацатью Когортами. Воины, поставленные на заставѣ, вмѣсто чтобъ драться съ Силлою, кланялись ему какъ своему Полководцу, и свободной путь въ станъ открыли. Онъ не извлекая меча овладѣлъ онымъ; и все сїе исполнено было толь скоро, что Сципїонъ свѣдалъ о томъ не прежде какъ

отъ

отъ самыхъ Силлиныхъ воиновъ, кои взяли его въ ставкѣ съ его сыномъ и отвели къ своему Полководцу. Онъ не позволилъ дѣлать имъ ни малаго оскорбленія. На противъ того употребилъ всѣ старанiи чтобъ склонить Консула взять его сторону. Но какъ онъ твердо не склонялся къ оному, то Силла великодушно далъ ему свободу, и позволилъ ѣхать назадъ, съ договоромъ только что онъ не долженъ болѣ противу его повелѣвать войсками.

И какъ хитрость его въ семъ случаѣ имѣла щастливой успѣхъ, то онъ чаялъ то же произвесть и съ Норбаномъ вторымъ Консуломъ. Онъ послалъ къ нему Депутатовъ, просить Полководца свидѣться съ нимъ для слова. Однако Норбанъ, наученъ нещастнымъ примѣромъ своего Товарища, удержалъ сихъ Депутатовъ и пошелъ прямо къ стану Силлину, въ намѣренiи напасть на него въ расплохъ. Силла, при подступ-

ленiи

ленїи неприятеля, не имѣлъ времяни построить свои войски въ боевой порядокъ. Воины его однако не оробѣли; и хотя они не могли надлежащимъ образомъ построиться, однако сразились съ такою храбростью и твердостью, что Норбанъ, потерявъ болѣе семи тысячь людей, принужденъ былъ устремиться ко отступленїю мало различному отъ бѣгства. Онъ засѣлъ въ Городѣ Капу съ остаткомъ Предводительствуемаго имъ войска, въ намѣренїи оборонять сїю Крѣпость, естьли Силла предприметъ осадить оную.

Остатокъ лѣта прошелъ въ тайныхъ со обоихъ сторонъ условїяхъ. Каждая сторона старалась переманить отъ другой къ себѣ Союзниковъ. Силла, будучи весьма искусенъ въ сихъ дѣйствїяхъ, разослалъ великїе деньги даже къ самымъ Альпамъ, чтобъ подговорить къ себѣ Сизъ-Альпинскихъ Галловъ, и его повѣренные привели къ нему сильное людей подкрѣпленїе.

Не-

Неприятели его съ своей стороны произвели войну въ Гишпаніи. Серторій, своею храбростью, овладѣлъ частью сихъ великихъ Провинцій, кои по томъ служили убѣжищемъ и укрытіемъ людемъ его единообщества. Молодой Марій въ тоже время возобновилъ Союзъ свой съ Самнитянами, кои паки объявили себя по немъ поборниками. Сіи Народы поставили сорокъ тысячь войска, и поручили Предводительство оныхъ Понтію Телезину, перьвому Полководцу въ своей Области, которой приобрѣлъ великую славу въ войнѣ международной. Они учинили сіе вспоможеніе не столько по привязанности своей къ Марію, какъ слѣдуя чувству древней своей зависти къ разпространившейся Республикѣ Находя себя весьма слабыми противу всѣхъ соединенныхъ силъ Римскихъ, они пристали къ одной междоусобной сторонѣ, въ томъ видѣ чтобъ легче погубить ту и другую, или по малой мѣрѣ обез-

силить сосѣдственную Область, которая содѣлалась безмѣрно властною и страшною.

Въ послѣдствіи произведено было въ Римѣ избраніе Консуловъ. Папирій Карбонъ третій разъ избранъ въ сіе Достоинство, а въ Товарищи ему данъ молодой Марій племянникъ, другіе же сказываютъ воспріятый сынъ, великаго Марія, хотя онъ въ то время имѣлъ только двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Почитаемо было за нужно возвести его въ сіе высокое Достоинство, не взирая на обычаи и Законы, чтобъ только поставить въ заглавіи Общества человѣка великаго имени, которой бы чрезъ память отца своего содержалъ Народъ во всегдашнемъ къ себѣ прилѣпленіи. Войски выступили въ поле, какъ скоро весна показалась. Марій съ восмидесять пятью Когортами пошелъ на сраженіе съ Силлою. Сей послѣдній, имѣя тайные сообщеніи въ непріятельскомъ войскѣ, не отрекся

отъ

отъ бою. Обѣ стороны сражались съ великою храбростію. Воины одного и другаго войска желали побѣдить или умереть, и не видно еще было къ которой сторонѣ клонилось щастіе побѣды, когда нѣсколько Станицъ изъ Маріева войска, и пять Когортовъ отъ его лѣваго крыла, подкупленные отъ Силлы деньгами, произвели тамъ разстройку бѣгствомъ, каковое учинить они условились съ хитрымъ Полководцемъ. По ихъ примѣру и множество другихъ побѣжали отъ сраженія. Ужасъ тогда во всемъ войскѣ разсѣялся, и уже не сраженіе происходило, а сущее бѣгство. Множество Когортовъ въ части были изрублены. Однако великое имя Каія Марія отца, не было обезславлено его сыномъ. Сей молодой человѣкъ оказалъ въ сраженіи всевозможную способность стараго Полководца, и смѣлую предпріимчивость бодрыхъ лѣтъ Начальника. Онъ много разъ собиралъ бѣгущихъ воиновъ, много

разъ начиналъ вновь сраженіе, и оставиль бой между самыми послѣдними. На конецъ, видя что всѣ силы его частью были порублены и частью отъ него убѣжали, онъ укрылся въ Пренестъ, крѣпкой Городъ которой объявилъ себя въ его единообщество.

То была наивеличайшая погрѣшность какую онъ въ войнѣ могъ сдѣлать, наипаче тогда какъ онъ имѣлъ еще множество войскъ въ своихъ повелѣніяхъ, и кои не покидали ратнаго поля. Силла, уповая кончить войну взятіемъ самого Полководца, окружилъ тотъ часъ сей Городъ. Сдѣланы были вокругъ перекопы съ укрѣпленіями; и когда сіе земляное окруженіе было кончено, то Силла препоручилъ произведеніе осады Лукрецію Офеллу, одному изъ своихъ подручныхъ Полководцевъ, котораго онъ обыкновенною своею хитростью переманилъ къ себѣ отъ стороны Маріевой. А во всѣхъ узкихъ проходахъ на пути къ Пренесту онъ поста-

ставилъ охранительные войски; станъ же своего главнаго войска учредилъ въ такомъ мѣстѣ, чтобъ оный прикрывалъ равно осаду Города и помянутые разставленные части силъ его.

Онъ слѣдовалъ по томъ съ частнымъ ополченіемъ къ Риму. Сообщники Маріевы, пришедъ въ отчаяніе отъ его нещастія, оставили Городъ. Силла вошелъ въ оный безъ сопротивленія. Жители, изнуренные голодомъ и всѣми бѣдствіями слѣдующими за междоусобною войною, отворили ему ворота. Силла внѣдрившись въ Крѣпость, собралъ Народъ, и жаловался ему что люди попустили уловить себя лукавствомъ его неприятелей. По томъ, разпродавъ имѣніи сообщниковъ Маріевыхъ, онъ возвратился въ свое войско, чтобъ стараться взять ихъ Начальника и тѣмъ сделать конецъ междоусобной брани. Марій, въ отчаянномъ заключеніи въ Пренестѣ, и можно сказать

въ рукахъ своего неприятеля, приписывалъ вину своихъ нещастій тайнымъ сообщеніямъ, кои Силла имѣлъ съ людьми его единообщества. Онъ отправилъ повелѣніе къ Бруту Претору Римскому, истребить тѣхъ кои были ему подозрительны; и Преторъ по силѣ сего жестокаго предписанія, приказалъ умертвить безъ вѣдома Сената, Луція Домитія, Марія Сцевола, великаго духовнаго Пастыря и изящнаго Законописателя, и Приска Антистія. Наипаче удивительно казалось что Кай Карбонъ Консульской братъ, былъ вмѣшенъ въ число осужденныхъ къ смерти. Должно думать что Марій не далъ бы сего повелѣнія, а Брутъ не отважился бы исполнить онаго безъ воли самого Консула; ибо сей не оказалъ ни сопротивленія въ томъ, ни послѣ мщенія. Таковой примѣръ изъявляетъ намъ что въ лютости междоусобныхъ браней, союзы родства слабо дѣйствуютъ для соединенія

тѣхъ,

тѣхъ, кои раздѣлены видами властолюбія и собственной корысти.

Въ самомъ дѣлѣ, смерть Кая Карбона, умерщвленнаго по повелѣнію Маріеву, и такъ сказать, въ глазахъ своего брата, не воспрепятствовала Консулу употребить всевозможное стараніе чтобъ освободить Пренестъ изъ осады. Сія осада содѣлалась тогда главнымъ видомъ военныхъ дѣйствій. Карбонъ, желая вспомоществовать силами Городу, сражался цѣлой день съ Силлинымъ войскомъ, но не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи. Во время сего сраженія, Марій, другой Полководецъ единообщества Маріева, съ восмью Легіонами, предпринялъ съ другой стороны пробиться тѣсными дорогами. Но онъ встрѣтилъ въ своемъ пути Помпея, которой его принудилъ вспять возвратиться, и перерубилъ часть его воиновъ. Метеллъ имѣлъ равной выигрышъ, мало времяни спустя, противу Карбона и

Норбана. Сїи двое Полководцы, соединя свои силы, и сдѣлавъ разомъ долгой переходъ для нападенїя въ разплохъ, подступили въ вечеру подъ его станъ, и не останавливаясь напали на оной. Но Метеллъ, которой почитался по справедливости великимъ воиномъ своего вѣка, показалъ имъ что доброй Полководецъ никогда не можетъ быть въ оплошности противу неприятеля. Онъ выбралъ положенїе своего стана въ мѣстѣ окруженномъ частымъ виноградникомъ, которой ему служилъ вмѣсто загороды. Карбонъ и Норбанъ пустились на сей станъ съ великою стремительностью, но не съ великимъ порядкомъ. Воины ихъ, путаясь въ виноградникѣ, не могли строить своихъ ополченїй, и набѣгали въ безпорядкѣ къ земляным укрѣпленїямъ. Метелловы же воины съ верьху своихъ окоповъ, убивали великое ихъ число стрѣлами; и видя ихъ въ колебленности, выступили на встрѣчу

къ

къ подступающимъ, гдѣ еще побили ихъ множество. Наставшая ночь скрыла стыдъ бѣгущихъ, и нашлось до шести тысячь человѣкъ кои, не могши выдраться изъ помянутаго винограданика, отдались Метеллу.

По слуху сего неудачнаго сраженія, и другой Легіонъ, находившейся въ близости отъ Метеллова стана, отдался ему такъ же, не смотря на Альбинована повелѣвающаго онымъ, которой одинъ только возвратился къ Норбану. Однако и тотъ не долго пребылъ въ сей вѣрности. И такъ какъ бы умыслилъ съ тѣмъ только возвратиться къ своему Полководцу чтобъ измѣнить ему еще подлѣе, по нѣсколькомъ времяни, онъ позвалъ къ себѣ Норбана обѣдать, вмѣстѣ съ подручными его Полководцами, Клавдіемъ Апустіемъ и Флавіемъ Фимбріемъ братомъ того Фимбрія, которой убилъ себя въ Азіи. Онъ пригласилъ на сей обѣдъ и главныхъ Чиновниковъ того же общества; а во

время

время пиршества приказалЪ ихЪ всѢхЪ перерубить, кромѢ главнаго Полководца, которой для нѢкоторыхЪ дѢлЪ не могЪ тамЪ присудствовать. ПослѢ толь гнуснаго злодѢянія, властоубійца явился кЪ СиллѢ сЪ сообщниками своего исполненія. НорбанЪ, вЪ отчаяніи отЪ безпрестанныхЪ неудачь, и не зная кому потомЪ ввѢриться, сыскалЪ морское судно, на которомЪ вЪ РодоссѢ чаялЪ скрыться. Силла послалЪ тотЪ часЪ требовать его у РодосскихЪ жителей; и между тѢмЪ какЪ Правители совѢтывали между собою о толь недоумительномЪ дѢлѢ, НорбанЪ, боясь быть преданЪ вЪ руки своему неприятелю, убилЪ себя по среди Собранія.

КарбонЪ имѢлЪ столько же нещастливую участь. ОнЪ покушался еще многажды выручить Марія изЪ Пренеста, но покушеніе его всегда было безполезно. ЛукуллЪ, одинЪ изЪ подручныхЪ ПолководцевЪ СилліевыхЪ, возвратившійся изЪ Азіи, разбилЪ

билъ, близъ Плезанса, часть его войска, и Помпей порубилъ на голову близъ Клузіума двацать тысячь человѣкъ, оставшихъ отъ прежнихъ неудачныхъ сраженій. Консулъ, не имѣя болѣ силъ продолжать войну, оставилъ Италію, и сѣлъ на корабль съ тѣмъ чтобъ плыть въ Африку. Но долго странствуя по морю, онъ попалъ послѣ въ руки Помпею, которой для пресѣченія корня междоусобной брани приказалъ его умертвить. На конецъ отъ великаго числа Предводителей стороны Маріевой, оставались только Каринасъ, Марцій и Домаситъ, у коихъ были еще въ повелѣніи четыре Легіона. Сіи Римляне, твердо желая продолжать войну, присоединились къ Телезину Полководцу Самнитянъ. Они согласно предприняли, произвесть послѣдній опытъ, и умереть или освободить Пренестъ отъ осады. Телезинъ смѣло туда подступилъ, и старался прорвать ряды непріятельскіе.

скіе. ВЪ войскѢ его находилось болѢ шестидесяти тысячь человѢкЪ, кои всѢ были Самнитяне, непримиримые неприятели Римскаго имяни, или Римскіе воины, такіе кои равно не могли ожидать себѢ инаго спасенія какЪ вЪ побѢжденіи противнаго общества. Силла, Предводительствуя побѢдоноснымЪ войскомЪ, пошелЪ кЪ нимЪ на встрѢчу, и послалЪ повелѢніе кЪ Помпею, повелѢвавшему другою частью войска, слѢдовать за ТелезиномЪ, и напасть на него сЪ тыла вЪ то время какЪ онЪ вЪ лице на него ударитЪ. Но вЪ предприятыхЪ движеніяхЪ сими двумя Полководцами, ТелезинЪ, будучи искуснѢе обѢихЪ, уничтожилЪ ихЪ намѢреніе; ибо поворотясь вЪ другую сторону и слѢдуя во всю ночь подшелЪ кЪ Риму, вѢдая что онЪ былЪ безЪ защищенія. Войско его, надѢясь получить корысти отЪ сего великаго Города, сдѢлало сей переходЪ сЪ такою поспѢшностью, что на утро

видны уже были переднїе силы на ближнихъ горахъ отъ Рима.

Жители Города пришли отъ того въ крайнее недоумѣнїе. Они видѣли себя предлежащею жертвою чужеземнаго войска, которое, подъ тѣмъ видомъ что Силла впущенъ былъ въ Городъ, неминуемо долженствовало отмстить имъ за измѣну своего Общества, убивствомъ и грабительствомъ Гражданъ невинныхъ, хотя равно по принужденїю они приставали къ тому или къ другому. Тотъ часъ затворены были Городскїе ворота. Мущины берутъ оружїе и укрѣпляютъ стѣны махинами и стрѣльницами, женщины въ слезахъ, прибѣгаютъ въ Храмы и призываютъ въ помощь Божеское милосердїе. Страхъ и смятенїе умножаются по мѣрѣ Телезинова приближенїя къ Городу. То былъ второй Анибалъ подъ стѣнами Рима, и онъ уже чаялъ быть въ немъ повелителемъ. Тогда онъ оставляетъ притворство, и откро-

венно

венно изъявляетъ сїю непремиримую ненависть которую онъ питалъ въ душѣ къ Римлянамъ. Будучи равно неприятель Марїя и Силлы, онъ вознамѣрился разорить Римъ, и истребить въ немъ до послѣдняго человѣка жителей. Онъ ѣздилъ по рядамъ войска чтобъ ободрить къ тому своихъ воиновъ. „Должно истребить, кричалъ онъ имъ, глухой лѣсъ въ которомъ укрываются хищные и терзающїе насъ волки. Рубите и „жгите ихъ со всѣхъ сторонъ, и не „дѣлайте ни кому пощады; человѣ„чество не можетъ быть свободно, „пока Римляне дыхать еще ста„нутъ.„ Войски его, подожженные сею рѣчью, подступаютъ съ разъяренїемъ. Всѣ, кои способны были въ Римѣ носить оружїе, выступаютъ на отраженїе неприятеля, подъ Предводительствомъ Аппїя Клавдїя, хотя не съ тѣмъ чтобъ воспрепятствовать приближенїю толь ужасной силы, но по малой мѣрѣ чтобъ

от-

отсрочить гибель Города и дать время Силлѣ притти къ нимъ на помощь. Римляне сражались такъ какъ люди кои шли защищать свое Отечество, въ виду у Сограждан, женъ и дѣтей своихъ. Аппій убитъ въ семъ сраженіи; и не льзя было уповать по неравенству силъ, чтобъ тѣ коими онъ предводительствовалъ лучшую судьбу имѣли; но вдругъ подоспѣли въ Римъ семь сотъ человѣкъ Конныхъ, коихъ Силла послалъ бѣжать во всю скачь въ Римъ для помощи. Они какъ скоро туда прибыли, то вышедъ другими воротами присоединились къ тѣмъ кои сражались противу передняго войска Самнитянъ.

Силла между тѣмъ самъ приближался со всевозможною скоростію, какую только льзя было имѣть въ слѣдованіи съ Пѣхотою; и онъ крайне огорчался когда мыслилъ что Римъ, которой онъ почиталъ плодомъ побѣдъ своихъ, долженъ былъ впасть

въ руки иноплеменниковъ. Напослѣдокъ онъ прибылъ туда въ полдни, и расположилъ свой станъ близъ Храма Венерина. Воины его не успѣли отдохнуть минуты, какъ онъ приказалъ имъ стать къ бою, и построилъ войско къ сраженiю. Онъ отдалъ Марку Крассу предводительствовать правое крыло, а самъ остался повелѣвать лѣвымъ. Большая часть главныхъ его Чиновниковъ желали чтобъ онъ отложилъ до завтрева сраженiе. Они представляли ему что все его щастiе зависѣло отъ успѣха сего побоища; что войско его утомленное скоропостижнымъ переходомъ имѣло нужду въ отдохновенiи, наипаче долженствуя сражаться противу Самнитянъ и Луканiянъ, храбрыхъ Народовъ, надъ коими Римляне никогда не торжествовали безъ пролитiя многой крови. Но Силла, въ стремительной своей отважности, приказалъ трубить къ строю и пошелъ на непрiятеля. Сраженiе со обѣихъ сторонъ происходило съ равною упор-

упорностью, и долго одни другимъ не уступали, особливо на лѣвомъ крылѣ, гдѣ онъ предводительствовалъ. Самнитяне не измѣнили древняго своего мужества. Они напирали на его воиновъ и привели ихъ въ разстройку. Множество Когортовъ и цѣлые Легїоны, не въ состоянїи противиться, явно устремляются къ бѣгству. Силла прибѣгаетъ совокупить ихъ паки къ бою, грозитъ мечемъ дабы остановить бѣгущихъ. Но устрашенное воинство не внемлетъ болѣ гласу повелѣвающаго; каждый, спасая жизнь свою, старается найти убѣжище въ стѣнахъ Рима. Жители, боясь чтобъ побѣдители не вошли вмѣстѣ съ побѣжденными, затворили съ сей стороны ворота, и опустили съ верьху затворъ, который паденїемъ своимъ передавилъ множество Сенаторовъ Силлина войска. Сказываютъ что сей Полководецъ, въ толь великой опасности, вынялъ изъ запазухи медаль, или

маленькой образъ Аполлоновъ, который онъ на себѣ носилъ; и какъ гибель и страхъ возбуждаютъ всегда чувствы благовѣрія, то онъ, по сказанію нѣкоторыхъ, провѣщалъ сіи слова къ образу, яко Божеству его охраняющему: „О ты, который способ„ствовалъ Корнелію Силлѣ торже„ствовать надъ многими неприяте„лями, не уже ли ты велъ его чрезъ „безпрестанные побѣды въ нѣдры сво„его Отечества, для того только „чтобъ погубить его болѣ поноснымъ „образомъ?„ Проговоря сіе онъ собралъ вновь воиновъ, кои не успѣли затвориться въ Городѣ. Сіи войски, хотя приведены въ робость, однако принуждены будучи стоять по самой необходимости, ободрились противу неприятеля. Сраженіе возобновилось съ тою же жестокостью, и прекратилось только отъ наступленія ночи. Силла, въ прискорбности отъ толь неудачнаго сраженія, и невѣдая о томъ что съ правымъ его крыломъ

ломъ послѣдовало, въ станъ свой возвратился.

Уже гораздо поздно ночью Крассъ прислалъ къ нему сказать, что онъ побѣдилъ неприятеля и гнался за нимъ даже до Антена, гдѣ темнота ночи принудила его остановиться. Силла на разсвѣтѣ дня туда же прибылъ; и выхваливъ своего подручнаго Полководца и его воиновъ за важность ихъ услуги, поѣхалъ осмотрѣть мѣсто побоища, на которомъ нашелъ болѣ пятидесяти тысячь тѣлъ неприятельскихъ. Между протчими найденъ былъ и Телезинъ мертвъ, но сохранялъ еще и по смерти видъ военной твердости и упорства, съ которымъ онъ сражался не задолго. Взято было восемь тысячь плѣнныхъ, коихъ Силла приказалъ тотъ часъ убить стрѣлами. Марцій и Каринасъ, были такъ же по томъ поиманы и имъ отсѣчены головы. Силла послалъ сіи головы къ Лукрецію, вмѣсто знаковъ своей побѣды, и съ

 пове-

повелѣнїемъ обнесть ихъ вокругъ стѣнъ Пренестинской Крѣпости. Жители и тѣ кои Гарнизонъ составляли, увѣдавъ о семъ разбитїи, о побѣгѣ Норбона и Карбона, и видя себя безъ пищи и безъ помощи, отворили ворота Побѣдителямъ. Марїй хотѣлъ выдти изъ Города чрезъ подземной выходъ съ молодымъ Самнитяниномъ братомъ Телезиновымъ; но нашедъ всѣ выходы въ полѣ заставлены Силлиными воинами, сїи двое Начальники, другъ другу смерть дали, чтобъ не отдаться живыми въ руки своего неприятеля. Силла приказалъ погубить жителей, сдѣлавъ пощаду только женамъ и дѣтямъ. Жители же Города Норба, кои по долгой осадѣ и упорномъ защищенїи видѣли себя наконецъ близко подверженными равному жребїю, зажгли свои домы, и умертвили взаимно другъ друга, какъ для того чтобъ лишить корысти побѣдителей, такъ и ради того чтобъ Силла не имѣлъ власти надъ ихъ

дыха-

дыханіемъ. Взятіе сей Крѣпости содѣлало конецъ междоусобной брани. Силла, торжествовавъ надъ толь многими неприятелями, вошелъ въ Римъ съ побѣдоносным своимъ воинствомъ. Онъ былъ бы много почтенъ, естьли бы соблюлъ ту славу, которую онъ приобрѣлъ войною, или пересталъ бы жить въ тоже время какъ кончилъ побѣды.

Подручные Полководцы Силлины овладѣли всѣми Италійскими Городами, и оставили сильные Гарнизоны въ крѣпостяхъ кои держали Маріеву сторону. Оставшіе войски отъ разбитыхъ разныхъ силъ противостоявшихъ Силлѣ, прислали къ нему Депутатовъ для испрошенія себѣ пощады. Онъ приказалъ имъ сказать, что онъ помилуетъ только тѣхъ кои содѣлаются того достойными чрезъ убіеніе своихъ единообщниковъ: то былъ новой родъ смертнаго осужденія, которое принудило сихъ нещастныхъ обратить свое оружіе

другъ на друга. Таковымъ образомъ великое число ихъ погибло, шесть тысячь только, кои спаслись отъ сего посѣченія, въ Римъ явились. Силла приказалъ ихъ запереть въ Гиподромѣ, (*) и въ то же время созвалъ Сенатъ въ Храмъ Беллоны, которой находился въ близости. Какъ онъ съ природы былъ краснорѣчивъ, то началъ говорить самыми высокими словами о великости дѣйствій коими онъ въ войнѣ отличился. Между тѣмъ какъ Сенатъ Слушалъ внимательно рѣчь сію, воины по его приказанію, бросились въ Гиподромъ и избили помянутыхъ шесть тысячь человѣкъ въ Римъ пришедшихъ. Сенатъ, не вѣдая о семъ его повелѣніи, и встревоженъ воплями сихъ нещастнопобиваемыхъ, крайне огорчился, и чаялъ что Силла оставилъ весь Городъ на разграбленіе своимъ вои-

(*) Огороженное мѣсто для конскаго ристанія, въ Римѣ называлось Гиподромъ.

воинамЪ. Но Силла, безЪ возчувствованія ихЪ нещастія и не измѣненія лица, сказалЪ имЪ спокойнымЪ видомЪ, чтобЪ они не тревожились о томЪ что произходитЪ вЪ Городѣ, и что то кричатЪ нѣкоторые виновные кои наказываются по его повелѣнію. ОнЪ такЪ называлЪ войски противнаго Общества; и повѣствуютЪ, что вЪ послѣдующемЪ НародномЪ Собраніи онЪ обЪявилЪ высокимЪ и гордымЪ образомЪ, что онЪ такЪ же поступитЪ и со всѣми своими неприятелями, не упуская ни кому кто бы и какого бы званія ни былЪ. Мало времяни спустя онЪ приказалЪ прибить на площади имена сорока СенаторовЪ и тысячи шести сотЪ Рыцарей, коихЪ онЪ прописалЪ кЪ изтребленію.

Послѣ двухЪ дней, онЪ прописалЪ еще сорокЪ другихЪ СенаторовЪ, и безчисленное множество самыхЪ богатыхЪ ГражданЪ РимскихЪ. При томЪ обЪявлены позорными, и лишены

мы Гражданскаго права дѣти и внуки прописанныхъ. Онъ повелѣлъ, всенародно изданнымъ Опредѣленїемъ, что естьли кто укроетъ прописаннаго, или дастъ ему убѣжище въ своемъ домѣ, таковой да прописанъ будетъ на мѣсто укрытаго. Онъ предписалъ цѣну за каждую голову сихъ осужденныхъ: именно же два Таланта за каждое убїйство. Невольники, умерщвляя Господъ своихъ, получали, не ставя себя измѣнщиками, сїе награжденїе; и къ позору человѣчества, являлись таковые изверги въ самыхъ дѣтяхъ, кои, съ обагренными руками кровью собственныхъ отцовъ своихъ, требовали платы за ихъ убїенїе. Луцїй Катилина, который умертвилъ своего брата для того чтобъ завладѣть его имѣнїемъ, просилъ Силлу своего покровителя, вписать онаго брата уже давно убитаго въ число осужденныхъ, дабы прикрыть тѣмъ важность своего злодѣянїя. И какъ Силла удовольствовалъ

валЪ его вЪ сей прозьбѢ, то Катилина вЪ знакЪ своей ему благодарности, пошелЪ убить вЪ то же время Марка Марїя, сродника великаго Марїя, и принесЪ кЪ нему его голову на сборное мѣсто. ИмѢя же руки еще обагренные кровїю сего нещастнаго, онЪ вошелЪ вЪ ХрамЪ АполлоновЪ не далеко отстоявшїй отЪ сборища, и умылЪ ихЪ вЪ чистительной водѢ сего Храма, какЪ будто бы хотѢлЪ прибавить безбожїе и святотатство, ко грѢху убїйства и злостяжанїя.

Сїе жестокое прописанїе не кончилось только гибелью тѢхЪ кои были противнаго Общества, но Силла, который почиталЪ ни за что смерть человѢческую, позволилЪ своимЪ друзьямЪ и ЧиновникамЪ, производить ненаказаннымЪ образомЪ мщенїе и надЪ особыми ихЪ неприятелями. Стяжанїе великаго богатства стало быть тогда почитаемо виною, и когда кто слылЪ только богатымЪ,

томъ былъ жертвою прописанною въ общемъ мщенїи. Квинтїй Аврелїй, мирной Гражданинъ, который жилъ всегда въ щастливомъ удаленїи, не будучи знаемъ ни Марїемъ ни Силлою, примѣтя съ удивленїемъ имя свое поставлено въ помянутой нещастной переписи, куда включались имена на смерть осужденныхъ, вскричалъ съ горестью: *О бѣдной! Я за то только стражду что имѣю богатой домъ въ Альбѣ*; и въ нѣсколькихъ шагахъ по томъ онъ былъ пораженъ убїйцею, которой принялъ на себя должность отнять жизнь его. Каждый день являлись новые переписи осужденныхъ и новые убїйствы исполнялись, и никто не вѣдалъ долженъли онъ на завтре почитать себя въ числѣ живущихъ или умерщвляемыхъ.

Въ семъ общемъ неудовольствїи одинъ только Каїй Метеллъ отважился спросить у Силлы въ полномъ Сенатѣ, когда будетъ конецъ погуб-

,,ленїю

„ленїю Сограждан̂ его: „Мы не про-
„сим̂ тебя, говорил̂ он̂ ему, чтоб̂
„ты простил̂ тѣх̂ коих̂ ты смерть
„назначил̂, по освободи нас̂ от̂
„неизвѣстности, которую мы хуже
„смерти почитаем̂, и по малой
„мѣрѣ скажи нам̂ о тѣх̂ коих̂ ты
„спасти желаешь.„ Силла, не по-
казав̂ вида неудовольствїя за толь
смѣлое слово, отвѣтствовал̂ ему с̂
холодностью, что он̂ еще не опре-
дѣлил̂ точно числа тѣх̂, кото-
рым̂ он̂ хочет̂ жизнь оставить;
но что надлежит̂ до виновных̂, то
он̂ при перьвом̂ случаѣ прописал̂
на смерть только тѣх̂ кои ему в̂
память представились, и что он̂
предоставляет̂ себѣ свободу продол-
жать и впредь осужденїе виновных̂,
по мѣрѣ как̂ он̂ может̂ вспомнить
имена своих̂ неприятелей. Он̂ раз-
пространил̂ по том̂ на Города и
на цѣлые Народы сїе на смерть про-
писанїе, которое в̂ началѣ пало на
одних̂ только жителей. Он̂ от-
нял̂

нялЪ образомЪ законнаго лишенія у многихЪ стяжаній, домы и землю всѣхЪ Италійскихъ ГородовЪ, кои во время междоусобной брани пристали кЪ сторонѣ Маріевой. А симЪ отЪятіемЪ онЪ наградилЪ своихЪ воиновЪ, коихъ тѣмЪ вновь привязалЪ кЪ соблюденію его благополучія и пользы. Но какЪ сіи насильные отЪятіи, и другіе о коихЪ ниже будетЪ упомянуто, не могли быть впредь тверды, то люди кои воспользовались оными внушали ему что онЪ долженЪ вступить вЪ Достоинство Диктатора, дабы дать законную силу и видЪ нѣкотораго права разнымЪ перемѣнамЪ, которые онЪ сдѣлалЪ вЪ Республикѣ.

Сказано уже было что Римляне, по изтребленіи Царей, сохранили однако нѣкоторой образЪ Царскаго Правленія вЪ Достоинствѣ Диктатора. Власть сего высочайшаго Правителя была неограниченна. Начальство КонсуловЪ и прочихЪ нижнихЪ

нихЪ Правителей, естьли только изключено будетЪ начальство Трибунское, совершенно прекращалось его избранїемЪ. ОнЪ властвовалЪ вЪ животѢ и смерти СограждanЪ своихЪ, могЪ набирать или разпускать войски когда ему угодно, и никто не могЪ ему вЪ томЪ противурѢчить. Двативцать четыре Ликтора носящїе прутье сЪ сѢкирами шествовали предЪ нимЪ когда онЪ являлся вЪ НародѢ, и ПолководецЪ конницы былЪ всегда при его особѢ для исполненїя его повелѢнїй. ДиктаторЪ одинЪ собою имѢлЪ право давать сей ЧинЪ кому хотѢлЪ: ЧинЪ который заключалЪ вЪ себѢ должность подобно какЪ бы подручнаго Полководца. СловомЪ, ДиктаторЪ имѢлЪ всю власть и великолѢпїе какЪ Царь подобно. Но дабы онЪ не могЪ употреблять во зло толь Самодержавной власти, и может Ъ быть болѢ еще пространной, нежели власть самыхЪ древнихЪ Царей РимскихЪ, ради того сїе высо-

кое Достоинство давалось только въ тѣ дни, когда Республика находилась въ крайней опасности, какъ на примѣръ когда страшные неприятели нападали на Область, или когда Республика колеблема была опасными возмущенїями. И для предосторожности, сїя подозрительная власть въ Республикѣ, вручалась по самой великой нуждѣ не болѣ какъ на шесть мѣсяцевъ. Силла, господствуя Самодержавно въ Римѣ, возжелалъ имѣть власть оную, неограничивая себѣ въ томъ времени. Симъ образомъ Римляне, перешедъ изъ подъ власти Царей въ Республическое Правленїе Консуловъ и военныхъ Трибуновъ, подверглись вновь, по прошествїи нѣсколькихъ вѣковъ, подъ Самодержавную волю единаго: хотя Силла, уменьшая отвращенїе Республиканъ къ Царству, мнилъ прикрыть оное названїемъ и Достоинствомъ Диктатора.

Но

Но Римляне имѣли проницаніе скоро примѣтить что подъ древними и извѣстными именами, возставлялось со всѣмъ новое Владычество, не соотвѣтствующее ихъ вольности. Силла, содѣлавшись безпрестаннымъ Диктаторомъ, или лучше сказать совершеннымъ Царемъ и Самодержателемъ въ Римѣ, перемѣнилъ по своей волѣ образъ Правленія. Онъ уничтожилъ древніе Законы, выдалъ вмѣсто тѣхъ свои новые, взялъ къ себѣ въ волю общее сокровище, и самовластно разполагалъ имѣніями Сограждань своихъ, почитая оные какъ будто бы частью своихъ завоевоеній. Крассъ возпользовался лучшею ихъ частью. Крассъ, который звался самымъ богатымъ человѣкомъ въ Римѣ, не имѣлъ стыда выпросить себѣ у Силлы описанные имѣніи нещастныхъ, или откупать оные самою низкою цѣною на всенародномъ сборищѣ. Силла, толико щедръ къ друзьямъ своимъ, колико

 же-

жестокЪ и неумолимЪ противу своихЪ неприятелей, ставилЪ себѣ вЪ удовольствiе дарить, щедрою рукою изЪ общаго сокровища, тѣхЪ кои были привязаны кЪ его щастiю. Но при томЪ онЪ требовалЪ отЪ нихЪ совершеннаго повиновенiя. Помпей, по его приказанiю, развелся даже сЪ своею женою, по имени Антистiею, дочерью Сенатора Антистiя, котораго приказалЪ убить молодой Марiй; вмѣсто же сей отпущенной жены, онЪ принужденЪ былЪ взять за себя Емилiю, патчерицу Силлину, рожденную отЪ перьваго брака жены его Метеллы со СкавромЪ. Таковою же самодержавною властью, которую онЪ употреблялЪ безЪ различенiя надЪ всѣми Римлянами, онЪ хотѣлЪ заставить Юлiя Цесаря, племянника Марiева по женѣ, развестись такЪ же сЪ Корнелiею своею женою, дочерью Цинною. Но Цесарь, хотя едва только вышелЪ изЪ дѣтскихЪ лѣтЪ, смѣлЪ ему воспротивиться;

виться; и еще представился, съ удивительною смѣлостью, предъ народное Собраніе, требовать Чина Жреца Юпитерова. Силла, неудовольствуясь тѣмъ что не допустилъ его къ сему Чину, вознамѣрился еще прописать его на смерть какъ и протчихъ нещастныхъ. Друзья Цесаревы съ превеликимъ трудомъ могли испросить ему прощеніе. И какъ они ему представляли что толь молодой человѣкъ не былъ для него опасенъ, то онъ отвѣтствовалъ, какъ сказываютъ, что въ семъ молодомъ человѣкѣ выростутъ множество Маріевъ. Родственники и Друзья Цесаревы, по симъ словамъ видя сколь ненавистны были Диктатору всѣ имѣющіе какой либо союзъ съ Маріемъ, уговорили его выйти изъ Рима, куда онъ возвратился не прежде какъ по смерти Силлиной.

Развѣдавъ мысли и поступки жителей, Диктаторъ вступилъ въ учрежденіи Гражданскаго Правленія и

въ порядки Сената. Онъ ввелъ туда триста Рыцарей, чтобъ замѣнить ими то великое число Сенаторовъ, кои погибли или въ междоусобной войнѣ, или чрезъ его на смерть прописанiи. Но чтобъ уменшить въ то же время власть Рыцарей, онъ отнялъ у сего Общества право судить законопреступленiи, хотя Кайй Гракхъ имъ отдалъ прежде судъ таковыхъ преступниковъ. Онъ умножилъ число Плебеянъ прибавкою десяти тысячь невольниковъ, кои принадлежали прежде на смерть прописаннымъ, и коимъ онъ въ Плебеянской степени далъ названiе *Корнелiевъ*, дабы симъ именемъ они помнили всегда Творца ихъ вольности. Онъ выдалъ по томъ разные Законы, кои были частью со всѣмъ новые, и частью тѣ, которые уже состоялись прежде въ его Консульство, но которые Марiй и Цинна уничтожили. Главный его видъ былъ чтобъ сократить властолюбiе тѣхъ кои вдругъ

желали возвыситься на первые степени Республики, и при томъ унизить власть Народныхъ Трибуновъ, которыхъ онъ всегда былъ жестокой гонитель. Онъ предписалъ первымъ своимъ Закономъ, чтобъ никто не производился въ Чинъ Претора, не бывъ прежде Квесторомъ, и чтобъ никто Гражданинъ не могъ вступать въ Консульство не бывъ прежде Преторомъ, ниже получать въ другой разъ тотъ же Чинъ, ранѣе десяти лѣтъ по прошествіи отъ перьваго. Вторымъ своимъ Закономъ, онъ исключилъ всѣхъ кои будутъ отправлять Трибунство Народное, отъ всякаго другаго Начальства послѣ онаго; а тѣмъ вовсе унизилъ сіе Достоинство, самое сильное подъ Диктаторствомъ, и самое важное въ Республикѣ.

Онъ заставилъ принять сіи Законы въ Собраніяхъ Римскаго Народа. Всѣ объявили свои голоса къ принятію оныхъ; никто не смѣлъ быть

 про-

противнаго мнѣнія Диктатору; и примѣръ Лукреція Офеллы доказалъ, сколь пагубно было тогда противорѣчить или не соглашаться съ сильнымъ Начальникомъ. Лукреций былъ одинъ изъ подручныхъ Полководцевъ Силлиныхъ, и показалъ ему весьма важные услуги. То былъ онъ который осадилъ и взялъ Пренестъ, и принудилъ молодаго Марія къ нещастной необходимости убить себя въ подземномъ проходѣ. Сей Чиновникъ требовалъ Консульства, хотя онъ и не былъ еще Преторомъ. Силла, приказалъ ему сказать, чтобъ онъ отсталъ отъ своихъ требований, по колику они противны новымъ Законамъ имъ уставленнымъ. Лукреций, возмнѣвая на свои услуги, не думалъ чтобъ сіи Законы могли воздерживать наряду съ другими подручнаго Полководца Силлина. И какъ онъ имѣлъ великое число согласниковъ въ Народѣ, то въ день Собранія не преминулъ представить себя въ

число Кандидатовъ. Силла, раздраженъ его непослушаніемъ, приказалъ сотъ часъ его заколоть одному Сотнику. Народъ, не вѣдая причины сего убивства, схватилъ Сотника, и повлекъ его передъ Диктатора для учиненія ему наказанія. Силла, повелѣлъ его оставить въ свободѣ, и обратясь къ людству: „Вѣдайте, Римляне, говорилъ онъ имъ, что я „самъ приказалъ убить сего человѣка, которой явился мнѣ преслушенъ, „и что равнымъ образомъ поступлено будетъ со всѣми кои предпримутъ нарушать мои Законы и мои „Определеніи.„ Народъ разошелся по домамъ въ жестокой прискорбности, видя себя подсудна толь Тиранскому властительству.

Однако сей человѣкъ, которой похитилъ себѣ Самодержавную власть, и которой, для приобрѣтенія оной, вдавался въ разные опасности и сраженіи, вдругъ вознамѣрился сложить съ себя свое Достоинство. Силла,

 погу-

погубивъ во время междоусобной брани болѣ ста тысячь Согражданъ своихъ, умертвивъ девяносто Сенаторовъ, изъ коихъ пятнатцать прежде были въ Консульскомъ Достоинствѣ, и болѣ двухъ тысячь шести сотъ Рыцарей, сей человѣкъ, говорю я, котораго мщеніе было владычествующею въ немъ страстью, насытившись рѣками проліянной имъ крови, осмѣлился отрещись по томъ отъ Высочайшаго своего властительства. Онъ сложилъ съ себя Диктаторство, и включилъ себя самъ собою въ Чинъ простаго Гражданина, не боясь мщенія отъ остатковъ знаменитыхъ Домовъ, въ коихъ самыхъ главныхъ онъ погубилъ своими жестокими прописаніями. Сказываютъ еще, что онъ, сложа съ себя Диктаторство, вызывался громко посреди сборища, что онъ готовъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Въ тожъ время онъ распустилъ своихъ Ликторовъ, разпустилъ такъ же воиновъ его особу

бу охраняющихъ, и прохаживался еще нѣсколько времяни на площади съ нѣкоторыми своими друзьями, и передъ толпою Народа, которой въ удивленіи почиталъ сію неожидаемую перемѣну чудомъ. На вечеръ онъ возвратился въ свой домъ, одинъ, какъ простой человѣкъ, и никто изъ толь великаго числа его неприятелей не осмѣлился нарушить къ нему почтенія. Во всемъ Городѣ сыскался одинъ только молодой смѣльчакъ который поносилъ его передъ Народомъ, и провожая въ слѣдъ ругалъ его до самаго дома. Силла, не удостоивъ на то отвѣтствовать, сказалъ только къ другимъ, что дерзость сего молодаго человѣка будетъ причиною, когда другой по немъ, достигнувъ на толь великую степень власти, не такъ легко оставитъ оную какъ онъ оставилъ. Большая часть Римлянъ почитали толь неожидаемое отреченіе самымъ прямымъ изъявленіемъ великаго духа. Забыты были его

 мщеніи

мщенїи и толь многїе убїйствы, за то только что онъ возвратилъ свободу своему Отечеству.

Неприятели же его напротиву приписывали толь великую перемѣну сомнительному съ природы его разуму, и безпрестанному страху въ которомъ онъ былъ, чтобъ кто ни будь не выискался изъ Римлянъ, которой вдругъ лишилъ бы его и власти и жизни. Какъ бы то ни было, Силла, бывъ язвою человѣчества, умеръ спокойно въ своей постелѣ, какъ самой мирной Гражданинъ Республики. Онъ сочинилъ самъ свою Епитафїю за нѣсколько дней передъ смертью, въ которой справедливо описалъ свойство своего духа, то есть что, *ни кто никогда не превзошелъ его ни въ благодѣянїи друзьямъ, ни въ мщенїи неприятелямъ.* Отреченїе его отъ Диктаторства даетъ видѣть, что Начальство и властолюбїе не было главною его страстью, но что онъ для того искалъ властительства,

чтобъ

чтобъ отмстить удобнѣе своимъ непріятелямъ. Однако таковой примѣръ отъ простаго Гражданина, которой могъ надъ всѣми владычествовать и утвердить власть свою, далъ разумѣть его послѣдователямъ что Римской Народъ могъ терпѣть надъ собою и надъ вольностью Властителя; а сїе подало причину къ новымъ перемѣнамъ въ Римѣ.

Едва Силла затворилъ глаза, какъ Маркъ Емилїй Лепидъ, первый Консулъ, восхотѣлъ по его примѣру содѣлаться самовластнымъ въ Правленїи. Но для исполненїя толь великаго предпрїятїя, онъ имѣлъ болѣ на себя надежды, нежели силы и способовъ. Онъ не былъ уважаемъ въ войскѣ, былъ болѣ искусной политикъ нежели воинъ, умѣлъ скрывать и притворяться, и низостью поступокъ между людьми возвысился. Хотя онъ обьявилъ себя сообщникомъ къ сторонѣ Благородныхъ, которая казалась ему сильнѣе, или лучше сказать,

зать, хотя онъ угождалъ самовластію Силлину, однако Диктаторъ, примѣтивъ его свойство и мало на него полагаясь, не хотѣлъ никогда согласиться чтобъ онъ возведенъ былъ въ Консульство. Но когда онъ сложилъ съ себя Диктаторство, то Помпей, имѣя главную силу въ дѣлахъ, и вознадѣясь на притворную преданность къ нему Лепидову, содѣйствовалъ явно въ его избраніи. Въ день
675 годъ. Комицій онъ заставилъ его назвать первымъ Консуломъ, предпочтительно совмѣстнику его Квинтію Катулу, сыну того Катула бывшаго въ Консульскомъ Достоинствѣ который умерщвленъ по повелѣнію Маріеву.

Сказываютъ что увидя Помпея возвратившагося отъ Собранія въ радости что Лепидъ былъ избранъ, ибо Помпей почиталъ его благодарнымъ къ себѣ человѣкомъ, и въ большей радости что онъ заставилъ предпочесть его Катулу, Силла громко вскричалъ ему: „Не стыдно ли тебѣ,

„мо-

„молодой человѣкъ, радоваться из-
„бранію въ первые Консулы тако-
„ва человѣка каковъ Лепидъ, въ о-
„биду Катулу одному изъ лучшихъ
„Гражданъ нашихъ?„ Онъ сказалъ ему
потомъ, что онъ найдетъ въ Лепи-
дѣ весьма слабаго друга и невѣрнаго,
который можетъ содѣлаться ему о-
паснымъ неприятелемъ въ послѣдствіи,
естьли найдетъ въ томъ свою вы-
году.

Поступокъ Лепидовъ доказалъ, что прямое его свойство извѣстно было Силлѣ, хотя онъ скрывался въ томъ передъ Свѣтомъ. Едва онъ вступилъ въ Консульство, какъ примѣчено было что онъ искалъ, чрезъ новые раздоры въ обществѣ, захватить себѣ по его примѣру Самодержавную мочь, и похитить то же Властительство.

Показано было не единожды въ теченіи сей Исторіи, что иногда польза Народная, иногда польза Сената служили наружнымъ видомъ

Вел-

Вельможамъ римскимъ къ удовольствованію ихъ властолюбія. Оба сіи пути отверсты были Лепиду. Правда что соглашаясь съ обстоятельствами въ Республикѣ, онъ присталъ сперва къ сторонѣ Вельможества, какъ было сказано; но сіи обязательствы не были сильны для воздержанія его властолюбія. И какъ въ протчемъ онъ видѣлъ Предводителями сего Общества Помпея, Метелла, Красса и самаго Катула своего Товарища, кои имѣли передъ нимъ болѣ силы и довѣренности, то онъ мнилъ что онъ найдетъ бо́льшее число согласниковъ, естьли пристанетъ къ Обществу Маріеву, въ которомъ большая часть Предводителей погибли междоусобною бранью, и которое сохранялось однако въ древней ненависти Народа къ Вельможеству.

И такъ, для возстановленія сего послѣдняго Общества, онъ предложилъ уничтожить часть Законовъ Силлиныхъ. Катулъ, Товарищь его

въ

въ Консульствѣ, воспротивился тому съ великою твердостью. Народъ раздѣлился къ одному и къ другому Консулу. Лепидъ, для усиленія своего Общества, и чтобъ заставить Италійскіе Народы взять его сторону, приказалъ имъ сказать что онъ намѣренъ включить ихъ въ тритцать пять древнихъ Трибовъ, и возвратить имъ земли, кои Диктаторъ у нихъ отнялъ для награжденія своихъ воиновъ. Сіе Объявленіе весьма умножило число его согласниковъ. Римъ готовъ былъ опять воевать междоусобно; но Сенатъ явилъ въ семъ случаѣ власть свою, и взялъ отъ обоихъ Консуловъ клятвенное обѣщаніе что, во время ихъ Консульства, они не примутъ оружія другъ противу друга.

Лепидъ, по окончаніи года и своей должности, мнилъ быть освобожденъ отъ клятвы. Ему отдано было, при концѣ его Консульства, Правительство Сизъ-Алпинской Галліи. Онъ

тотъ

тотъ часъ набралъ тамъ войско, и подговорилъ на свою сторону Брута и Перпену кои оба были Преторы и оба имѣли въ своихъ повелѣнiяхъ знатные войски, стоявшiе въ полѣ подъ Моденою. Лепидъ, подкрѣпленъ сею помощью, и не видя никакова войска въ Италiи, которое бы могло ему противиться, пошелъ прямо къ Риму, уповая содѣлаться вторымъ Силлою, какъ скоро возможетъ овладѣть Городомъ. Сенатъ, увѣдомленъ о его приближенiи и его намѣренiяхъ, употребилъ свою возможность для не допущенiя его въ Городъ. Немедлѣнно набраны Легiоны. Катулъ, коему они въ предводительство поручены были, сталъ въ полѣ за воротами Рима. Лепидъ, чтобъ умножить людей въ войскѣ, приказалъ подбрасывать въ Римѣ письма, въ которыхъ онъ подговаривалъ Народъ и Марiевыхъ сообщниковъ притти къ нему въ соединенiе. Но какъ никто не надѣялся ни на его искуство, ни

ніи на его храбрость, и Народъ не хотѣлъ слышать о вмѣщеніи Италійскихъ разныхъ жителей въ старые Трибы: то никто не слушалъ его писемъ. Между тѣмъ Лепидъ не могъ уже отступить отъ своего предпріятія, и вскорѣ произведено было сраженіе. Катулъ, съ Легіонами и со всѣмъ знатнымъ совокупленіемъ Благородныхъ людей въ Римѣ, пустился на него толь жестоко, что по недолгомъ отъ непріятеля сопротивленіи, порубилъ нещадно часть его войска; остатокъ же принудилъ обратиться въ бѣгство. Лепидъ, отчаянъ сею неудачею, скитавшись нѣсколько времяни подъ чужимъ имянемъ по разнымъ мѣстамъ Италіи, ушелъ напослѣдокъ въ Сардинской Островъ, гдѣ онъ имѣлъ нѣкоторыхъ сообщниковъ. Перпена, одинъ изъ его Чиновниковъ, явился къ нему туда въ соединеніе съ остаткомъ его войска. Множество сообщниковъ Маріевыхъ къ нему еще пристали.

Онъ началъ вновь набирать воиновъ; сила его возросла нечувствительно, и не въ долгомъ времяни онъ сталъ быть предводителемъ новаго войска. Онъ намѣренъ былъ открыть войну въ Сициліи, гдѣ онъ имѣлъ тайные переписки. Но мало времяни спустя извѣстно стало что онъ умеръ съ печали, подловя нѣкоторое письмо, которое ясно ему показало невѣрность жены его. Смерть его разсыпала его Общество. Брутъ не былъ его благополучнѣе. Сей Полководецъ, видя невозможность пройти въ Сицилію и соединиться съ Лепидомъ, затворился въ Моденѣ, съ нѣкоторымъ войскомъ коимъ онъ предводительствовалъ, не въ томъ конечно намѣреніи чтобъ продолжать войну, но чтобъ имѣть время для произведенія мирныхъ договоровъ, и улучшить свое состояніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда Помпей получилъ повелѣніе осадить его тамо, то какъ скоро онъ подступилъ подъ Городъ, Брутъ отворилъ

ворилЪ ему ворота, и вЪ договорахЪ требовалЪ только чтобЪ ему позволено было выйти вЪ безопасности вЪ нѣкоторой малой ГородокЪ, лежащїй на берегу рѣки По. Помпей на то согласился, и писалЪ вЪ СенатЪ что скорое повиновенїе Брутово содѣлало конецЪ военнымЪ дѣйствїямЪ. Между тѣмЪ, вЪ преступленїе Трактата и своего слова, мало дней спустя, онЪ послалЪ заколоть его вЪ помянутомЪ маломЪ Городкѣ, который онЪ избралЪ себѣ убѣжищемЪ: можетЪ быть провѣдавЪ что онЪ производилЪ еще тайные сообщенїи сЪ ЛепидомЪ, или для того только что сей молодой ПолководецЪ, возрощенный вЪ жестокосердыхЪ правилахЪ СиллиныхЪ, почиталЪ нужною предосторожностью не оставлять жизни ни одному Предводителю непрїятельскаго Общества. Перпена, по смерти сихЪ двухЪ НачальниковЪ, собралЪ разсѣянные остатки ихЪ вооруженїя, и нашедЪ у себя вЪ предводительствѣ пятде-

 сятЪ

сятъ три Когорта, пошелъ съ ними въ Гишпанію. Онъ вознамѣрился тамъ установившись производить войну отъ своего имени, и не завися ни отъ каковаго Начальника, по примѣру Серторія, весьма славнаго Полководца, которой поддерживалъ еще Общещество Маріево въ Лузитаніи.

Силла поручилъ Правленіе сихъ великихъ Провинцій Метеллу своему подручному Полководцу. Сенатъ, боясь чтобъ онъ не былъ малосиленъ противу помянутыхъ двухъ Предводителей естьли они соединятся, послалъ на помощь къ нему Помпея съ новымъ войскомъ. Помпей, на вѣрность котораго Сенатъ надѣялся, и которой по смерти Силлиной почитался перьвымъ Полководцемъ Республики, немедлѣнно слѣдовалъ въ свой путь, и велъ съ собою тѣ самые войски кои не однажды побѣждали войски Маріевы. Воины Перпенины, не надѣясь на способность своего Повелителя и услышавъ о приближеніи къ нимъ

Пом-

Помпеевомъ, взяли оружїе, подняли знамена, и не спросясь у Перпены кричали ему, что должно итти въ соединенїе къ Серторїю; что имъ надобенъ Предводитель толь искусной каковъ онъ, и что естьли имъ отказано будетъ вести ихъ къ Серторїю, то они сами найдутъ дорогу и понесутъ къ нему свои знамена.

Перпена чувствительно былъ оскорбленъ симъ общимъ отъ него отступленїемъ; но не находя инаго для себя спасенїя какъ между творцами бунта, принужденъ былъ за ними слѣдовать. Онъ противу воли пришелъ въ станъ къ Серторїю, и изъ полновластнаго и независимаго Полководца, разжалованъ былъ собственными своими воинами, въ званїе подвластнаго Чиновника.

Соединенїе Помпеево съ Метелломъ, и другое Перпенино съ Серторїемъ, дали важность войнѣ вновь начинаемой. Серторїй, искусной и предпрїимчивой Полководецъ имѣлъ по-

почти всегда верьхъ въ сраженіи, особливо надъ Помпеемъ, который, желая отличиться и одинъ собою приобрѣсть себѣ славу, дѣйствовалъ всегда отдѣленно отъ Метелла. Сей молодой Полководецъ, при всей великой славѣ своей въ Римѣ, имѣлъ оскорбленіе видѣть что въ глазахъ его взятъ былъ и сожженъ Городъ Лавронъ осажденный Серторіемъ, и которому тщетно онъ вспомоществовать покушался.

Сказываютъ что онъ слѣдуя весьма далеко, и не опасаясь неприятеля какъ только съ переди осадившаго Городъ, увидѣлъ на ближнихъ высотахъ войски набранные изъ Горскихъ жителей, кои вдругъ тамъ появились, и учиняя разъѣзды въ низу по полю, не давали ему ни разпространиться ни промышлять вещей для прокормленія. Такъ что, подступя для освобожденія Города изъ осады, онъ находился самъ подобно какъ въ осажденіи, окруженъ помянутыми

раз-

разными разъѣздами, кои пресѣкали ему путь оттуда выйти. Серторій, давъ примѣтить главнымъ своимъ Чиновникамъ, разположеніе своего стана, и разные мѣста кои заняты были его войсками, выговорилъ къ тому съ презрѣніемъ о Помпеѣ, что сей школьникъ Силлинъ не выучилъ еще ремесла своего, и что онъ скоро узнаетъ что Предводитель войска долженъ смотрѣть болѣ на задъ нежели на передъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Помпей, боясь чтобъ Серторіевы войски на высотахъ стоявшіе еще умножившись не воспрепятствовали ему обратной путь, взялъ мѣры отступить на задъ за благовременно, и долженъ былъ оставить надежду вспомоществовать осажденному Городу. Серторій взялъ оный силою оружія; и хотя онъ не былъ жестокосердъ, но почиталъ необходимостью сжечь Городъ, чтобъ дать страхъ другимъ Гишпанскимъ Крѣпостямъ, и заставить ихъ воз-

чувствовать, что Помпеево покровительство не можетъ ихъ спасти отъ его силы и мщенія.

Помпей, видя въ прискорбности сожженной Городъ за то что онъ шелъ его защитить, изыскивалъ всевозможные случаи сдѣлать возмездіе неприятелю. Онъ мнилъ что нашелъ уже способной случай подъ Сукрономъ Городомъ; и хотя Метеллъ находился въ близости, онъ вознадѣялся на свои силы одинъ разбить безъ Метелловой помощи. Онъ сразился съ неприятелемъ на ровномъ полѣ; но Серторій, имѣя Гишпанскую Конницу въ превосходствѣ предъ Римскою, ударилъ на него толь жестоко, что разстроенная Италійская Конница привела въ замѣшательство и Пѣхоту. Помпей самъ едва не впалъ въ руки неприятелей, и войско его было бы совершенно разбито, естьли бы Метеллъ не подоспѣлъ къ нему на помощь. Серторій, увидя приближающіяся Легіоны сего стараго Полковод-

ководца, отступилъ къ своему стану, и сказалъ шуточно своимъ Чиновникамъ, говоря объ Метеллѣ, что *естьлибъ сѣдая борода не выручила молодаго дитяти изъ рукъ его, то онъ отослалъ бы его въ Римъ къ роднѣ, поучивъ его такъ какъ онъ заслуживалъ.*

Помпей, уже не столь гордъ своею славою, и содѣлавшись благоразумнымъ отъ бывшаго съ нимъ нещастія, увидѣлъ самъ что онъ не могъ отстать отъ Метелла не подвергая себя опасности. Они соединили свои войски; но не взирая на сіе соединеніе которое дѣлало ихъ силы превосходными, они не могли спастись отъ новыхъ уроновъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они станъ свой имѣли. Они стояли противу такого неприятеля которой приходилъ разбивать ихъ и днемъ и ночью. Войски его, состоящіе большою частью изъ Гишпанцовъ и Горскихъ жителей, скорыхъ и проворныхъ, производили без-

престанные нападенiи, и уходили съ несказанною поворотливостью, такъ что Римскiе воины, тяжело вооруженные и обыкшiе сражаться на одномъ мѣстѣ, ни какъ не могли ихъ постигнуть. Онъ одинъ предводительствовалъ во всѣхъ предприятiяхъ. Казалось что будто было въ войскѣ много Серторiевъ. Двое Римскiе Полководцы встрѣчали его всюду и во всѣхъ производимыхъ нападенiяхъ. Естьли онъ бралъ верьхъ надъ ними, то гналъ неприятелей не давая имъ времяни исправиться; когда же твердость неприятеля надъ нимъ превозмогала и онъ боялся быть окруженъ отъ онаго, то воины его приобучены были по сторонамъ разбѣгаться. Они укрывались по горамъ и по камнямъ, и при малѣйшемъ знакѣ отъ Повелителя, паки совокуплялись къ нему во едино; и тогда онъ съ другой стороны производилъ нападенiе. Можно было думать что то были новые войски и новые силы,

лы, кои находились готовы производить другое сраженіе. Симъ образомъ военодѣйствія, при способномъ положеніи мѣстъ, онъ не давалъ никогда отдыхать какъ непріятелямъ такъ и собственнымъ своимъ войскамъ.

Слава его, и безпрестанные выигрыши, кои онъ вседневно одерживалъ надъ двумя славнѣйшими Римскими Полководцами, промчали слухъ даже въ Азію. Сказано уже было что Митридатъ, въ притѣсненіи отъ Силлы, принужденъ былъ для испрошенія мира, слѣдовать закону побѣдителя, и согласиться на всѣ договоры кои отъ него ему были предписаны; и что Силла оставилъ тогда продолженіе побѣдъ своихъ для того только, чтобъ обратить свое оружіе противу Марія и другихъ непріятелей его особы.

Митридатъ, усмотрѣлъ по смерти Силлиной и во время междоусобныхъ браней колеблющихъ Республику,

лику, что сей случай ему полезенъ былъ къ возобновленію рати. Онъ собралъ сильное войско; и чтобъ поджечь болѣ междоусобную войну способствующую его намѣреніямъ, послалъ предложить Серторію о соединеніи силъ ихъ. Посланные его представили знатные суммы денегъ на соедержаніе войны, и флотъ въ готовности для его повелѣній, съ договоромъ чтобъ дозволено было сему Государю отобрать къ себѣ назадъ Азіатскіе Провинціи, коихъ нещастьемъ онъ принужденъ былъ лишиться, чрезъ Трактатъ заключенный съ Силлою.

Серторій собралъ совѣтъ для разсужденія. Всѣ, кои призваны были въ сей совѣтъ, не стали долго разсуждать объ ономъ, и представили ему, что толь знатная и толь нужная помощь деньгами и флотомъ, стоютъ ему только объявить пустое согласіе, и требуемое для таковаго предпріятія въ успѣхѣ котораго Митридатъ еще не былъ властенъ.

стенъ. Но Серторій съ величествомъ духа достойнымъ прямаго Римлянина объявилъ, что онъ не вступитъ никогда ни въ какой Трактатъ противной славѣ или пользѣ своего Отечества; и что онъ не желаетъ получать побѣдъ надъ самыми собственными своими неприятелями, кромѣ какъ приобрѣтать ихъ позволенными и сходными съ честью средствами. По томъ, приказавъ допустить къ себѣ Пословъ Митридатовыхъ, изъяснилъ имъ что онъ дозволяетъ чтобъ Царь ихъ Самодержецъ взялъ назадъ Виѳинію и Кападдокію, по колику Римляне не имѣли ни каковаго права на сіи Провинціи; но что онъ никогда не согласится чтобъ Митридатъ вступилъ во владѣніе малой Азіи, которая принадлежитъ Республикѣ, и отъ которой онъ отказался Трактатомъ общепостановленнымъ. Онъ отправилъ назадъ Министровъ съ симъ отвѣтомъ. Сказываютъ что Митридатъ получа оной

обра-

обратился въ удивленіи къ нѣкоторымъ изъ своихъ придворныхъ и сказалъ имъ: „Чтобъ еще не повелѣлъ „намъ сей Римлянинъ, естьлибъ на„ходился въ Римѣ, когда только съ „береговъ Атлантическаго моря, гдѣ „онъ притѣсненъ, смѣетъ предписы„вать границы нашей Области!„

Однако сей Государь, возчувствуя сколь полезно для него было поддерживать междоусобную войну, послѣ заключилъ Трактатъ, и на самыхъ тѣхъ Договорахъ, какіе предписалъ ему Серторій. Понтійской Царь далъ ему триста талантовъ и сорокъ кораблей: а Серторій отправилъ къ Понтійскому Царю нѣкоторое войско подъ предводительствомъ Марія Варія, одного изъ тѣхъ Сенаторовъ кои прописаны были на смерть Силлою, и кои нашли свое убѣжище у Серторія.

Сей Сенаторъ, вступя въ Азію, заставилъ почитать силу и власть своего Полководца, во всѣхъ мѣстахъ

гдѣ только употреблялъ свое оружїе. И такъ какъ бы онъ былъ уполномоченъ Сенатомъ и Народомъ Римскимъ, освободилъ, его именемъ, большую часть Городовъ отъ тяжкихъ подашей, кои возложены были на нихъ Силлою. Толь умѣренной и искусной поступокъ, заставилъ Городскихъ жителей отворять ему ворота, прежде нежели онъ употреблялъ къ тому оружїе, и едино имя Серторїево производило болѣ побѣдъ, нежели всѣ силы Митридатовы.

Но сей великой Полководецъ, избѣгнувшїй ото всѣхъ военныхъ гибелей, прекратилъ жизнь свою измѣною отъ самыхъ Римлянъ бывшихъ въ его согласїи. Перпена, злобствуя противу его за то что онъ захватилъ власть надъ его собственными войсками, и надѣясь заступить Серторїево мѣсто по его умерщвленїи, произвелъ заговоръ на жизнь его. Онъ подговорилъ къ себѣ множество Чиновниковъ, подъ тѣмъ видомъ что

Сер-

Серторій будто бы презиралъ Римлянъ и всю свою довѣренность вручалъ Гишпанцамъ. Согласники въ заговорѣ умертвили его при нѣкоторомъ Праздникѣ. Перпена принялъ по томъ главноповелительство надъ войскомъ; но онъ не имѣлъ ни способности своего Предмѣстника, ни довѣренности отъ воиновъ, кои почитали измѣну его мерзостною. Метеллъ и Помпей были тогда въ необходимости стоять раздѣленными силами, чтобъ лучше было возможно промышлять содержаніе для многочисленности ихъ Конницы. Помпей перьвый увѣдомленъ былъ о смерти Серторіевой, и о разположеніи разумовъ въ неприятельскомъ войскѣ. Онъ подступилъ тотъ часъ къ стану Перпенину. Часть воиновъ сего новаго Полководца его оставили; протчіе же при нападеніи на нихъ произвели слабое защищеніе; всѣ тогда бѣжали въ стороны. Перпена въ сей неудачѣ мыслилъ только о своемъ

спа-

спасенїи и искалъ убѣжища. Онъ найденъ былъ въ кустарникѣ. Помпей приказалъ отрубить ему тотъ часъ голову, и его смертью Гишпанская война была кончена.

Помпей привелъ обратно побѣдоносное свое войско въ Италїю. Спартакъ Гладїаторъ завелъ тамъ опасную войну. Сей Гладїаторъ, человѣкъ отважный, ушелъ изъ Города Капу, гдѣ онъ былъ содержанъ съ семидесятью своими товарищами. Онъ уговорилъ ихъ по томъ лучше умереть защищая свою вольность, нежели оставаться на позоръ безчеловѣчности ихъ Патроновъ. Великое множество бѣглыхъ невольниковъ къ нему присоединились. Самовольная при немъ жизнь и надежда добычи привлекли къ нему толпу мѣлкаго народа изъ окрестностей. Такимъ образомъ онъ вскорѣ содѣлался Предводителемъ знатнаго войска. Сенатъ, не уважая Спартакова ополченїя, послалъ сперьва противу его Варинїя 680 годъ

Глабера, и Приска Валерія, кои оба были Преторы. Имъ дано было самое малое число войска, по колику почитаемо было за стыдъ отправлять Легіоны противу невольниковъ и плутовъ, коихъ едино присудствіе Правителя въ страхъ привести долженствовало. Спартакъ порубилъ на
681 части войски кои противу его бы-
годъ ли высланы. Сей уронъ, хотя отъ малаго числа инаго ожидать было не должно, заставилъ Сенатъ удивиться и прямо озлобиться. Дѣло тогда показалось важнѣе, нежели какъ думано было о томъ въ началѣ, и Консулы имѣли повелѣніе выступить въ поле, каждый съ довольно знатнымъ числомъ войска. Консулы, не воображая себѣ чтобъ невольники и бѣглецы смѣли противу стоять Легіонамъ, пошли небрежно противу неприятелей, коихъ они весьма мало уважали. Спартакъ воспользовался ихъ небрежностью. Онъ разположилъ свой станъ и выбралъ

мѣсто

мѣсто сраженія такъ какъ бы надлежало великому Полководцу. А предводительствуемые имъ его товарищи вступили въ бой съ такою храбростью, что Римскіе воины, хотя шли съ упованіемъ побѣдить, но встрѣтивъ неожидаемое сопротивленіе отъ неприятеля, разсыпались и въ бѣгъ устремились. Консулы собрали разсыпанныхъ воиновъ, и вступили вторично въ сраженіе возлѣ Писена, однако не были щастливѣе прежняго. Римляне паки обращены были въ бѣгство; и одно только измѣнническое согласіе съ неприятелями могло нѣкоторымъ образомъ оправдать толь чрезвычайную въ нихъ трусость.

Побѣды же надъ Римлянами привлекли безчисленное множество Народа подъ знамена Спартаковы; и сей Гладіаторъ находилъ въ своемъ повелѣніи до ста двадцати тысячь человѣкъ, воровъ, бродягъ, невольниковъ, бѣглецовъ, кои всѣ имѣя ди-

кую и безчеловѣчную свирѣпость рубили и жгли что имъ ни встрѣчалось, и видимо всюду было въ семъ смятеніи едино только необузданное самовольство и не наказанность злодѣяній. Уже около трехъ лѣтъ продолжалась сія домашняя война въ Италіи, толь постыдно какъ и неудачно для Республики, когда Се-
682 натъ опредѣлилъ вручить предводи-
годъ тельство войны оной Лицинію Крассу, изъ перьвыхъ Полководцевъ Общества Силлина, и который много участвовалъ въ его побѣдахъ. Жребій побѣды перемѣнился въ рукахъ толь искуснаго Предводителя. Крассъ умѣлъ вести войну, и велъ оную щастливо. Онъ въ началѣ возставилъ военной порядокъ въ войскахъ, и приказалъ казнить десятаго изъ тѣхъ кои позорнымъ образомъ бѣжали отъ неприятеля въ послѣднихъ сраженіяхъ. Сія нужная въ войнѣ строгость привела въ страхъ и собственныхъ его воиновъ и неприятелей.

лей. Римляне увидѣли что подъ симъ Предводителемъ надлежало побѣдить или умереть; и какъ Корпусъ состоящїй изъ десяти тысячь человѣкъ сихъ мятежниковъ отдалился нѣсколько отъ своего войска для промысла сѣна, то онъ напалъ на оный сильнымъ пораженїемъ и посѣкъ ихъ наголову.

Онъ разбилъ по томъ въ главномъ сраженїи и цѣлое ихъ войско, а тѣмъ одержалъ совершенную побѣду надъ непрiятелемъ. Спартакъ, влача остатки отъ своего разбитїя, хотѣлъ пробраться къ морскому берегу, чтобъ уплыть въ Сицилїю, гдѣ великое число невольниковъ подавало ему надежду поправить свои силы. Но Крассъ успѣлъ его предупредить, воспрепятствовалъ ему путь къ морю, и заперъ его вокругъ въ собственномъ его станѣ. Спартакъ, въ отчаянїи спасти себя, вознамѣрился испытать еще судьбу оружїя. Онъ построилъ свое войско въ

боевой порядокъ, съ наивозможнымъ искусствомъ великаго Полководца: не доставало только законнаго къ тому повода. Сказываютъ, когда подведенъ былъ къ нему конь, не много прежде начатія боя, то онъ выхватя мечь убилъ сего коня, и обратясь къ своимъ воинамъ: „Естьли „я побѣдитель буду, сказалъ имъ, „тогда и самъ найду себѣ коня; „естьли же мы побѣждены будемъ, „то я не желаю въ бѣгствѣ искать „моего спасенія„ Онъ повелъ по томъ свою Пѣхоту на неприятеля. Сіи люди,ободрены примѣромъ своего Полководца, сражались съ отчаяннымъ устремленіемъ. Побѣда долго колебалась на обѣ стороны: на конецъ мужество Легіоновъ превозмогло надъ отчаянными воинами. Сіи разбойники нещадно были порублены. Спартакъ, будучи раненъ копьемъ въ стегно, защищался еще долгое время стоя на колѣняхъ, держа въ одной рукѣ щитъ и рубясь мечемъ другою.

гою. Напослѣдокъ, въ изнеможенiи отъ многихъ данныхъ ему ранъ, упалъ на кучу и римлянъ имъ убитыхъ и своихъ собственныхъ воиновъ къ ногамъ его поверженныхъ, кои защищали своего Полководца. Тѣ кои могли убѣжать отъ меча побѣдителей, скрылись по горамъ и послѣ вновь совокупились. Помпей, возвращаясь изъ Гишпанiи, встрѣтилъ ихъ, и разбилъ безъ великаго труда толпу сихъ шатающихся воиновъ безъ Начальника и безъ пристанища. Однако чтобъ отнять у Красса славу и увеличить тѣмъ свою собственную, онъ не устыдился написать въ Сенатъ, что Крассъ въ началѣ разбилъ Спартака: „Но я, продолжалъ „онъ въ своемъ письмѣ, пресѣкъ вой„ны сей самой корень, и нынѣ толь„ко истребилъ послѣднихъ изъ сихъ „разбойниковъ„ Крассъ почелъ себя крайне обиженнымъ содержанiемъ письма Помпеева, который отъемля у него честь пресѣченiя помянутой вой-

ны, казалось будто велЪ кЪ тому чтобЪ лишить его трїумфа. Но какЪ онЪ искалЪ тогда себѣ Консульскаго Достоинства, и Помпей имѣлЪ главную силу вЪ Римѣ, то онЪ скрылЪ сїю явную обиду совершеннымЪ молчанїемЪ, подЪ которымЪ таилось его мщенїе. Помпей званЪ былЪ самЪ кЪ Консульству прошенїями всего Римскаго Народа. КрассЪ, опасаясь чтобЪ онЪ не уничтожилЪ его исканїя, просилЪ его чрезЪ посредничество общихЪ между ими друзей, чтобЪ онЪ вошелЪ сЪ нимЪ вЪ согласїе для общаго ихЪ возведенїя, и чтобЪ онЪ благоволилЪ принять его вЪ Товарищи на сїю высокую степень Достоинства. Помпей, радуясь что КрассЪ принужденЪ былЪ искать вЪ немЪ милости, всенародно сказалЪ, что онЪ почтетЪ себя друзьямЪ своимЪ обязаннымЪ равно за избранїе Крас-
683 сово какЪ и за свое собственное. Двое
годЪ. соединенные искатели склонили всѣ голоса вЪ свою пользу. КрассЪ, какЪ

онЪ

онъ уже по Законамъ Силлинымъ находился прежде въ Чинѣ Преторскомъ, избранъ въ Консулы: а въ то же Достоинство возведенъ былъ и Помпей, хотя онъ былъ только простой рыцарь, не былъ прежде ниже въ Чинѣ Квестора, и не имѣлъ еще тритцати четырехъ лѣтъ отъ роду. Но его великая слава и отличность побѣдъ его прикрывали сіи недостатки противные Законоположенію. Никто не мнилъ чтобъ Гражданинъ почтенный тріумфомъ прежде двадцати четырехъ лѣтъ, и прежде еще вступленія своего въ Сенатъ, могъ быть подверженъ обыкновеннымъ предписаніямъ.

Не въ семъ только единомъ случаѣ добрая слава или угожденіе отъ Согражданъ его, а иногда и собственное его властолюбіе, поставляли его выше законныхъ предѣловъ. Былъ обычай въ республикѣ что побѣдоносный Полководецъ, требующій по чести Тріумфа, не долженствовалъ входить въ

Городѣ прежде полученія сей почести. Равнымъ Законнымъ образомъ каждой Гражданинъ ищущій Консульскаго Достоинства долженствовалъ быть въ Городѣ для испрошенія своею особою сего Достоинства. Казалось что Помпей и Крассъ отреклись тогда отъ Тріумфа, вступя въ Римъ для испрошенія себѣ Консульства Но по избраніи ихъ видимо было съ удивленіемъ что они еще требовали Тріумфа, какъ будто бы находились каждый при своемъ войскѣ. До того времяни они дѣйствовали въ Народѣ по согласію. Когда же требованіе Тріумфа стало быть подвержено затрудненіямъ, и къ тому они понуждаемы были разпустить по домамъ войски, кои какъ тотъ такъ и другой они содержали передъ воротами Рима: то Крассъ, не имѣя болѣ прежняго уваженія къ особѣ Помпеевой со времяни своего Консульства, представлялъ, что Товарищь его, кончивъ Гишпанскую войну, перьвый долженъ-

женствовалъ разпустить свое войско. Помпей съ своей стороны, оскорбляясь тѣмъ что Крассъ мнилъ его принудить оставить прежде себя оружїе, спорилъ говоря, что онъ ожидалъ будто бы Метелла, который долженствовалъ получить Трїумфъ съ нимъ вмѣстѣ. Сїи разногласные требованїя открыли между ими явное другъ противъ друга озлобленїе. Помпей не могъ терпѣть чтобъ Крассъ, котораго онъ почиталъ далеко ниже себя въ предводительствѣ войска, и который достигъ къ Консульству единственно чрезъ его старанїе, осмѣливался вступать съ нимъ въ единоравенство. Крассъ же, будучи самый богатый человѣкъ въ республикѣ, почиталъ свои сокровищи перьвыми побѣдами, и не хотѣлъ покориться такому человѣку, который въ сравненїи съ нимъ былъ скуденъ деньгами. Между сими спорами люди легко могли разобрать, что сїи два человѣка не уступая

во властолюбіи и силѣ одинъ другому, желали держать въ полѣ свои войски не столько для совершенія Тріумфа, какъ ради того чтобъ укрѣпить силы и власть свою другъ противъ друга. Сенатъ и Народъ, устрашены предстоящими бѣдствіями отъ междоусобной брани, заклинали ихъ жертвовать особеннымъ своимъ мщеніемъ спокойству всенародному. Народъ, въ нѣкоторый день собранія, даже стоя на колѣнахъ просилъ ихъ о примиреніи. Помпей оказывалъ непреклонную гордость и всегда не умолимъ являлся. Крассъ, съ своей стороны не менѣ упоренъ былъ въ своемъ тщеславіи. Но какъ Аруспики прорекли, что Государство должно впасть въ крайніе бѣдствіи естьли Консулы останутся непримиримы, Крассъ, подвигнутъ чувствомъ Благовѣрія, первый всталъ и подалъ руку Помпею въ знакъ мира, а Помпей обнялъ его по томъ взаимно. Напослѣдокъ оба совершивъ

Трі-

Трïумфѣ, по согласïю разпустили войски.

Сïе примиренïе не было однако столь искренно чтобѣ тотѣ и другой послѣ не искали усилиться бо́льшимѣ числомѣ согласниковѣ: наипаче же они старались привлечь кѣ себѣ благосклонность Народа. Крассѣ, чтобѣ преклонить оной на свою сторону, сдѣлалѣ пирѣ всему Городу, и приказалѣ поставить тысячу столовѣ для Народа. Вѣ то же время приказалѣ раздать бѣднымѣ людемѣ и мѣлкому народу хлѣба на три мѣсяца для ихѣ прокормленïя. Щедрость Крассова покажется менѣ удивительна, вѣ разсмотрѣнïи того что онѣ имѣлѣ болѣ нежели на семь тысячь талантовѣ стяжанïя. А таковыми всенародными угодностями Римскïе Вельможи закупали голоса себѣ отѣ мѣлкаго Общества.

Помпей сѣ своей стороны, стараясь превзойти щедрость Крассову и привлечь на свою сторону Народныхѣ

ныхЪ ТрибуновЪ, выдалЪ Законы кои возвратили симЪ НачальникамЪ всю власть которой лишилЪ ихЪ своими Законами Силла. ВЪ предосужденіе же памяти своего Полководца и благодѣтеля, онЪ возобновилЪ установленіи Каія Гракха, кои приписывали веденіе преступническихЪ дѣлЪ Обществу рыцарей, то что Силла отдалЪ было обратно Сенату. Таковымъ образомЪ сіи властолюбивые люди превращали одинЪ послѣ другова Законы, и усиливали то власть Сената, то власть Народа, смотря по своей пользѣ и обстоятельствамЪ. Трудно изъяснить восхитительную радость оказанную Трибунами при возстановленіи прежней ихЪ власти. КакЪ они во первыхЪ за то обязаны были Помпею, то вскорѣ изъявили ему дѣломЪ свою благодарность. ВЪ то время предпринято было итти войною на ПиратовЪ, кои налѣгали на берега республическаго владѣнія: и Трибуны заставили препоручить

пред-

предводительство сей войны Помпею, съ полною властью на сухомъ пути и на морѣ, какъ для набора войскъ, такъ и для вооруженія флота по его разсмотрѣнію.

Вышепомянутые Пираты наѣзжали моремъ отъ Сицилійскихъ береговъ. Въ началѣ они посылали малое число вооруженныхъ струговъ и барокъ, кои ходили по морю для разбоя купцовъ и другихъ мореплавателей, которыхъ они брали къ себѣ въ неволю. Число ихъ и смѣлость умножались покровительствомъ Митридатовымъ; ибо сей Государь взялъ ихъ въ свою службу, во время когда онъ воевалъ противу Римлянъ. Они вооружили великіе корабли, построили сильные флоты и разпространили свои разбои даже на берегахъ Италіи. Они дѣлали вылазки изъ кораблей въ разныхъ на землѣ мѣстахъ, грабили самые славные Храмы, разоряли малые Города, и брали въ плѣнъ къ себѣ жителей. На

конецъ

конецъ сила ихъ умножалась до таковой степени, что они содержали болѣ тысячи кораблей, кои раздѣлены были на разные Ескадры и запирали всѣ пристани Республической Области. Ни какой почти корабль не могъ пуститься въ море не попавъ имъ въ руки, что приводило купечество въ совершенное истребленіе.

Противу таковыхъ Пиратовъ Помпей на войну былъ посланъ. А дабы онъ могъ составить сильное вооруженіе, Народъ, почитая его какъ Бога, ввѣрилъ ему неограниченную власть. Приговоръ его отправленія написанъ былъ именно въ сихъ словахъ: что ему вручается полная власть во всемъ Средиземномъ морѣ, до столповъ Геркулесовыхъ и на четыреста стадій на твердой землѣ; позволяется набирать столько воиновъ и матрозовъ сколько онъ за благо разсудитъ; брать изъ общаго сокровища столько денегъ сколько ему по-

потребно будетъ, не дая въ томъ ни кому отчета, и выбрать изъ Общества Сената пятнатцать особъ кои бы служили ему подручными Полководцами, и исполняли его повелѣнїи въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ не можетъ самъ присудствовать. Толь пространная и независимая власть ввѣренная единому Гражданину причинила безпокойство и ревность въ Сенатѣ. Многїе изъ сего Общества явно обвиняли Помпея, что онъ желалъ самодержавствовать въ Области; и одинъ изъ Консуловъ, въ негодованїи за препорученное вмѣсто его Помпею предводительство, выговорилъ ему съ нѣкоторою угрозою: *Что поступая по высоковластнымъ примѣрамъ Ромуловымъ, онъ легко можетъ на конецъ имѣть во всемъ равную съ нимъ участь.*

Катулъ, имѣя болѣ умѣренности, принялъ въ томъ искуснѣйшее средство; и чтобъ отвлечь Народъ отъ ввѣренїя неограниченной власти

единому человѣку, онъ началъ говорить въ Собраніи, во первыхъ съ похвалою Помпею. Онъ напомнилъ въ высокихъ словахъ, славные дѣла сего Полководца. По томъ, такъ какъ бы усердствуя къ сохраненію его жизни, жаловался что Народъ безпрестанно подвергалъ величайшаго Полководца Республики на смерть при всѣхъ случающихся опасностяхъ. „И когда „вы его потеряете, говорилъ онъ „Народу, кто другой можетъ заступить его мѣсто?„ Тогда Народъ вскричалъ единодушно и съ великими воплями: „Тебя, тебя мы поставимъ „на его мѣсто.„ Катулъ, не могши болѣ сопротивляться рѣшительной волѣ всего Народа, и толь лестному засвидѣтельствованію собственной своей славы и своего мужества, вышелъ вонъ безъ прекословія.

Другой Сенаторъ, по имени Роцій, желалъ было вступить въ рѣчь такъ же, но былъ остановленъ мятежными криками Народа, которой не

не терпѣлъ ни отъ кого противныхъ ему въ томъ представленій. Роцій принужденъ былъ изъясняться едиными знаками, и поднявъ два пальца хотѣлъ дать разумѣть, что должно по малой мѣрѣ дать Помпею Товарища: но всѣ сіи изъясненіи ни къ чему не служили. Народъ, раздраженъ завистью и сопротивленіемъ Сената, прибавилъ еще власть Помпееву, и припомянуто было къ Приговору его отправленія, что онъ уполномочивается вооружить пять сотъ кораблей, посадить на нихъ сто двадцать тысячь человѣкъ войска, и имѣть въ своихъ повелѣніяхъ двадцать четыре Сенатора и двухъ Квесторовъ.

Симъ образомъ Римской Народъ, ревнительный къ своей вольности, но обольщенный Трибунами стремился самъ въ рабство; и зависѣло отъ воли Помпеевой содѣлаться Самодержателемъ Республики. Но тѣ кои его коротко знали, не опасались того,

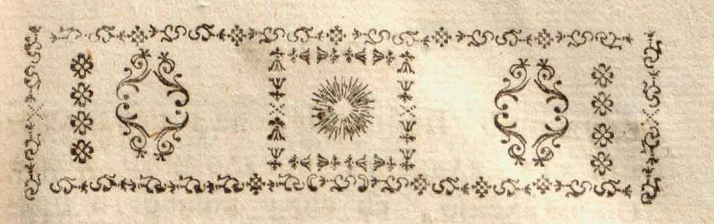
вѣдая что онъ имѣлъ болѣ тщеславія нежели властолюбія, и что онъ льстился болѣ блескомъ славы соединенной съ таковымъ исполненіемъ, нежели утвержденіемъ себя на всегда въ Самодержавномъ началовластіи.

Война сія продолжалась только одно лѣто. Помпей, вооружа на морѣ сильной флотъ, разбилъ Пиратовъ. Онъ взялъ въ плѣнъ великое число сихъ разбойниковъ; и вмѣсто чтобъ ихъ казнить смертью, разослалъ ихъ на жительство по безлюднымъ землямъ, и въ такія мѣста, кои отдалены были отъ морскаго берега. И какъ онъ далъ имъ способы кормить себя безъ воровства, то они не стали воровать болѣ.

Конецъ первойнадесять Книги.

КНИ-

КНИГА XII.

Помпей отъѣзжаетъ въ Азїю предводительствовать войсками кои были въ повелѣнїи Лукулловомъ. Свиданїе сихъ двухъ Римлянъ. Они дѣлаютъ другъ другу упреки. Разстаются явными между собою непрiятелями. Описанїе заговора Катилинина. Предприятiи властолюбиваго Трибуна Приска Сервилїя Рулла. Цицеронъ, искуствомъ своимъ и краснорѣчїемъ, заставляетъ отринуть предложенный отъ Рулла Законъ, касающїйся до завоеванныхъ земель, и совершенно разрушаетъ Катилинино Общество.

Едва въ Римѣ получена вѣдомость о изтребленїи Пиратовъ, какъ Манилїй, Народный Трибунъ, но при-

служникъ Помпеевъ, для продолженія его власти, предложилъ новое Опредѣленіе, въ силу котораго препоручаемо было ему предводительство войны противу Митридата, хотя Луцій Лукуллъ, весьма отличный Полководецъ былъ тогда главнымъ Предводителемъ оной, и дѣйствовалъ въ Азіи съ великимъ успѣхомъ и славою. Сіе Опредѣленіе содержало не только чтобъ вручить Помпею повелительство Лукуллова войска и правительство Азіи, но чтобъ онъ еще удержалъ за собою и предводительство морскихъ силъ, коими онъ повелѣвалъ прежде противу Пиратовъ.

Такимъ образомъ вручались ему всѣ силы на сухомъ пути и на морѣ: не доставало только ему одного титула Царскаго. Манилій и согласники Помпеевы поспѣшали чтобъ сіе Опредѣленіе утверждено было. И Народъ во всегдашней слѣпотѣ и всегда обманутъ Вельможами, столько

о

о томъ старался какъ будто бы находилъ въ томъ свое благополучіе. Сенатъ же, разумѣя болѣ нежели Народъ, видѣлъ въ семъ Опредѣленіи возстановляемое тиранство. Однако, въ день Собранія, когда Манилій предложилъ объ отзывѣ Лукулловомъ, и о постановленіи на его мѣсто Помпея, ни одинъ Сенаторъ не смѣлъ открыть свое мнѣніе. Страхъ мщенія отъ толь сильнаго человѣка заградилъ уста всему ихъ Обществу. Самъ Цицеронъ, почитаемый тогда добрымъ Гражданиномъ, но будучи робокъ и нерѣшимъ въ своихъ правилахъ, присталъ къ той сторонѣ которая была сильнѣе, и говорилъ въ подкрѣпленіе Помпея рѣчь, которая осталась намъ извѣстна подъ именемъ *Pro lege Manilia*: то есть предварительное слово къ Маниліеву Опредѣленію. Въ толь многочисленномъ Обществѣ Сенаторовъ, двое только Гортензій и Катулъ воспротивились помянутому предложенію. Катулъ

укорялъ Народъ съ великою смѣлостью, что онъ дѣлалъ тѣмъ Лукуллу неправосудную обиду. Онъ представилъ его заслуги и славныя дѣла, коими онъ отличился въ теченіи войны оной. Онъ говорилъ что сей Полководецъ знаменитою побѣдою освободилъ Городъ Цизику отъ осажденія непріятельскаго землею и моремъ; что онъ разбилъ Митридата во многихъ сраженіяхъ, и побѣдилъ Тиграна сильнѣйшаго Царя въ Азіи. Но примѣчая, что Народъ не прилагалъ вниманія къ рѣчамъ его, обратился по томъ къ Сенату, и возвыся голосъ съ видомъ крайняго неудовольствія: „Выйдемъ, говорилъ онъ „имъ, выйдемъ, почтенные Отцы, „изъ Города гдѣ тиранство возстановляется, и пойдемъ куда нибудь „въ пустое мѣсто, гдѣ мы можемъ „сохранить вольность дарованную „намъ отъ нашихъ предковъ.„

Сія великодушная рѣчь не произвела никаковаго дѣйства надъ людьми,

ми, кои или продали свою вѣрность Помпею, или страшились прогнѣвить его и подвергнуться сильному мщенію. Общая польза такимъ образомъ жертвована пользѣ особенной какъ всегда бываетъ. Опредѣленіе утверждено всѣми Трибами, и Народъ вручилъ Помпею власть равно неограниченную, каковую похитилъ Силла вооруженною рукою во время своего Диктаторства,

Помпей тотъ часъ отправился въ Азію; и Лукуллъ, получа извѣстіе о семъ Опредѣленіи, оставилъ свое войско, чтобъ не быть принужденнымъ отдать его послѣ своему неприятелю. Сіи двое Полководцы встрѣтились въ Галатіи. Чиновники ихъ и общіе друзья заставили ихъ свидѣться. Въ началѣ обошлись они другъ съ другомъ со взаимною учтивостью; но подъ конецъ Лукуллъ, въ досадѣ на Помпея что онъ отнималъ у него власть повелительства, не могъ воздержаться чтобъ

не произнесть словъ ему досадительныхъ. Онъ укорялъ его, что онъ всегда искалъ повелительствовать войскомъ противу побѣжденныхъ неприятелей; что онъ, подобно хищнымъ птицамъ падающимъ всегда на язвленныя тѣла, имѣлъ обыкновенїе окончивать брани, такъ чтобъ воспользоваться сраженїями и побѣдами другихъ Полководцевъ; что всѣ вѣдаютъ, какъ онъ похитилъ у Метелла, Красса и Катула славу побѣды надъ Гишпанцами, надъ Гладїаторами и надъ бунтовщиками кои слѣдовали за Лепидомъ; и что онъ тѣмъ только умѣетъ безъ всякой опасности присвоевать себѣ щастливые успѣхи и храбрость протчихъ. „И должно ли еще нынѣ, продолжалъ Лукуллъ, чтобъ я, тогда какъ „побѣдилъ Митридата, завоевалъ „Понтїйское Царство, разбилъ Тиграна, одержалъ великїе побѣды и взялъ „Тиграноцертъ, Низибъ и столько „другихъ Городовъ въ Арменїи, чтобъ

„все

„все то я произвелъ только для „приуготовленія тебѣ новыхъ тріум- „фовъ?„

Помпей, озлобленъ толь поносительными словами, укорялъ его съ своей стороны, что онъ не завоевалъ а разграбилъ Азію, и для того только чтобъ нажиться тамошними богатствами; что онъ воевалъ единственно для хищничества какъ разбойникъ; въ протчемъ что хотя онъ и бралъ много разъ верьхъ надъ непріятелемъ, однако никогда не хотѣлъ довершить побѣды, и всегда оставлялъ нарочно способы побѣжденному непріятелю, чтобъ только продлить свое повелительство и имѣть безпрестанные случаи къ грабежу, которой собственные его воины гнуснымъ почитаютъ.

Сіи взаимные упреки были не безъ основанія. И хотя правда что Лукуллъ мрачилъ славу побѣдъ своихъ ненасытною алчностью къ присовокупленію своего богатства, однако

и Помпеева зависть ко всѣмъ Полководцамъ Республическимъ, при томъ происки кои онъ употреблялъ для отрѣшенія ихъ отъ должностей въ самое теченіе побѣдъ ихъ, дѣлали его подозрительнымъ во мнѣніи правдивыхъ Республиканъ. Казалось какъ будто онъ желалъ быть одинъ государственнымъ Полководцемъ, и что другіе становились его неприятелями по мѣрѣ какъ они снискивали себѣ славу и почтеніе. Сіи двое Полководцы разошлись явными другъ другу неприятелями. Помпей поѣхалъ принять повелительство войска, а Лукуллъ возвратился въ Римъ, гдѣ не взирая на соглашеніи и вредъ ему отъ стороны Помпеевой, почтенъ былъ всенароднымъ Тріумфомъ. Онъ нашелъ сей царствующій надъ Миромъ Городъ въ наружномъ спокойствѣ. Но сія видимая тишина, скрывала тайное людей волненіе, и невидимо составлялись новые Обществы, изъ коихъ каждое, хотя разными дорогами, стре-

стремилось къ подрыву другова, чтобъ захватить къ себѣ силу Правительства.

Луцїй Сергїй Катилина, о которомъ уже упомянуто было, находился Начальникомъ одного таковаго общества. Онъ произходилъ изъ славнаго Патрикїйскаго дома, и толь древняго, что хвалился будто поколѣнїе его произходитъ отъ Сергеста, единаго изъ Енеевыхъ Товарищей: такъ какъ большая часть Вельможь имѣютъ тщеславной обычай искать себѣ, пользуясь сходствомъ именъ, въ остаткахъ глубокой древности, и часто извлекать изъ самыхъ баснословныхъ времянъ, блестящихъ славою Родоначальниковъ. Катилина, взросши въ смятенїи и нестройствѣ междоусобныхъ браней, былъ исполнителемъ жестокихъ мщенїй Силлиныхъ, къ коему онъ прилѣпился. При покровительствѣ сего Диктатора, притомъ имѣя знатность породы и храбрость, онъ вошелъ

шелъ въ главные достоинствы республики. Онъ былъ Квесторомъ, подручнымъ Полководцемъ въ войскахъ, и былъ главнымъ Повелителемъ въ Африкѣ въ званіи Претора. Но въ сихъ разныхъ должностяхъ, онъ всегда равно носилъ безчестное имя за свои безпутные поступки и гнусныя злодѣянія. Онъ былъ уже обвиненъ всенародно въ противородственномъ грѣхѣ съ одною Весталлою, въ убивствѣ и закононарушеніи, а спасъ себя отъ строгости Законовъ тѣмъ только что могъ подкупить самыхъ своихъ обвинителей, кои за деньги отстали отъ доказательства въ судѣ по своимъ доносамъ на Катилину. То былъ человѣкъ безъ правилъ, безъ чести, безъ всякаго почтенія къ Богамъ, и божествомъ своимъ почиталъ едино только властолюбіе; ни когда не былъ доволенъ настоящимъ, всегда въ волненіи отъ будущаго, былъ наглъ, предпріимчивъ, дерзокъ, готовъ былъ все ис-

пол-

полнить; но въ предпріятіяхъ своихъ былъ мало искусенъ, достигалъ къ тиранству весьма откровенно, и не могъ имѣть глубокаго притворства, которое бы ему нужно было къ утаенію пагубныхъ его намѣреній. Таковъ былъ Луцій Катилина, который, по смерти Силлиной, умыслилъ по его примѣру похитить Самодержавное властительство. А дабы достигнуть къ концу своего намѣренія, онъ началъ набирать къ себѣ въ сообщество всѣхъ такихъ молодыхъ людей въ Римѣ, кои разорились или игрою, или теряли себя пьянствомъ и сообществомъ съ худыми женщинами.

Римъ, въ своемъ началѣ, имѣлъ, самою надежною оградою и защитою общей вольности, почти равную скудость между своими Гражданами. Умѣренность и воздержность, кои происходили отъ сей скудости, царствовали во всѣхъ состояніяхъ людей: можетъ быть столько отъ нужды

какъ

какъ и отъ разсужденія. Роскошь долгое время была неизвѣстна въ Римѣ; желѣзо тамъ нужнѣе было золота; и Гражданинъ, довольствуясь малымъ удѣломъ который онъ пахалъ своими руками, не могъ отличать себя инымъ образомъ какъ только храбростью. Какъ никто ничего не ожидалъ отъ другихъ, и каждый промышлялъ себѣ прокормленіе своею работою, то не было тогда ни подлыхъ прислугъ ни рабственнаго угожденія. Едина любовь къ вольности была общимъ чувствъ ихъ побужденіемъ; и доколѣ въ Римѣ жительская скудость почиталась добродѣтелью, то Граждане тамъ были вольны, однимъ только Законамъ подсудны, и одни отъ другихъ не зависимы.

Но послѣ какъ Римляне разорили Карѳагенъ, Городъ бывшій въ соперничествѣ съ Римомъ, послѣ, говорю я, какъ покорили Италію и ближніе Острова, завоевали Гишпанію и бе-

рега

рега Африканскія, присоединили къ своимъ Провинціямъ часть Галліи и всю Сирію, послѣ какъ они принудили многихъ Азіатскихъ Государей платить себѣ дань, то властолюбіе, сладострастіе, праздность, и всѣ пороки богатствомъ раждаемые, вошли въ Римъ за побѣдителями Свѣта. Тѣ кои жили вѣкъ со славою въ почтенной скудости потеряли свои добродѣтели отъ преизбытка имѣнія. Удивленіе и вниманіе людей обратилось тогда къ искуснонаписаннымъ картинамъ, статуямъ, и сосудамъ художными руками обдѣланнымъ. Полководцы и Чиновники, кои привозили ихъ съ собою изъ Азіи, возбудили зависть въ другихъ имѣть подобные сокровищи; и для сей роскоши и богатства жертвована была народная вольность, которая ставилась въ продажу Вельможамъ и Предводителямъ обществъ, отъ коихъ люди надѣялись получить Чины и деньги.

Умѣренное поведеніе и воздержность древнихъ времянъ обратились нечувствительно въ сладострастную роскошь. Большая часть молодыхъ людей расточали имѣніе своихъ предковъ въ забавахъ и пиршествахъ, въ коихъ господствовали замыслы и великолѣпіе. Женщины не мало способствовали къ сему почти общему развращенію : большая ихъ часть не почитали болѣ цѣломудріе въ числѣ добродѣтелей. Человѣки, недостойные сего имяни, подражали въ томъ женщинамъ. Тѣ кои разорились въ удовольствіе своихъ прихотей, или тѣ кои способны были къ произведенію злодѣяній, желали междоусобной брани, дабы тѣмъ избѣгнуть отъ строгости Законовъ, или отъ иска своихъ заимодавцевъ. Сія склонность разумовъ усилилась въ концѣ
687 Консульства Луція Волкація Туллія
годъ. и Марка Емилія Лепида. На ихъ мѣста назначены были Публій Антоній и Прискъ Силла. Но будучи

по

по томъ изобличены въ подкупанїи голосовъ, получили изключенїе отъ сего Достоинства; и новымъ избранїемъ вмѣсто ихъ возведены были въ Консульство Луцїй Котта и Луцїй Торкватъ. Позоръ таковаго изключенїя и мстительный разумъ заставилъ ихъ произвесть заговоръ противу Государственнаго спокойства. Они вознамѣрились умертвить обоихъ новыхъ Консуловъ, изтребить большую часть Сенаторовъ, и послѣ завладѣть Правительствомъ. Катилина, будучи всегда готовъ предпринять наивеличайшїя злодѣянїи, и жаденъ къ новостямъ кои бы только могли отворить ему путь къ поправленїю своего щастїя, присталъ къ сему заговору. Они подговорили къ себѣ еще великое множество молодыхъ людей погрязшихъ въ развратной роскоши, какъ объ нихъ говорено выше, и между протчими Пизона, молодаго человѣка одного знатнаго рода, которой былъ 688 годъ.

 про-

продерзостенъ, сварливъ, утопалъ въ долгахъ, и не находилъ другимъ чемъ поправить свое состоянїе какъ разрушенїемъ общаго спокойства.

Намѣренїе ихъ было, какъ выше сказано, убить Консуловъ и истребить большую часть Сенаторовъ. Они положили исполнить сей умыселъ въ Капитолїи, въ перьвый день Генваря, когда Консулы долженствовали вступить въ свое званїе. Но не нашедъ къ тому способности въ семъ случаѣ, отложили совершенїе своего предприятїя до пятаго Февраля. Въ сей день умышлено было произвесть въ дѣйство наиужаснѣйшее злодѣянїе какое только могло послѣдовать въ Республикѣ отъ начала Рима. Нѣкоторое число убїйцъ, научены были, по знакѣ, которой долженствовалъ имъ дать Катилина, броситься на Консуловъ и Сенаторовъ и ихъ переколоть. Но Катилина, въ нетерпѣливой алчности пролить кровь Сограждан своихъ, далъ помянутой

знакъ

знакъ прежде урѣченнаго времяни, и прежде нежели злодѣи могли занять каждый назначенное ему мѣсто. И какъ въ тотъ день онъ не имѣлъ щастливой удачи, то отложено было еще до другаго времяни сїе жестокое намѣренїе. Катилина содѣлался ихъ предводителемъ чрезъ свою дерзость, и усилилъ свое общество великимъ числомъ Сенаторовъ и рыцарей, кои всѣ, по разнымъ видамъ, присовокупились къ злоумышленникамъ.

Въ числѣ сихъ согласниковъ изъ Общества Сенаторовъ находились, Лентулъ Сура, Прискъ Антонїй, о которомъ выше упомянуто, Кассїй Лонгинъ, Каїй Цетегъ, двое сыновей Сервїя Силлы, Луцїй Варгунтеїй, Квинтъ Аннїй, Порцїй Лекка, Луцїй Курїй, Луцїй Бестїя, Квинтъ Курїй; а изъ Общества рыцарей, Маркъ Фулвїй Нобилїоръ, Луцїй Статилїй, Прискъ Габинїй Капито, и Каїй Корнелїй. Сказываютъ что Крассъ имѣлъ нѣко-

которое сведѣнїе о ихъ намѣренїяхъ, но что сей человѣкъ, завиствуя и неприятельствуя всегда славѣ Помпеевой, радъ былъ что въ Республикѣ заводилось новое общество, которое могло противовѣсить Помпееву властительству; нѣкоторые подозрѣвали что и Цесарь тайно благоприятствовалъ сему заговору; и говорено было что сїи двое властолюбивые и хитрые люди, ожидали только исполненїя онаго, чтобъ объявить себя къ сторонѣ исполнителей.

Лентулъ, одинъ изъ Предводителей сего Общества, былъ сынъ Марїя Аквилїя, который былъ Консуломъ вмѣстѣ съ Марїемъ. Сей сынъ Аквилїевъ, принялъ на себя имя Лентула, въ томъ видѣ чтобъ другой Лентулъ достославнаго Корнелїанскаго дома восприялъ его въ родъ свой. Онъ былъ человѣкъ погрязшїй въ роскоши, съ природы безстыденъ, и дѣлалъ себѣ славу изъ своихъ пороковъ. Ему дано было прозванїе *Су-*

ра,

ра, то есть *икра ноги*: съ того времяни какъ Диктаторъ Силла, спросивъ нѣкогда у него въ полномъ Сенатѣ отчета въ деньгахъ невѣдомо куда истраченныхъ въ отправленїе Квесторской его должности, получилъ въ отвѣтъ отъ сего Лентула расточившаго казну на свои роскоши: что у него нѣтъ другой счетной Книги какъ только его икра ноги, которую онъ даетъ бить за промахъ. Сей отвѣтъ имѣлъ свое уподобленїе къ нѣкоторой ребяческой игрѣ шаромъ, какова была тогда въ обычаѣ, и въ коей тотъ которой дѣлалъ промахъ ударяемъ былъ по икрѣ.

Исторїя оставила намъ еще нѣкоторое изображенїе его безстыдства, означающаго еще болѣ его развратность и свойство. Онъ былъ требованъ передъ Правителей къ отвѣту, за разныя злодѣянїи какїе на него были представлены. Онъ подкупилъ Судей деньгами, и въ день своего

отвѣта, увидя одинъ голосъ сверьхъ того числа какое нужно было для объявленія его невиннымъ, не устыдился громко сказать при всѣхъ людехъ: *что Судьи должны возвратить ему деньги кои они взяли за одинъ безполезной голосъ.*

Таковъ былъ Прискъ Лентулъ, котораго роскошь, ненаказанность беззаконій, и къ тому властолюбіе заставили войти въ помянутое злоумышленіе. Онъ вложилъ себѣ упрямо въ голову нѣкоторые предсказаніи приписанные Сивилламъ, кои предвѣщали, сказываютъ, что трое Корнеліянъ будутъ обладать Римомъ. Цинна и Силла, произшедшіе оба изъ сего достославнаго Дома, хотя находились въ разныхъ Обществахъ, одинъ за другимъ имѣли уже въ Римѣ Самодержавное властительство: и Лентулъ съ удовольствіемъ слушалъ, что льстецы его прилагали къ нему совершеніе помянутаго Сивиллина Пророчества, и что его почитали третьимъ

имѣ изѣ тѣхѣ коимѣ предсказано было обладанїе Рима.

Цетегѣ, членѣ того же общества, былѣ человѣкѣ отважной, дерзской, и опасной по своей силѣ которую онѣ имѣлѣ вѣ Народѣ. Онѣ прежде былѣ Народнымѣ Трибуномѣ и правилѣ людствомѣ по своей волѣ: но и самѣ управляемѣ былѣ одною извѣстною женщиною, по имени Прецїею, которая, во время его Трибунства, самовластно господствовала во всѣхѣ дѣлахѣ республики.

Сверьхѣ вышеименованныхѣ Сенаторовѣ было еще великое число рыцарей кои присоединились кѣ помянутому заговору. Катилина имѣлѣ такѣ же искуство подговорить кѣ себѣ отставныхѣ воиновѣ и старыхѣ Чиновниковѣ Силлиныхѣ, которые расточивѣ игрою и роскошью плату и награжденїе заслухѣ своихѣ, желали новой междоусобной войны, такѣ какѣ то одно могло поправить худое ихѣ состоянїе.

Женщины перьвыхъ Домовъ въ Римѣ, извѣстные своевольною своею жизнїю и красотою, вошли такъ же въ загоборъ, въ угожденїе своимъ любовникамъ. Такова между протчими была славная Семпронїя. Она имѣла отъ природы высокость имяни, блестящїй и приятной разумъ, твердую и рѣшительную смѣлость; и что женщины еще болѣ почитаютъ, имѣла къ тому безподобную красоту.

Сїи природные дарованїи она возвышала наружнымъ постоянствомъ, которое она иногда представляла смотря по свойству людей, каковымъ она желала нравиться. Но взоры ея, кои по временамъ казались быть зерцаломъ цѣломудрїя, наисильнѣйшими любовными страстьми водимы были, и она выискивала мущинъ еще болѣ нежели они ее искали. Безпорядочное же ее поведѣнїе нечувствительно привело ее къ великимъ злодѣянїямъ. Она подозрѣваема была участни-

стницею многихъ убійствъ; и знали объ ней что она въ судѣ отперлась въ полученіи данныхъ ей на сохраненіе нѣкоторыхъ вещей, съ такою смѣлостью и твердостью, какой не могли имѣть сами тѣ кои по справедливости требовали возвращенія оныхъ.

И еще другія женщины таковыхъ же знатныхъ домовъ, и столько же безпорядочныя какъ Семпронія, хотя не столь молоды и прелестны, приобщились къ заговору въ надеждѣ выйти чрезъ то изъ долговъ, кои они нажили, при увядающей красотѣ, платою молодымъ своимъ полюбовникамъ. Катилина привлекъ ихъ въ свое согласіе посредствомъ мущинъ коихъ они наиболѣ любили, дабы чрезъ сихъ женщинъ по томъ склонить къ себѣ ихъ мужей, или въ потребномъ случаѣ отравить или убить ихъ чрезъ нихъ же.

На конецъ всѣ молодые люди въ Римѣ, воспитанные въ роскоши и погружен-

груженные въ весельяхъ: тѣ кои пришли въ разоренiе и не могли болѣ содержать себя: тѣ кои не могли отмстить собою сильнымъ своимъ неприятелямъ: всѣ сiи люди предводимые разными страстьми пристали и прилепились къ Катилинѣ.

Сей Предводитель общества, стараясь привезать ихъ къ себѣ болѣ, обѣщеваетъ инымъ заплатить всѣ долги ихъ; инымъ даетъ деньги; иныхъ старается женить на тѣхъ женщинахъ въ коихъ они влюблены были; мстительнымъ людемъ обѣщеваетъ отдать на смерть ихъ неприятелей; и всѣхъ ихъ обнадеживаетъ богатствомъ и честьми въ новой перемѣнѣ Правленiя. Но въ то же время представляетъ имъ, что для успѣха въ томъ надлежитъ чтобъ они въ началѣ употребили всѣ свои старанiи для возведенiя его въ Консульство; что такъ же полезно для ихъ общества, чтобъ они дали ему въ Товарищи Каiя Антонiя, изъ тѣхъ

кои

кои просили сего Достоинства, ибо съ нимъ онъ имѣетъ древнюю дружбу; что онъ можетъ по томъ преклонить его къ своимъ мыслямъ, и что естьли они единожды захватятъ Самодержавное Правительство и будутъ повелѣвать Легїонами, то ни какая сила не воспрепятствуетъ исполненїю ихъ намѣренїй.

Въ самомъ дѣлѣ обстоятельствы были ему весьма полезны. Помпей производилъ тогда войну въ дальныхъ земляхъ Восточныхъ. Сей Полководецъ, въ стремительномъ желанїи прославить свое имя всюду, гнался за Арапами, коихъ легче было побѣдить нежели сыскать. Въ Италїи не было тогда войска. Народъ, всегда жадный къ новости, видѣлъ съ удовольствїемъ возставляющееся общество, которое казалось быть заведено единственно противу власти Сената; и сей благоразумный Сенатъ былъ будто въ снѣ съ неправымъ на себя упованїемъ, и оказывая едино

тол-

только презрѣніе къ Предводителямъ сего Общества.

Между тѣмъ трудно было чтобъ намѣреніи злоумышленныхъ, гнѣздящіяся въ нѣдрахъ роскоши, могли скрываться долгое время; и перьвый о томъ увѣдалъ Цицеронъ чрезъ Фульвію, женщину одного знатнаго Дома, но который она безчестила порочнымъ своимъ сообщеніемъ съ Квинтомъ Куріемъ, изъ числа Предводителей заговора.

Курій разорился отъ своей роскошной къ ней привязанности, и до тѣхъ поръ былъ любимъ ею пока имѣлъ деньги. Но когда пришелъ въ несостояніе дѣлать тотъ же расходъ въ ея угожденіе, то послѣ прежней покупаемой нѣжности явилась въ ней холодность и отдаленіе. Фульвія презрѣла его за невѣрность денегъ и за вину пустыхъ кармановъ.

Курій, нѣкогда желая пользоваться обычайными своими правами, былъ вдругъ отринутъ прежнею полюбовницею.

цею. ВЪ началѢ онЪ, подозрѢвая имѢть себя соперника, дѢлаетЪ ей жестокїе выговоры и угрозы; переходитЪ по томЪ кЪ самой низкой передЪ нею покорности; на конецЪ видитЪ сЪ огорченїемЪ что порочная любовь Фульвїина привязана была кЪ однимЪ только его деньгамЪ. КакЪ онЪ не могЪ ни платить ей, ни разорвать оковЪ своихЪ, то долженЪ былЪ успокоить ее по малой мѢрѢ приятными надеждами. ОнЪ открываетЪ ей тайну заговора, и представляетЪ новые богатствы вЪ успѢхѢ своихЪ намѢренїй.

Но Фульвїя, такЪ какЪ всѢ женщины подобнаго ей свойства, не увѢряясь на обѢщанїи разореннаго любовника, или не предвидя такЪ же благополучнаго успѢха отЪ предприятїя умышленнаго молодыми людьми, открыла то что свѢдала нѢкоторымЪ почтеннымЪ людемЪ, не назвавЪ однако Творца сего умышленїя; и она открыла то для того

чтобЪ

чтобѣ не быть причисленною кѣ толь виновному дѣлу. Слухѣ о томѣ вскорѣ промчался вѣ Римѣ. Цицеронѣ, вошедѣ вѣ изслѣдованіе, дошелѣ до самого источника сего слуха. Онѣ свидѣлся сѣ Фульвіею, приобрѣлѣ деньгами ее довѣренность, и она продала ему тайну такого человѣка котораго она никогда не любила: и котораго она вѣ послѣдствіи ласкала только по согласію сѣ Цицерономѣ, чтобѣ вывѣдать изѣ него другіе тайны.

Сверьхѣ общей пользы Отечества, Цицеронѣ имѣлѣ вѣ семѣ изслѣдованіи и свою особенную пользу. Слѣдовало тогда вѣ скоромѣ времяни быть Консульскому избранію: онѣ искалѣ сего Достоинства; и Катилина былѣ вѣ числѣ искателей. Сей высокой породы Человѣкѣ говорилѣ всегда презрительно о Цицероновомѣ произхожденіи. Онѣ называлѣ его не знаемымѣ и новоявленнымѣ человѣкомѣ, то есть, котораго отецѣ и предки не были никогда удостоены ни вѣ како-

каковое изъ сихъ Начальствъ кои давались Знатнымъ. Цицеронъ же съ своей стороны всячески старался представить Катилину опаснымъ, и такимъ человѣкомъ который подозрѣваемъ въ умышленіи противу общей вольности. Случившееся же открытіе злодѣйственныхъ его намѣреній, подало ему наилучшій способъ воздвигнуть Гражданъ противу сего Патрикія. Цицеронъ получилъ въ томъ успѣхъ; Катилина самъ къ тому способствовалъ, звѣрскими своими поступками, и произнесеніемъ угрозъ, въ то время когда онъ наиболѣ долженствовалъ снискивать почтеніе и дружбу отъ Согражданъ своихъ. Всѣ тѣ кои любили прямо свое Отечество, соединились для исключенія его въ Консульскомъ выборѣ. 690
Катилинѣ отказано было въ томъ годъ.
съ поношеніемъ, и сіе великое достоинство отдано Цицерону.

Въ Товарищи ему данъ былъ Каій Антоній, хотя изъ Плебеян-

скаго, однако отличнаго Дома, и который хвалился что онъ поколѣнїемъ произходилъ отъ сына Геркулесова. Антонїй былъ человѣкъ съ природы лѣнивый, любящїй спокойную жизнь и удовольствїи; и естьли до того времяни когда мѣшался въ дѣла, то было только для того чтобъ не оказать своей неспособности. По тому онъ и данъ Цицерону въ Товарищи, какъ человѣкъ который по своему свойству будетъ безъ прекословїя слѣдовать совѣтамъ Цицероновымъ, и будетъ споспѣшествовать ко всему что сей великой человѣкъ предприметъ къ разрушенїю Катилинина Общества. Друзья и угождатели сего Предводителя заговора, надѣясь на его избранїе въ Консулы, повержены были въ отчаянїе избранїемъ Цицероновымъ. Онъ былъ имъ страшенъ своимъ отмѣннымъ краснорѣчїемъ, чрезъ которое онъ во всѣхъ дѣлахъ властвовалъ; къ тому же они вѣдали что онъ не менѣ почитаемъ былъ

за свою честность и прилѣпленїе къ Законамъ. Страхъ Законной строгости, подъ толь разумнымъ и непреклоннымъ Правителемъ, заставилъ многихъ изъ противообщниковъ отстать отъ стороны и видовъ Катилининыхъ. Однако перемѣна ихъ не поколебала злобнаго творца заговора, предприявшаго погибнуть, естьли не возможетъ владычествовать. Онъ набралъ себѣ новыхъ согласниковъ; занялъ у многихъ людей деньги. По приказанїю его заготовлено было въ разныхъ мѣстахъ множество денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Онъ послалъ Кайя Манлїя въ Тосканїю, Септимїя въ Маршъ д' Анконъ, и Кайя Юлїя въ Апулїю, для набранїя скрытно войска, и для того чтобъ подговорить къ себѣ Чиновниковъ и старыхъ воиновъ, кои имѣли жительство въ сихъ Провинцїяхъ, служивъ прежде съ нимъ подъ Силлинымъ предводительствомъ. Между тѣмъ какъ сей вредный человѣкъ непрестанно

 ста-

старался умножать число своихъ согласниковъ, и приуготовлялъ оружїи и войски, для похищенїя силою Правительства, нѣкто Народный Трибунъ, по имени Публїй Сервїй Руллъ, производилъ подобное тому предприятїе, но подъ видомъ лучшаго правдонаблюденїя. Сей Трибунъ тѣмъ болѣ былъ опасенъ, что онъ дѣйствовалъ единымъ только увѣренїемъ, и казалось будто не имѣлъ другаго вида въ своемъ предприятїи, кромѣ чтобъ содѣлать состоянїе мѣлкаго Народа болѣ щастливымъ.

Объявлено уже неоднократно было въ семъ Сочиненїи, что Римляне, когда побѣждали своихъ неприятелей, имѣли обыкновенїе отнимать у нихъ часть земель; и что иногда сїи земли отдавались на откупъ въ прибытокъ Государства, иногда же раздѣлены были на бѣдныхъ Гражданъ, кои платили за то Республикѣ легкую подать. Сїе общественное стяжанїе возрасло по мѣрѣ распростра-

нѣнїя

ненія республики, и по мѣрѣ Государственныхъ корыстей, кои римляне завоевали въ трехъ частяхъ Свѣта. римъ владѣлъ землями въ разныхъ окружностяхъ Италіи, въ Сициліи и въ ближнихъ Островахъ, въ Гишпаніи, въ Африкѣ, въ Греціи, въ Македоніи и во всей Азіи. Словомъ, приписаны были въ общее владѣніе собственные земли всѣхъ вольныхъ Городовъ, Царей и республикѣ, кои завоевали себѣ римляне. Произращеніе и прибытокъ привозимы были въ общее сокровище. То была запасная сумма, изъ которой платилось содержаніе воинамъ, и исправлялись всѣ общественные издержки и нужды.

руллъ, вступя въ Трибунство, предпринялъ присвоить себѣ распоряженіе помянутыхъ земель. Онъ приобщилъ къ сему намѣренію большую часть своихъ Товарищей, и многихъ перьвыхъ Сенаторовъ въ республикѣ, которымъ онъ обѣщалъ отъ успѣха

 въ

въ своемъ предпріятіи неизчетные богатствы и полное властительство: двѣ такія вещи кои управляютъ предпріятіями и дѣлами человѣческими.

Руллъ, составя свое общество, изготовилъ начертаніе новаго Закона, по которому учреждалось именно: чтобъ, для облегченія мѣлкаго Народа, немедлѣнно уставлены были Децемвиры, кои бы имѣли власть продать помянутые особые земли, приписанные ко владѣнію Республики, со времяни Консульства Луція Силлы и Квинта Помпея; равнымъ образомъ продать лѣса находящіяся въ Италіи; при томъ чтобъ Полководцы войскъ, и другіе Чиновники Республики, имѣющіе въ рукахъ своихъ деньги кои они не принесли еще въ сокровище, отдали ихъ Децемвирамъ; и чтобъ сіи Децемвиры употребили всѣ оные суммы на покупку разныхъ земель въ Италіи, кои были бы по томъ раздѣлены между

мѣл-

мѣлкимъ Народомъ: такъ чтобъ не отнимая у Благородныхъ древніе ихъ присовокупленіи, каждый бѣдный Гражданинъ могъ имѣть въ своей округѣ землю, потребную для его прокормленія.

Руллъ, чтобъ подвигнуть еще болѣ людство къ изданію своего Закона, прибавилъ къ тому: чтобъ Децемвиры имѣли власть завести новые поселеніи, въ тѣхъ Городахъ Италіи гдѣ они за благо разсудятъ; чтобъ имъ позволено было населить вновь Городъ Капу; перевести туда пять тысячь жителей изъ Рима, въ число коихъ каждый Децемвиръ назоветъ пять сотъ по своему выбору; и чтобъ между ими раздѣлены были поля сего Города, и поля Города Стеллы, кои до того времяни отдавались на откупъ въ прибытокъ всего Общества.

Въ томъ же Законѣ предписано было: чтобъ Предложитель Закона первенствовалъ въ Собраніи,

кое учреждено будетъ для избранія Децемвировъ: а симъ предписаніемъ Руллъ прочилъ себѣ главную власть и разпоряженіе сего дѣла. Онъ прибавилъ къ тому: чтобъ власть сихъ Правителей была ни отъ кого независима, и ихъ Опредѣленіи были бы свободны отъ вторичнаго вершенія; чтобъ они пользовались симъ правомъ въ Римѣ, и во всемъ пространствѣ Римской Области, въ продолженіе пятилѣтняго времяни; чтобъ они имѣли право производить Авспиціи; чтобъ даны имъ были Ликторы и протчіе Чиновники, кои опредѣлялись обыкновенно въ прислуги къ перьвымъ Правителямъ Республики; чтобъ они могли выбрать изъ Общества Рыцарей двѣсти особъ, для исполненія ихъ Опредѣленій въ Провинціяхъ. Руллъ, подъ видомъ будто бы хотѣлъ пресѣчь безпорядокъ и несстройство бываемое въ общихъ Собраніяхъ всего Римскаго Народа, но въ самомъ дѣлѣ для того только

чтобЪ избирать по своей волѣ Децемвировъ, предложилъ чтобЪ избранїе ихЪ производилось только семнатцатью Трибами, кои вступятЪ въ то избранїе по жеребью; и чтобЪ девятью согласными изъ нихъ Трибами рѣшилось удостоенїе сихЪ Правителей. А дабы изключить отЪ сего Достоинства Помпея, который страшенЪ ему былъ своею силою въ Народѣ, и который въ то время повелѣвалЪ войсками внутри Азїи, онъ прибавилъ: чтобЪ никто отсудственный изъ Рима ГражданинЪ не могЪ быть принятЪ въ Децемвирское Достоинство.

Сколь ни подозрительна была въ Республикѣ Власть толь неограниченная, РуллЪ однако согласилЪ кЪ тому великое число СенаторовЪ, и весь НародЪ на его сторонѣ находился. Перьвые, побуждаемы властолюбїемЪ, имѣли надежду быть включены въ число ДецемвировЪ; а мѣлкой НародЪ уповалЪ получить

себѣ часть въ сихъ земляхъ кои предписано Закономъ покупать въ Италіи. Руллъ увидѣлъ себя вскорѣ Начальникомъ многочисленнаго общества; и самъ Антоній Консулъ, Товарищь Цицероновъ, не противился симъ новымъ установленіямъ.

Сказывали тогда что онъ, будучи удрученъ долгами, ставилъ Децемвирское Достоинство и соединенную съ нимъ власть добрымъ способомъ поправить свое состояніе; поколику долженствовали быть несчетные суммы денегъ въ разпоряженіи сихъ Децемвировъ. Многіе такъ же подозрѣвали его и въ томъ, что онъ тайно способствовалъ Катилинину заговору.

Какъ власть его по Консульству имѣла свою важность, то Цицеронъ умыслилъ преклонить его на свою сторону. Но преклонить его надлежало не инымъ образомъ какъ корыстью: по чему Цицеронъ долженъ былъ уступить ему Правительство

Ма-

Македонїи съ началоводствомъ силъ, которое досталось ему по жребїю; а себѣ оставилъ Правительство Сизъ-Алпинской Галлїи, кое приносило меньше доходовъ.

Извѣстно то что Консулы, по своемъ избранїи, раздѣляли между собою Правительство всей республики; что одинъ изъ сихъ главныхъ Правителей оставался обыкновенно въ Римѣ главнымъ при Сенатѣ, и не выѣзжалъ оттуда, кромѣ развѣ въ обстоятельствахъ важной войны, когда оная требовала чтобъ оба Консулы выступили въ поле. Тотъ которому доставалось Предводительствовать войсками, имѣлъ Правительство пограничныхъ Провинцїй гдѣ находились войски: жребїй рѣшилъ между Консулами о вступленїи ихъ въ ту или другую должность.

Консулъ, являясь въ подчиненныя ему Провинцїи, принималъ тамъ равные почести какїе индѣ воздаются однимъ только Самодержателямъ

лямъ отъ подданныхъ. Онъ пользовался во время Консульства полнымъ властительствомъ; и изключая тѣхъ кои были отмѣнно безкорыстны, всѣ обыкновенно выходили изъ Консульства съ неизчетными богатствами. Антоній, по худому состоянію дѣлъ своихъ, имѣя нужду въ сей помощи, съ радостью принялъ помянутую уступку отъ своего Товарища; и изъ благодарности къ нему, отсталъ отъ стороны которой казалось прежде онъ благоприятствовалъ, а на противу того сталъ слѣдовать совѣтамъ Цицероновымъ, чтобъ способствовать совокупно съ нимъ благополучію Отечества.

Цицеронъ, склонивъ къ себѣ своего Товарища, обратилъ всѣ свои усиленіи противу Рулла. Какъ онъ не вѣдалъ еще основательно Трибунскихъ намѣреній, то для извѣданія подробностей, велѣлъ ему сказать, чрезъ посредство общихъ съ нимъ

друзей:

друзей: что по случаю ихъ въ одномъ году Правительства, хотя въ разныхъ званіяхъ, полезно было бы для республики, чтобъ они могли поступать въ дѣлахъ согласно; что онъ съ своей стороны всегда готовъ споспѣшествовать пользѣ Народа, по чему проситъ его сообщить начертаніе Закона, которой какъ слышно, онъ предложить намѣренъ: дабы онъ, когда найдетъ его справедливымъ, могъ всѣми своими силами стараться о его принятіи. Но руллъ уразумѣвалъ что человѣкъ толь крѣпко соблюдающій древніе Законы, и толь ревностный къ общей вольности каковъ былъ Цицеронъ, не одобритъ никогда новыхъ установленій вводимыхъ имъ въ Правленіе; по чему отвѣтствовалъ на его вѣжливость одними только учтивыми и пустыми словами, кои умножили подозрѣніе въ Консулѣ. Онъ даже убѣгалъ его свиданья, чтобъ не быть принуждену съ нимъ изъясниться. Цицеронъ

совер-

совершенно тогда увидѣлъ, что онъ не узнаетъ ничего точнаго о начертанiи Закона, прежде его обнародованiя. Между тѣмъ, чтобъ не быть при изданiи онаго невѣждою, онъ имѣлъ предосторожность посылать скромныхъ людей во всѣ Народные Собранiи, для примѣчанiя что тамъ происходить будетъ, и чтобъ они записывали сколько возможно вѣрнымъ образомъ, какъ содержанiе всѣхъ предписанiй Закона, такъ и разсужденiи объ ономъ какiя они услышать могутъ.

И такъ, чрезъ проворство сихъ подосланныхъ писцовъ, Цицеронъ увѣдалъ что Руллъ предложилъ свой Законъ въ полномъ Собранiи. Они принесли къ нему вѣрной со онаго списокъ, и увѣдомили его о рѣчахъ, какiе говорены были при семъ случаѣ отъ Рулла и его сообщниковъ.

Цицеронъ получа сей списокъ созвалъ тотъ часъ Сенатъ. Онъ, прочтя Законъ, который содержалъ болѣ

сорока пунктовЪ, представилЪ сему почтенному Обществу, сколь вредны и противны Трибунскія предложенія, всякому кто любитЪ чистосердечно вольность и спокойство Республики. И какЪ онЪ вѣдалЪ что Сенаторы безконечно любили свое властительство, онЪ далЪ имЪ возчувствовать, сколь опасно было для Сената установленіе ДецемвировЪ, и наипаче сЪ полною властью во всемЪ пространствѣ Римской Области, еще же на толь долгое время какЪ предписано вЪ Законѣ; что изЪ того произойдетЪ новое Начальвластительство, кЪ уничтоженію Начальствѣ состоящихЪ доселѣ; и что продажа земель принадлежащихЪ Республикѣ приведетЪ непремѣнно вЪ упадокЪ главныя силы Государственныя.

„Вѣдайте, *почтенные Отцы*, говорилЪ онЪ имЪ, что наши Трибуны хотятЪ продавать нынѣ земли „АталіянЪ и ОлимпеніянЪ, кои Сервилій чрезЪ свои завоеванія при-

„со-

„соединилъ къ Римскому владѣнїю.
„По томъ, сїи Торговщики желаю-
„щїе продать всю Республику, воз-
„намѣрились вступить въ Македонїю,
„и продать тамъ съ молотка Цар-
„ственные земли Филиповы и Пер-
„сеевы, приобрѣтенныя мужествомъ
„и храбростью Павла Емилїя. Плодо-
„носныя земли Коринфскїя, кои до-
„брымъ учрежденїемъ Муммїевымъ
„составляютъ часть дохода Респуб-
„лики, такъ же будутъ разпроданы.
„Они отправятся по томъ за море въ
„Гишпанїю, и продавъ тамъ земли
„коими мы владѣемъ возлѣ новаго Кар-
„ѳагена, выйдутъ изъ Европы въ
„Африку, продать тамъ древняго Кар-
„ѳагена владѣнїе. Азїя откроетъ имъ
„новые продажные земли, и новой
„способъ къ грабительству. Понтъ,
„Каппадокїя, Виѳинїя, Пафлагонїя,
„всѣ земли кои составляли особенное
„владѣнїе царствовавшихъ Госуда-
„рей въ сихъ великихъ Провинцїяхъ,
„со всенароднаго торга будутъ про-
„даны.

„ланы. А сими продажами респу-
„блическихъ владѣній пресѣкутся
„вдругъ приращеніи доходовъ общаго
„сокровища, прекратятся вѣрнѣйшіе
„сборы для платы Легіоновъ, и Римъ
„и Италія лишатся помощи, како-
„вую они получали отъ помянутыхъ
„Провинцій въ случаѣ не дорода хлѣба
„и голода.„

Цицеронъ приступилъ потомъ къ пункту о новонаселеніяхъ, которые Децемвиры долженствовали завести въ тѣхъ Италійскихъ Городахъ въ коихъ они за благо разсудятъ, и о дачѣ новопоселянамъ земель самыхъ плодоносныхъ. Онъ представилъ, что Руллъ и другіе Трибуны имѣли только въ видѣ населить сосѣдственныя Города Рима своими угодателями, дабы по томъ они могли лучше властвовать въ Римѣ и въ Правленіи.

„Но я, продолжалъ Цицеронъ, не
„объ одной только великости нашихъ
„утратъ и объ уменьшеніи общихъ
„доходовъ говорить буду. Я вопію

,,противу сего полнаго властитель-
,,ства какое Децемвирамъ приписано.
,,Страхъ мой и опасенїе произходятъ
,,паче тогда, какъ я мышлю о бла-
,,гостоянїи Отечества и о соблю-
,,денїи вольности. Ибо какъ въ то
,,время воспротивитесь вы симъ лю-
,,демъ, когда они, населя Италїю своими
,,согласниками, одни будутъ имѣть
,,въ своихъ рукахъ всѣ богатствы ре-
,,спублики? Не безпокойся о томъ,
,,скажутъ мнѣ: они полученными отъ
,,продажи деньгами тотъ часъ бу-
,,дутъ покупать земли въ самой Ита-
,,лїи по предписанїю Закона. Пу-
,,скай то будетъ такъ: но льзя ли
,,надѣяться чтобъ въ сихъ толь пло-
,,доносныхъ и толь приятныхъ мѣ-
,,стахъ сыскалось много людей, кои
,,бы желали продавать тамъ свои и-
,,мѣнїи? А естьли не сыщутся та-
,,кїе продавцы, естьли не найдутся
,,земли для покупки, на какой ко-
,,нецъ останутся въ рукахъ ихъ наши
,,деньги? Не сумнѣвайтесь, почтен-
,,ные

,,ные Отцы: естьли вы дадите имъ ,,на пять лѣтъ полную власть пред- ,,писанную Закономъ, то они воз- ,,мутъ силу никогда вамъ въ нихъ ,,не давать отчета; и естьли За- ,,конъ будетъ принятъ, то Респуб- ,,лика потеряетъ въ тотъ же день ,,свои владѣнїи, свои доходы и свою ,,вольность.,, Кратко сказать, Цицеронъ, толь доброй Правитель какъ и искусный Риторъ, говорилъ о всемъ съ свойственною ему силою и краснорѣчїемъ. Онъ ясно доказалъ что Руллъ, его Товарищи и согласники желали только набогатиться общественными деньгами, и возставить тиранство прежнихъ Децемвировъ; по чему Законъ отринутъ былъ Сенатомъ, почти единымъ отъ всѣхъ словомъ.

Хотя же Руллъ и согласники его поражены были силою доказательствъ Цицероновыхъ, и убѣдительнымъ краснорѣчїемъ сего Ритора, однако они непреминули перенести рѣшенїе сего

дѣла въ Собранїе Народа, который одинъ имѣлъ право вершить самовластно, и отъ котораго они надѣялись тѣмъ болѣ успѣха по своему желанїю, что видъ Закона казалось будто имѣлъ едину только пользу и прямое благополучїе бѣднаго Народа. Въ самомъ дѣлѣ, вообще мѣлкое людство, прельстясь землями обѣщанными въ Италїи, почитало Рулла вторымъ Гракхомъ, своимъ покровителемъ и милостивцемъ.

Но Цицеронъ, хотя вѣдалъ о расположенїи народныхъ разумовъ, не отступилъ однако отъ своей ревности и твердости. И когда насталъ назначенный день для Собранїя, то онъ приказалъ всему Сенату за собою слѣдовать. Онъ предсталъ на сборище, провождаемъ симъ почтеннымъ Обществомъ, въ предшествїи своихъ Ликторовъ, и со всѣмъ великолѣпїемъ верьховнаго Правителя Республики. По томъ возшелъ на витїйственный Трибунъ, и не взирая

ни на злословіи Трибуновъ, ни на крамолы народные, началъ рѣчь, чтобъ представить Народу сколь противенъ былъ сей новый Законъ истинной его пользѣ и общей вольности.

И какъ онъ долженъ былъ говорить къ людству предубѣжденному отъ Трибуновъ, и неимущему вѣры ни къ каковому представленію отъ стороны Сената, то онъ, какъ искусный Риторъ, далъ прежде такой оборотъ своему слову, которой долженъ былъ привлечь народную довѣренность. Онъ началъ изъявленіемъ Народу, что онъ Плебеянинъ породою, произходитъ изъ степени рыцарей, и долженъ самому Народу честью Консульскаго Достоинства.

„Я, говорилъ онъ, перьвый человѣкъ простаго рода, котораго вы „удостоили въ Консулы въ вѣкъ „нашъ; и избраніемъ меня вы отняли у Вельможей мѣсто, которое всегда знатными людьми заступалось,

„и которое они защищали всѣми сво-
„ими силами. Вы меня возвысили на
„сїю степень толь единодушными го-
„лосами, что никогда, ни какой Па-
„трикій, не восходилъ на оную съ
„равною почестью, и ни какой Пле-
„беянинъ не вступалъ въ Консуль-
„ство съ такою славою. И къ угу-
„сублéнїю моей привязанности и бла-
„годарности къ Народу, вы, въ Со-
„бранїи учиненномъ для моего возве-
„денїя, не употребляли даже сихъ
„билетцевъ коими вольность обра-
„щается въ тайну. Но вы возвели меня
„на сїе высокое Достоинство всена-
„родными кликами и изъявленїями,
„кои можетъ быть дѣлаютъ славу
„мою болѣ нежели самое Достоин-
„ство которымъ вы меня почтили.
„И такъ, происходя изъ простаго ро-
„да, Плебеянской крови, и будучи
„обязанъ моимъ Достоинствомъ На-
„роду, я объявляю не обинуясь предъ
„цѣлымъ Обществомъ Сената и предъ
„всѣми Патрикїями, что я буду Кон-

сулъ

„сулЪ защититель Народа; что я „за верьхЪ всего ставлю сохраненїе „пользы сего Народа, коему я толь „много долженЪ, и сколько могу пре-„пятствовать буду, чтобЪ не бы-„ло пресѣчено нужное снабденїе со-„кровища, изЪ котораго онЪ извле-„каетЪ главную себѣ помощь, и во „время войны прокормленїе.

„Я конечно не опровергаю всѣхЪ „ЗаконовЪ, кои касаются до раздѣ-„ла земель, и нѣкоторые изЪ нихЪ „почитаю. Никогда мною не будутЪ „забвенны двое Гракхи благодѣте-„ли Народные, сїи двое славные бра-„тья, которые жертвовали своею „жизнью для изходатайствованїя На-„роду земель, коими сильные люди „неправо владѣли. ЗаконЪ СемпронїевЪ „всегда останется почтенЪ и святЪ „для людей добродѣтельныхЪ. Но я „не могу согласиться на тотЪ За-„конЪ которой вамЪ РуллЪ предла-„гаетЪ. ОнЪ, чтобЪ обольстить „васЪ, представляетЪ вамЪ пустое

 „при-

"привиденіе земель, кои онъ дать
"вамъ не властенъ. Подъ симъ бла-
"гонамѣреннымъ видомъ, онъ хочетъ
"разрушить вольность, и содѣлать-
"ся Тираномъ Республики. О томъ
"я хочу вамъ ясно представить; и
"естьли послѣ словъ моихъ вы не-
"будете довольны основаніемъ моихъ
"доказательствъ, то я отступлю
"отъ своего перваго мнѣнія. Я при-
"му отъ васъ Законъ, подпишу его,
"и пристану къ оному, какъ Консулъ
"народолюбитель, по большему числу
"голосовъ вашихъ.,, Тогда взявъ За-
конъ, онъ прочелъ его съ начала до
конца; и такъ какъ, опровергая его
въ Сенатѣ, наиболѣ давалъ разу-
мѣть что установленіе Децемвировъ
разрушитъ власть прежнихъ Началь-
никовъ, онъ распространилъ рѣчь
говоря къ Народу, наипаче о пун-
ктахъ кои повреждали его вольность,
и о правѣ которое каждый Гражда-
нинъ имѣетъ содѣйствовать своимъ
голосомъ во всѣхъ избраніяхъ, и рѣ-

шить

шить о Законахъ кои должно принять или откинуть.

„Первый пунктъ Закона, говорилъ „онъ, повелѣваетъ, чтобъ предложи„тель онаго ставилъ Децемвировъ „голосами семнатцати Трибовъ ото„бранныхъ по жеребью, и чтобъ тотъ „почитался удостоеннымъ кого де„вять Трибовъ выберутъ. Я спро„шу въ началѣ, для чего сей дер„зостной Трибунъ смѣетъ отнимать „голосное право у осмнатцати Три„бовъ? Бывалъ ли когда нибудь та„кой примѣръ въ Республикѣ, чтобъ „производились Тріумвиры или Де„цемвиры, безъ содѣйствія въ томъ „тритцати пяти Трибовъ? Какое „имѣетъ намѣреніе сей Трибунъ, же„лая ввести толь странную новость „въ наше Правленіе? Вы тотъ часъ „то увидите. Онъ довольно дока„залъ свой пространной разумъ въ „изобрѣтеніяхъ: но только не дока„залъ усердія и вѣрности къ Рим„скому Народу. Не доказалъ намъ

„справедливости въ своихъ вымы-
„слахъ, такъ какъ конечно не ува-
„жалъ ни ваши правы, ни вашу и-
„стинную пользу при составленіи
„своего Закона.„

„Руллъ предписываетъ по томъ,
„чтобъ Издатель Закона первенство-
„валъ въ Собраніи Римскаго Народа, то
„есть чтобъ Руллъ повелѣвалъ быть
„Собранію подъ его волею. Тотъ же
„Руллъ, не оставляя ни какой вла-
„сти всему Обществу Римскаго На-
„рода, приказываетъ, чтобъ Трибы
„для поданія голосовъ отобраны бы-
„ли по жеребью; и какъ онъ тамъ
„будетъ Главный, притомъ умѣетъ
„владѣть щастьемъ, то и выйдутъ
„изъ Урны имена тѣхъ Трибовъ кои
„ему наиболѣ приятны. А изъ того
„слѣдуетъ, по Руллову искуству въ
„щастіи, что наименованные Децем-
„виры помянутыми девятью Триба-
„ми отъ нево избранными, будутъ
„подъ Рулловымъ предводительствомъ
„наши Господа и властители, и пол-
„ные

„ные Повелители надъ нашими имѣнія-
„ми. Бывалоли когда нибудь пред-
„лагаемо установленіе столь неспра-
„ведливое, столь дерзкое, и столь
„противное всѣмъ нашимъ Законамъ!
„Кто же издатель сего новаго За-
„кона? Руллъ. Кто же тотъ ко-
„торый хочетъ отнять голосное пра-
„во у большой части Народа? Руллъ.
„Кто же тотъ который имѣетъ
„особое искуство выпускать изъ Урна
„имена тѣхъ Трибовъ въ которыхъ
„онъ чаетъ имѣть наиболѣ силы?
„Руллъ. Кто же тотъ который
„будетъ ставить Децемвировъ для
„своихъ видовъ и своей собственной
„пользы? Руллъ. Кто же будетъ пер-
„вый изъ сихъ Децемвировъ? Безъ
„сумнѣнія, Руллъ. На конецъ кто
„будетъ полный Властитель надъ
„всѣми Государственными имѣніями?
„одинъ Руллъ. Вотъ господа Граж-
„дане къ чему вы принуждаетесь: вы
„которые властвуете и царствуете
„надъ всѣми Народами. Едвали было

„бы

„бы терпимо таковое безчестное „правонарушенïе въ самыхъ Тиран„скихъ Областяхъ, и между сущими „невольниками „

Цицеронъ, потщившись возбудить озлобленïе Народа противу умысла на его самые Законные правы, сталъ потомъ говорить и о другихъ пунктахъ Закона. Онъ представилъ при каждомъ пунктѣ несправедливость и неудобность въ исполненïи. Онъ повторилъ, говоря сïю вторую рѣчь, часть того, что отъ него было предст..влено въ полномъ Сенатѣ. Къ тому прибавилъ что человѣкъ, который безъ всякой законной власти заставляетъ выбрать себя въ Децемвиры противу обыкновенныхъ обрядовъ, поставитъ себѣ безъ сумненïя принадлежащимъ правомъ, продать владѣнïе Республики по такой цѣнѣ какъ ему угодно, и тому кому захочетъ. „Какое воровство! вскри„чалъ Консулъ, не разумѣемъ ли мы „того что продавецъ и купецъ ча-

„сто

„сто будетъ тотъ же одинъ чело-
„вѣкъ, которой въ томъ и въ дру-
„гомъ барышь свой вычислилъ: хотя
„прямой купецъ и былъ бы пред-
„ставленъ намъ подъ чужимъ видомъ
„и подъ чужимъ именемъ? Но гдѣ
„будетъ производиться таковая про-
„дажа? Чаете ли вы на сборномъ
„мѣстѣ передъ глазами Гражданъ на-
„шихъ, такъ какъ поступаютъ Цен-
„соры, когда отдаютъ на откупъ
„доходы республики? Нѣтъ, Господа
„мои; рулль и его Товарищи, не и-
„мѣютъ нужды въ таковомъ народ-
„номъ свидѣтельствѣ. Они ищутъ
„неизвѣстныхъ мѣстъ, гдѣ бы об-
„манъ ихъ и воровство не видны
„были. Издатель Закона, преду-
„преждая всякїя неспособности, на-
„писалъ, что они будутъ имѣть во-
„лю, производить сїю продажу тамъ
„гдѣ за благо разсудятъ.„

Надлежало бы перевести обстоя-
тельно три прекрасные рѣчи, кои Ци-
церонъ говорилъ при семъ случаѣ,
естьли

естьли бы нужно было представить съ подробностью всѣ доказательствы произнесенныя симъ славнымъ риторомъ противу изданія толь вреднаго Закона. Онъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ и съ такою силою, что Народъ увѣрился по томъ о не возможности, принять сей Законъ безъ гибели своей вольности и безъ разрушенія республики. Всѣ представленіи Рулла и его Товарищей отринуты были общимъ согласіемъ. По тому Цицеронъ, въ рѣчи своей противу Пизона, сказалъ: „Я освободилъ, съ перваго дня Генваря, Сенатъ и всѣхъ добрыхъ людей отъ страха Руллова Закона.„

Но онъ не такъ удобно могъ разрушить опасность, какая чувствуема была въ Городѣ отъ злоумышленій Катилины и его согласниковъ, хотя всѣ не равно слышали о его намѣреніяхъ. Слухъ о томъ носился въ Римѣ разнымъ образомъ. Тѣ кои были паче склонны къ сему Предводителю

телю Общества, сказывали что онъ шелъ только противу Цицерона, которой сталъ ненавистенъ Катилинѣ, по причинѣ предпочтенія сдѣланнаго ему въ послѣднемъ Консульскомъ избраніи. Другіе же говорили, что сей властолюбивый Патрикій, воспитанный подъ самовластнымъ правленіемъ Силлинымъ, добивался, въ отсудствіе и отдаленіе Помпеево, возобновить по примѣру перваго въ своей особѣ безпрестанное Диктаторство. А таковые слухи, безъ извѣстія отъ кого они произходили, запутывали правду съ неправдою, и умножали безпокойство Сената, равно какъ страхъ людей живущихъ въ тишинѣ и добродѣтели.

Цицеронъ зналъ о томъ обстоятельнѣе. Фульвія, о которой уже говорено было, открывала ему все что слышала отъ Курія своего любовника, бывшаго въ числѣ предводителей сего заговора умышленнаго противу Республики. Но едино только

сви-

свидѣтельство безславной женщины не довольно было для изслѣдованія дѣла по строгости Законовъ, противу человѣка толь знатнаго рода каковъ былъ Катилина, котораго родня и друзья были изъ первыхъ людей въ Римѣ и изъ главныхъ въ Сенатѣ. Консулъ видѣлъ по тому, что онъ имѣлъ нужду въ другихъ болѣ твердыхъ изобличеніяхъ и въ болѣ вѣроятныхъ свидѣтельствахъ. Онъ разослалъ тайно развѣдчиковъ во всѣ сонмищи; къ тому подкупилъ нѣкоторыхъ изъ согласниковъ заговора, кои, сговорясь съ нимъ, нарочно показывали своимъ Товарищамъ всевозможное усердіе къ произведенію въ дѣйство ихъ предприятія. Помощью сихъ подкупленныхъ людей, онъ узналъ всѣ Катилины намѣреніи, разныя разсужденіи тѣхъ кои вошли въ его Общество, число и званіе ихъ согласниковъ, и общіе и особенные виды всѣхъ умышленниковъ заговора.

Какъ онъ всегда имѣлъ между сими возмутителями вѣрныхъ людей, что былъ нѣкоторымъ образомъ присудственъ при ихъ словахъ, ихъ совѣтахъ, и можно сказать при ихъ мысляхъ. Онъ свѣдалъ съ толикимъ удивленїемъ какъ и прискорбностью, что сїи злодѣи общества вознамѣрялись зажечь съ разныхъ сторонъ Городъ; а во время смятенїя и тревоги, какая должна произойти при общемъ почти пожарѣ, они уговорились переколоть главныхъ Сенаторовъ въ самыхъ домахъ ихъ; между тѣмъ ввести въ Городъ войско подъ предводительствомъ Манлїевымъ, чтобъ овладѣть Римомъ и Правленїемъ. Тѣмъ времянемъ какъ злоумышленники ласкались получить, отъ успѣха пагубныхъ ихъ намѣренїй, неизчетныя богатства и полное властительство, въ Римъ пришелъ слухъ, что Помпей, покоривъ главную часть Востока, идетъ обратно въ Италїю съ побѣдоноснымъ оружїемъ. Катилина,

устрашенъ таковою вѣдомостью могущею разрушить всѣ его намѣренія, умыслилъ произвесть не мѣшкавъ свое предпріятіе. Онъ совѣщевается съ главными изъ своего общества; уговариваетъ каждаго особо; возобновляетъ свои обѣщанія, и льститъ ихъ надеждами удовольствовать всѣ ихъ желанія въ перемѣнѣ Правленія. На конецъ собираетъ ихъ ночью въ сокровенное мѣсто въ домѣ Марка Лекки, и представляетъ имъ, что возвращеніе Помпеево можетъ разстроить всѣ ихъ намѣренія, естьли они не будутъ имѣть отваги предупредить его возвращеніе; что предпріятіе льзя легко исполнить, въ то время какъ нѣтъ еще войска ни въ Римѣ ни въ Италіи, и что неприятели ихъ будутъ въ рукахъ, прежде нежели могутъ предостеречься отъ гибели которая имъ изготовлена.

„Вы можете, говорилъ онъ имъ, „естьли хотите, завтре же быть „Господами въ Римѣ. Помпей еще да-

„лекъ

,,лекѣ отсюда, Городѣ теперь не ,,имѣетѣ защищенія, и Сенатѣ со-,,стоитѣ изѣ слабыхѣ людей, удру-,,ченныхѣ старостію, или проводя-,,щихѣ свое время вѣ забавахѣ и праздности. Мы напротиву того не имѣ-,,емѣ недостатка ни вѣ силахѣ ни ,,вѣ смѣлости. Число людей у насѣ ,,довольно, и большая часть еще зна-,,тныхѣ изѣ перьвыхѣ Домовѣ Респу-,,блики. Народѣ, всегдашній непри-,,ятель Сената соединится сѣ нами; ,,и мы имѣемѣ внѣ Рима подкрѣпляю-,,щихѣ насѣ всѣхѣ бывшихѣ воиновѣ Сил-,,линыхѣ, кои совокупно подѣ предво-,,дительствомѣ Манліевымѣ ждутѣ ,,только вашего повелѣнія. Успѣхѣ ,,зависитѣ единственно отѣ вашего ,,предприятія, и отѣ немедлѣннаго ,,исполненія; а по томѣ вы можете ,,имѣть чины, чести и богатствы ,,вѣ рукахѣ вашихѣ.,,

Рѣчь сія принята была сѣ изъявленіемѣ великаго удовольствія. По томѣ разсуждаемо было о мѣрахѣ вѣ

предпріятіи, и самые жесточайшіе средствы наиболѣ похвалены были. А какъ прозорливость и твердость Цицеронова дѣлала имъ опасность, то они согласились въ началѣ убить сего Мужа, котораго власть по его Консульскому Достоинству, много была препятственна исполненію ихъ намѣреній. Положено было въ тожъ время зажечь во многихъ мѣстахъ Городѣ, пересѣчь воденые каналы кои сообщаютъ воду, чтобъ отнять способы тушить пожары, переколоть всѣхъ Сенаторовъ, и оставить животъ однимъ только Помпеевымъ дѣтямъ, дабы держать ихъ у себя защитительнымъ залогомъ противу силы и мщенія Отцова; Катилинѣ же принять повелительство надъ войсками кои набралъ Манлій, и утвердить власть свою во всей Области, какъ прежде поступилъ Силла: такъ чтобъ онъ могъ перемѣнять и самой образъ Правленія, когда польза ихъ того востребуетъ. Цетегъ и одинъ

рим-

римской рыцарь по имени Корнелій вызвались пойти умертвить Цицерона въ его домѣ. Ночь передъ Сатурнальскими праздниками назначена была для произведенія общаго пожара въ Римѣ.

Совѣтъ сей конченъ былъ великимъ пиршествомъ, за которымъ слѣдовали безчестнѣйшіе забавы, и сіи позорные дѣйствіи кои само естество отвергаетъ въ человѣчествѣ. Повѣствуютъ что молодые люди не имѣли стыда быть подлѣйшими угождателями сладострастія своихъ въ заговорѣ Предводителей, и что Катилина, дабы ввести въ ненарушимое обязательство всѣхъ умышленниковъ, по неистовомъ и безчеловѣчномъ дѣйствіи, подносилъ имъ кубокъ налитой человѣческою кровью съ виномъ смѣшанною, изъ котораго они всѣ должны были припить въ знакъ своей вѣрности. Но нѣкоторыя изъ сихъ произшествій не со всѣмъ утверждены по Исторіи, и можетъ быть таковыя

ковыя повѣсти взяты были только отъ общаго предубѣжденія, каковое люди тогда имѣли противу толь вреднаго человѣка: а предубѣжденіе о худомъ человѣкѣ легко заставляетъ насъ вѣрить, что по вступленіи въ наивеличайшее злодѣйство, каково было умышленіе Катилинино, онъ не дѣлалъ себѣ препятствія производить всѣ гнусныя дѣла и безпутствы, которыхъ корень разпространился въ его сердцѣ.

Едва умышленники заговора разошлись изъ Собранія, какъ уже Цицеронъ увѣдомленъ былъ чрезъ Фульвію о гибели которая приготовлялась республикѣ, и объ особомъ умышленіи противу его жизни. А по колику онъ былъ добропорядоченъ въ своей жизни, благоразуменъ, умѣренъ, и въ протчемъ весьма искусенъ въ дѣлахъ, то онъ бралъ великое преимущество надъ безпутными и неистовыми людьми, кои составляли свои умыслы въ пьянствѣ и роскоши.

скоши. Онъ принялъ тотъ часъ въ домѣ своемъ предосторожности. Цетегъ на другой день на разсвѣтѣ, пришелъ было къ нему въ домъ, подъ тѣмъ видомъ что онъ имѣлъ нѣчто важное сообщить Консулу: однако не былъ допущенъ его видѣть. Онъ возвратился произнеся жалобы и угрозы, кои служили только къ пущему о немъ подозрѣнію.

Между тѣмъ Цицеронъ, не имѣя довольно полной власти для испровержения толь опаснаго общества, созвалъ Сенатъ. Онъ явился туда въ послѣдовании великаго числа своихъ друзей и Клиентовъ. И какъ онъ имѣлъ предосторожность вздѣть на себя латы подъ епанчею, то нарочно ихъ показывалъ, чтобъ дать знать о приготовляемой ему гибели. Онъ донесъ Сенату объ ужасныхъ намѣренияхъ отъ стороны злообщниковъ; представилъ Собранию, что Республика имѣетъ враговъ внутри и внѣ Рима, и что въ то же время

какЪ Катилина умышляетЪ зажечь ГородЪ, истребить СенатЪ и Согражданъ своихЪ, Манлій съ своей стороны старается возмутить противу Рима Етрурію; что онЪ собралЪ подЪ свое повелѣніе всѣхЪ разбойниковЪ вЪ Италіи; что жители Силлиныхъ новопоселеній, и отставные воины сего Диктатора, расточивЪ нажитки отЪ своихЪ разбоевЪ вЪ праздности и роскошахЪ, пристали кЪ сему бунта Предводителю, и вознамѣрились притти вЪ РимЪ, возобновить прежнія жестокія на смерть прописаніи, каковы произвели Марій и Силла.

КакЪ находилось множество злообщниковЪ между самыми Сенаторами, то ЦицеронЪ не разсудилЪ за благо наименовать тѣхЪ отЪ коихЪ онЪ свѣдалЪ тайну сихЪ пагубныхЪ намѣреній. Но онЪ имѣлЪ толь великую довѣренность по своему извѣстному праводушію, что СенатЪ, не требуя отЪ него ни какихЪ доказательствЪ

тельствъ и свидѣтелей на то что онъ донесъ Сенаторамъ, опредѣлилъ общимъ Приговоромъ: *чтобъ Консулы употребили предосторожности дабы не послѣдовало вреда Республикѣ.* То былъ древній обрядъ Приговора, по которому сіи Правители получали самую пространную власть, ввѣряемую имъ при однихъ только случаяхъ угрожающей Государству опасности.

Цицеронъ, взявъ полную власть, съ согласіемъ своего Товарища, посылаетъ тотъ часъ Сенаторовъ и честнѣйшихъ людей въ Республикѣ по главнымъ Городамъ въ Италіи, для воздержанія Народа въ своей должности. Онъ учредилъ тогда же въ разныхъ частяхъ Рима караулы, чтобъ подсматривать и ловить зажигальщиковъ. Сенатъ, по его совѣту, для полученія лучшаго о заговорѣ свѣдѣнія, обѣщеваетъ прощеніе виновнымъ и денежное награжденіе тѣмъ людемъ изъ сообщниковъ заговора кои донесутъ объономъ. Но сіи бездѣльники

толь крѣпко были соединены вмѣстѣ, и толь тверды въ своемъ злодѣйственномъ намѣренїи, что изо всего великаго числа злообщниковъ бывшихъ въ Римѣ или въ войскѣ Манлїевомъ, не нашелся ни одинъ, котораго бы страхъ казней, или надежда награды заставили открыть пагубныя предприятїи своихъ Товарищей. Мѣлкой Народъ, всегда жадный къ новости, болѣ еще способствовалъ сему заговору: ласкаясь по своему обыкновенїю, что его состоянїе поправится отъ перемѣны Правленїя и отъ мятежа въ Государствѣ. Катилина, то самъ собою, то чрезъ своихъ подсыльщиковъ, разсѣвалъ, между людьми всякаго званїя, мятежныя и возмутительныя мысли, къ которымъ приставали Сенаторы, Рыцари, Плебеяне, и даже невольники вошли въ Общество сего заговора.

Намѣренїи ихъ открылись подробнѣе, чрезъ пакетъ которой невѣдомой человѣкъ отдалъ привратнику

Крас-

Крассову. Въ семъ пакетѣ найдены были письма, писанныя къ разнымъ людемъ, всѣ безъ имяни, и одно безъ надписи. Крассъ его разпечаталъ. Онъ нашелъ въ немъ всѣ предприятіи злоумышленниковъ, и ему въ семъ письмѣ совѣтывано было, естьли хочетъ спасти жизнь свою, выйти немедлѣнно изъ Рима. Какъ всѣ вѣдали что онъ всегда имѣлъ особую приязнь съ Катиллиною, то предостерегаясь чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія, онъ отнесъ сей пакетъ къ Консулу, который прочелъ помянутыя письма въ полномъ Сенатѣ. Между тѣмъ какъ собраніе разсуждало о сихъ важныхъ увѣдомленіяхъ, Катилина пришелъ туда, такъ какъ будто бы разсужденіи со всѣмъ не до него касались. Но когда онъ, въ званіи Сенатора, хотѣлъ сѣсть въ свое мѣсто, то всѣ его Товарищи оставя его пересѣли: никто не хотѣлъ остаться сидѣть съ нимъ рядомъ. Цицеронъ, первенствуя въ Собраніи, не

не могъ удержать своего негодованія, и устремилъ къ нему свое слово, съ симъ поразительнымъ краснорѣчіемъ каковымъ могъ языкъ его приводить въ трепетъ злодѣевъ. „Долго ли Ка„тилина, говорилъ онъ ему, будешь „ты приводить въ крайность тер„пѣнье наше? Долго ли будемъ мы ви„дѣть противу насъ твою неисто„вую злобу? До чего еще хочешь „ты простирать твою ненаказан„ную дерзость? Не могъ ли ты при„мѣтить, по безпрестанной стражѣ „въ Городѣ, по страху народа, по „поступкамъ Сенаторовъ, что всѣ „твои намѣренія намъ извѣстны? Вѣр„ные люди примѣчаютъ всѣ твои „движенія. Ты не можешь толь скры„тно производить твоихъ совѣтовъ „чтобъ я о томъ не былъ увѣдом„ленъ. Я присудствую за очно при „твоихъ словахъ, и даже мысли твои „отъ меня не скроются. Чаешь ли „ты что я не вѣдаю что произхо„дило послѣднею ночью въ домѣ Мар„ки

„ки Лекка? Не разпредѣлялъ ли ты
„тамъ Чиновъ, и не раздѣлялъ ли
„Италїю на части твоимъ сообщни-
„камъ? Однимъ ты опредѣлилъ быть
„въ полѣ подъ повелѣнїемъ Манлїе-
„вымъ, другимъ остаться въ Городѣ,
„и зажечь его съ разныхъ сторонъ
„чтобъ изтребить Сограждан̃ъ тво-
„ихъ. При помощи же пожарнаго не-
„стройства и смятенїя, ты опре-
„дѣлилъ убить Консула въ его домѣ,
„и убить большую часть Сенато-
„ровъ. Сенатъ, сїе достопочтенное
„и сїе благодѣтельное Общество вѣ-
„даетъ о всемъ подробно, и Кати-
„лина дышетъ, и еще господствуетъ!
„Онъ еще имѣетъ честь и присуд-
„ствовать въ нашемъ Обществѣ, слы-
„шитъ безстыдно наши слова, и смо-
„тритъ на насъ какъ на свою жер-
„тву! Онъ теперь же замѣчаетъ кого
„изъ насъ предать смерти, и мы
„столь терпѣливы, или лучше ска-
„зать столь слабы, что мы менѣ
„помышляемъ наказать его злодѣянїи

„неже-

„нежели сохранить себя отъ его „злобы „

Катилина выслушалъ сїю поразительную рѣчь съ совершеннымъ лицемѣрствомъ, и въ отвѣтъ на то заклиналъ Сенатъ не вѣрить клеветамъ его неприятеля, *человѣка произшедшаго изъ подлости*, которой не имѣетъ въ Римѣ ниже собственнаго своего дома, и которой вымыслилъ составленїе заговора, чтобъ тѣмъ выслужиться и приобрѣсть имя защитителя Отечества. Онъ присовокупилъ къ тому другїе злорѣчїи противу Цицерона, но они перебиты были общимъ шумомъ въ Собранїи, такъ что не слышны были слова его. Слышны же были въ Сенатѣ одни только имена зажигателя, кровоубїйцы и врага Отечества. Катилина, пронзенъ сими укорами, блѣднѣя отъ злобы, и сверкая глазами неистово, вскричалъ внѣ себя; что когда его до того доводятъ, то онъ по малой мѣрѣ погибнетъ не

одинъ,

одинъ, а повлечетъ за собою и тѣхъ кои погубить его желаютъ. Онъ вышелъ тотъ часъ изъ Сената, и собралъ въ домъ къ себѣ Лентула, Цетега, и главныхъ Предводителей заговора. По увѣдомленіи же ихъ о произшедшемъ въ Сенатѣ, онъ представилъ имъ, что нѣтъ болѣ ему спасенія въ Римѣ; что онъ принужденъ ѣхать для предводительства войскъ, кои Манлій содержалъ въ разныхъ мѣстахъ Етруріи, и что онъ, по соединіи сихъ войскъ во едино, подступитъ съ силою къ Риму; что они, съ своей стороны, оставаясь въ Городѣ, должны употребить всю свою возможность чтобъ умертвить Консула, единственнаго соперника который можетъ противиться успѣху ихъ предприятій; что онъ особливо проситъ ихъ, подзывать къ себѣ молодыхъ и добрыхъ людей въ Римѣ, и умножать число ихъ согласниковъ.

Онъ отправился въ слѣдующую ночь, съ тремя стами вооруженныхъ человѣкъ, и явился къ Манлїю. Собравъ же войски и объявя себя въ нихъ Начальникомъ, онъ принялъ всѣ должные знаки Законнаго Правительства, и велѣлъ передъ собою ходить служителямъ, кои носили какъ Ликторы пуки прутьевъ съ сѣкирами. Сенатъ, увѣдомясь о семъ явномъ бунтѣ, повелѣлъ Консулу Антонїю, выступить немедлѣнно съ Легїонами противу возмутителей, Цицерону же остаться въ Городѣ для охраненїя онаго.

Между тѣмъ Лентулъ и другїе Предводители заговора старались, по наставленїямъ Катилининымъ прибирать къ себѣ новыхъ согласниковъ. Наипаче они желали привлечь въ свое Общество Посланниковъ отъ Аллоброговъ, правившихъ тогда Посольство въ Римѣ. Они присланы были просить Сенатъ, о сбавкѣ податей на нихъ наложенныхъ, отъ коихъ они

разоря-

разорялись, будучи должны изъ многихъ лѣтъ заимодавцамъ толь великїе лихвы что они превосходили сумму всего ихъ стяжанїя. Но ненасытное корыстолюбїе лихостяжателей, и непреклонность Правителей препятствовали вспоможенїю ихъ бѣдности. Самое владѣнїе земель ихъ мало было для оплаты долговъ ихъ, и они доходили до той крайности, что сборщики должны были продавать женъ и дѣтей ихъ, какъ невольниковъ, для взысканїя съ нихъ дани; которую они платить были не въ состоянїи.

Лентулъ, вѣдая сколь сїи Посланники озлоблены были противу Общества Сената, предпринялъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ. Аллоброги были храброй народъ, и онъ уповалъ получить отъ нихъ сильную помощь, естьли только можетъ ихъ склонить къ тому чтобъ они приняли оружїе и присоединились къ Катилинину войску. Умбренъ, одинъ

изъ согласниковъ заговора, имѣя нѣкоторую знаемость съ сими Посланниками, вступилъ съ ними въ переговоры отъ своего общества. Подъ видомъ что онъ принимаетъ участїе въ успѣхѣ дѣлъ ихъ, онъ спрашиваетъ у нихъ какой конецъ имѣть они надѣются: *нѣтъ другаго кромѣ смерти*, они ему отвѣтствовали, *когда Сенатъ не склоняется на наши справедливыя жалабы.* Умбренъ, чтобъ приобрѣсть болѣ ихъ къ себѣ довѣвѣренность, оказываетъ свое сожалѣнїе, порочитъ жестокость Сената, предлагаетъ имъ свои услуги и ходатайство друзей своихъ, заставляетъ нѣкоторыхъ говорить въ ихъ пользу, и старается по видимому о ихъ облегченїи. Сїи наружные услуги заставили ихъ видѣться чаще; частое свиданье нечувствительно произвело между ими довѣренность; а изъ довѣренности родилась на конецъ тѣсная дружба и согласїе. Тогда Умбренъ объявляетъ имъ, будто за тайну,

тайну, что они не могутъ ничего надѣяться отъ Сената, которой въ основаніе своей политики старается всегда содержать подданныхъ республики въ бѣдности и униженіи. Онъ даетъ знать при томъ, что есть однако средство освободиться имъ отъ своего нещастія и избавиться отъ долговъ своихъ, но что сіе средство требуетъ великой скромности и великой смѣлости. Сіи Посланники изъявляютъ ему, что они готовы все предприять чтобы ни было, естьли только могутъ освободить свою землю отъ тиранства лихоимцевъ, при чемъ заклинаютъ Умбрена открыть имъ способъ чтобъ разорвать ихъ узы. Но сей Римлянинъ не разсудилъ за благо изъяснить имъ помянутой способъ, не поговоря прежде съ Лентуломъ и другими Предводителями заговора. Онъ похваленъ былъ отъ Товарищей за его поступокъ въ семъ дѣлѣ, и чтобъ дать болѣ важной видъ переговорамъ съ По-

сланниками, они приобщили къ нему Габинія. Сіи два человѣка произвели совѣтъ съ Аллоброгами въ домѣ Семпроніи.

Габиній, взявъ отъ нихъ крѣпчайшую клятву, открылъ имъ разположеніе заговора, число и силы согласниковъ, и нарочно увеличилъ оныя чтобъ показать предпріятіе ихъ болѣ основательнымъ. Онъ прибавилъ, что естьли Аллоброги примутъ оружіе и присоединятся къ Катилинѣ, то могутъ получить крѣпчайшія увѣреніи какихъ они желаютъ объ общемъ уничтоженіи всѣхъ долговъ ихъ.

По сдѣланіи таковыхъ предложеній, они разстались и условились собраться въ слѣдующую ночь чтобъ утвердить нѣкоторымъ образомъ сей заведенной между ими Трактатъ. Но сіи Посланники какъ скоро вышли изъ совѣта, то возчувствовали весь страхъ гибели, въ которую они влекли своихъ единоземцевъ, и неизвѣ-

стность

стность успѣха произвела въ нихъ сильное безпокойство и сомнѣніе. Разные размышленіи воспротивились ихъ перьвымъ мыслямъ: хотя они и видѣли съ одной стороны войско въ полѣ, подкрѣпляемое въ Римѣ сильнымъ обществомъ составленнымъ изъ Благородныхъ и перьвыхъ людей въ Городѣ; но съ другой напротиву находили Законную власть, Консуловъ, Сенатъ и Легіоны. Сверьхъ того они могли ласкать себѣ что открывъ тайну заговора заслужатъ въ награду упущеніе, или по малой мѣрѣ уменьшеніе, платежа ихъ.

Въ таковомъ недоумѣніи, они положили не дѣлать ничего не посовѣтовавъ съ Квинтомъ Фабіемъ Сангою, которому поручено было представительствовать за Аллоброговъ по обычаю того времяни; ибо у Римлянъ каждой народъ, подданной или союзной Республикѣ, имѣлъ въ Сенатѣ своего особаго Покровителя которой старался о его пользѣ.

 Санга,

Санга, изЪясня имЪ гнусность и опасность таковаго предприятїя, пошелЪ тотЪ часЪ по согласїю сЪ ними кЪ Консулу, увѢдомить его о предложенїяхЪ какїя симЪ ПосланникамЪ были сдѢланы. ЦицеронЪ хотѢлЪ ихЪ самЪ видѢть. ОнЪ преклонилЪ ихЪ на свою сторону, болѢ твердыми обнадеживанїями и обѢщанїями нежели тѢ коими льстили ихЪ злообщники. Они совершенно предались вЪ его волю, и согласясь сЪ нимЪ требовали отЪ преступныхЪ предложителей вступить вЪ договорЪ сЪ самими Предводителями заговора.

ЛентулЪ, ЦетегЪ, Статилїй и главные вЪ семЪ умышленїи тайно собираются вЪ нѢкоторое мѢсто по общему условїю. Посланники отЪ АллоброговЪ кЪ нимЪ являются. ДѢло для котораго они собрались вновь было представлено. Умышленники заговора представляютЪ имЪ всѢ выгоды и удобности онаго; Абрологи изЪявляютЪ имЪ напротиву того свои

опа-

опасности и требуютъ вѣрнаго въ томъ ручательства. Напослѣдокъ по многихъ затрудненіяхъ они притворяются что будто согласились. Трактатъ былъ на бѣло переписанъ, и они заручаютъ его обще со всѣми Предводителями заговора. Они испрашиваютъ чтобъ написанъ былъ другой такой же и съ подписаніемъ всѣхъ тѣхъ же особъ, которой бы имъ былъ ввѣренъ, для того, говорили они, чтобъ могли сообщить его Начальникамъ своей земли, кои увидя подписаніе толь знатныхъ и великихъ людей, скорѣе согласятся войти въ ихъ предприятіе. Положено было, чтобъ они отправились изъ Города ночью въ свою землю, и заѣхали бы въ станъ Катилининъ, для утвержденія отъ него Трактата. Лентулъ далъ имъ письма къ сему Предводителю общества, кои содержали главныя тайны заговора, и мѣры какія онъ принялъ съ своими сообщниками для погубленія Консула

и большой части СенаторовЪ. ОдинЪ же изЪ умышленниковЪ, по имяни Волтурсій, Города Кротона, принялЪ на себя должность препроводить сихЪ ПосланниковЪ, и донести КатилинѢ изустно обЪ обязательствахЪ сдѢланныхЪ для вооруженія сЪ ними АллоброговЪ.

ЦицеронЪ, узнавЪ отЪ АллоброговЪ что они долженствовали вЪ слѢдующую ночь отЪѢхать, посылаетЪ скрытно двухЪ ПреторовЪ сЪ нѢсколькимЪ числомЪ воиновЪ перенять дорогу, и сіи люди остановились стеречь ихЪ на МильвіенскомЪ мосту, чрезЪ которой имЪ надлежало Ѣхать. КакЪ скоро Аллоброги появились у онаго, то остановлены были на пути со всѢми бывшими сЪ ними. Они отдаются ПреторамЪ безЪ сопротивленія, какЪ будто удивясь и оробѢвЪ отЪ таковой нечаянной встрѢчи. СЪ ними вмѢстѢ взятЪ былЪ Волтурсій, и сундучокЪ вЪ которомЪ находились письма кЪ КатилинѢ отЪ его сообщниковЪ.

Консулъ, тогда имѣя въ рукахъ ясные доводы ихъ злоумышленія, созвалъ на разсвѣтѣ Сенатъ въ Храмъ Конкордіи (Согласія), и приказалъ забрать подъ караулъ Лентула, Цетега, Статилія, Габинія и Цепарія, кои представлены по томъ изъ подъ стражи въ Собраніе. Въ то же время представлены были и Посланники отъ Аллоброговъ купно съ Волтурсіемъ, которой, по обѣщанномъ прощеніи вины его, открылъ всю тайну заговора. Прочтены были передъ всѣми ихъ письма, и Лентулъ, будучи въ томъ изобличенъ собственнымъ своимъ подписаніемъ, принужденъ былъ тотъ часъ сложить съ себя Преторское Достоинство. Онъ отдалъ тогда свою багряницу, и надѣлъ другое платье приличное нещастному его состоянію; по томъ онъ и его сообщники отведены были въ разные домы, кои вмѣсто темницъ имъ опредѣлены были.

Цетегъ нашелъ способъ нослать къ своимъ друзьямъ и угождателямъ цидулку, чрезъ которую увѣщевалъ ихъ собрать своихъ единообщниковъ, и употребить всевозможное усиленіе ночью чтобъ освободить его изъ подъ стражи. Цицеронъ, боясь чтобъ не произведено было въ Городѣ опаснаго возмущенія имъ въ защиту, созвалъ вновь Сенатъ, чтобъ сдѣлать рѣшительное Опредѣленіе о государственныхъ преступникахъ. Силанъ, назначенный Консулъ для будущаго года, который по обычаю долженствовалъ первый сказать свое мнѣніе, объявилъ что они достойны были наижесточайшей казни. Всѣ кои послѣ сказывали свое мнѣніе, были съ нимъ въ томъ согласны, пока не дошла чреда говорить Юлїю Цесарю, которой произнесъ пространную рѣчь къ похвалѣ милосердія, и на конецъ заключилъ, что когда дѣло касается до пролитія крови Гражданъ и Главныхъ въ Римѣ, то онъ

судитъ

судитъ за благо, чтобъ не спѣшно осуждать на смерть виновныхъ, а держать ихъ подъ крѣпкою стражею, въ которыхъ ни будь Италiйскихъ Городахъ, до того времяни какъ Катилина побѣжденъ будетъ. Какъ онъ имѣлъ даръ краснорѣчiя, то большую часть Сенаторовъ преклонилъ къ своему отъ перьваго ихъ мнѣнiя. Самъ Силанъ, который въ началѣ осудилъ ихъ къ немедлѣнному наказанiю, отступилъ отъ своихъ мыслей, и говорилъ: *Что осужденiемъ ихъ къ наижесточайшей казни онъ разумѣлъ не иное что какъ заключенiе въ темницу, которая долженствуетъ быть наивеличайшимъ наказанiемъ какое можно произвесть надъ Римскимъ Гражданиномъ.*

Но Катонъ, вступя послѣ по ряду въ слово, изобразилъ весьма живо мерзость и ужасъ умышленiя злообщниковъ. Онъ умѣлъ доказать ясно и сильно, что помилованiе ихъ было гибельно Государственному благосо-

гососшоянію, и что спасая нѣсколькихъ бездѣльниковъ, содѣлана будешъ, спасеніемъ ихъ, смершельная язва людемъ добродѣшельнымъ; по чему всѣ Сенашоры обрашились къ его мнѣнію. Опредѣлено было ихъ казнишь; и Цицеронъ по единому Опредѣленію Сенаша, и не перенося суда передъ Народное Собраніе, какъ обыкновенно въ другихъ дѣлахъ было поступаемо, приказалъ ихъ тошъ часъ переказнишь въ шемницѣ для того усшроенной. Сказываютъ что по сей надъ ними казни, онъ нашелъ на Площади великое число родсшвенниковъ ихъ и сообщниковъ, кои не вѣдали еще о ихъ судьбинѣ и ждали только ночи для ихъ освобожденія. Увидѣвъ сію толпу людей, онъ сказалъ имъ громко: *они жили.* То было мягкое изреченіе у Римлянъ, чтобъ не сказашь суровымъ образомъ, *они умерли*; и сказываютъ что сіи два слова, подобно какъ громовымъ ударомъ разсыпали въ минушу сонмище злообщниковъ,

никовъ, и уничтожили всѣ ихъ предприятiи.

Трудно изобразить радость каковую изъявлялъ Народъ, когда увидѣлъ пресѣченiе толь опаснаго заговора и казнь злообщниковъ. Всюду слышны были ругательствы Катилинѣ и похвалы Цицерону; многiе же проводили его даже въ его домъ. Тогда и женщины, въ изъявленiе ему своей благодарности, иллуменовали свои окны, какъ бы для освѣщенiя его дороги. Ночь сiя приносила болѣ блеску его славѣ, и болѣ ему почести, нежели красные дни великолѣпныхъ Трiумфовъ побѣдоносным Полководцамъ. Громко говорено было въ Городѣ, что великiе Полководцы покорили Республикѣ цѣлыя Провинцiи силами той же Республики, но что Цицеронъ, безъ войска, безъ сраженiя, и безъ пролитiя крови спасъ землю отъ расхищенiя свирѣпыхъ Тигровъ. Его называли вторымъ Основателемъ Рима и Отцомъ Отечества. Люди

всѣхъ

всѣхъ степеней въ Государствѣ къ нему прилѣпились, и власть его тѣмъ тверже была основана, что онъ получилъ ее единственно отъ своей добродѣтели, и отъ почтенія и благодарности къ нему Сограждан[ъ] его.

Цесарь хотя знатенъ былъ въ Республикѣ, своею породою, своимъ краснорѣчіемъ, и великимъ числомъ друзей, но не имѣлъ общаго въ людехъ о себѣ добраго мнѣнія. Уже давно онъ подозрѣваемъ былъ въ нѣкоторыхъ тайныхъ предприятіяхъ; и не однажды Цицеронъ проговаривалъ, что онъ примѣчаетъ изо всего его поведенія тайные происки и разумъ весьма склонный къ тиранству. А мнѣніе, которое онъ подавалъ въ Сенатѣ противу казни злообщниковъ, умножило еще болѣ таковые подозрѣніи. Когда онъ вышелъ изъ Сената, гдѣ онъ крѣпко защищалъ своею рѣчью жизнь злодѣевъ, то Рыцари стоявшіе тогда на караулѣ,

раулѣ, уставили противу его съ угрожающимъ видомъ мечи свои, и они бы его убили, естьлибъ Цицеронъ, на котораго они смотрѣли что онъ прикажетъ, не далъ имъ знака его не трогать.

Хотя вѣдали, въ то же время, что онъ соучаствовалъ въ злоумышленіи, по показанію отъ нѣкоторыхъ самихъ злодѣевъ, но Цицеронъ, зная сколь много онъ былъ силенъ въ Римѣ, не хотѣлъ подвести его подъ изобличеніе съ другими, боясь чтобъ онъ, освободясь отъ Законной строгости заступленіемъ родственниковъ и друзей своихъ, не укрылъ съ собою и другихъ преступниковъ. И такъ увѣрены были объ немъ, что онъ не былъ чуждъ въ ихъ предпріятіи, и почитали его за человѣка, который свойственъ былъ ко всякому злому дѣлу для своего возвышенія.

Какъ скоро получена была вѣдомость, о казни Лентула и Цетега,

въ

въ станѣ Катилининомъ, что множество изъ злоумышленниковъ, видя что сторона Республики усилилась, тайно ушли оттуда. Великое же число воиновъ, кои привлечены были въ Катилинино войско для единой только новости и надежды получить добычу, услышавъ о томъ разбѣжались. Но Предводитель Общества не отставалъ ни мало отъ своего предпріятія. Онъ вознамѣрился погибнуть или разрушить республику. Онъ набралъ новыхъ воиновъ, уполнилъ ими свои Когорты, и въ маломъ времяни имѣлъ у себя полночисленные Легіоны. Они всѣ дыхали его злобою, и готовы были устремить свое оружіе противу собственнаго своего Отечества.

Прежнее намѣреніе Катилинино, какъ упомянуто, состояло: подойти къ воротамъ Рима съ войскомъ, въ ту минуту какъ сдѣлается въ Городѣ пожаръ, которой оставшіе въ Римѣ сообщники заговора долженствовали

вали произвесть вдругъ во многихъ мѣстахъ. Но какъ Консулъ разрушилъ всѣ сіи мѣры своимъ отмѣннымъ разумомъ и казнью главныхъ преступниковъ, то Предводитель заговора вознамѣрился пройти къ Галламъ, и произвесть тамъ возмущеніе, въ Провинціяхъ находившихся подъ Республикою. Квинтій Метеллъ Целеръ, проникнувъ его намѣреніе, пресѣкъ ему дорогу, учреля свой станъ въ такомъ мѣстѣ, чрезъ которое ему неминуемо проходить надлежало. Въ то же время Консулъ Антоній шелъ за нимъ въ слѣдъ съ своимъ войскомъ.

Катилина, видя себя въ окруженіи отъ неприятелей, и не имѣя ни убѣжища въ Италіи, ни надежды ко вспоможенію отъ Рима, принужденъ былъ пуститься на удачу сраженія, хотя Антоній превосходилъ его въ силахъ. Сей Консулъ, будучи въ то время боленъ подагрою, препоручилъ предводительство войска Петрею,

 ста-

старому Чиновнику, которой служилъ болѣ тритцати лѣтъ, и изъ простаго воина отмѣннымъ своимъ мужествомъ содѣлался напослѣдокъ Повелителемъ войска. Но сія нечаянная болѣзнь Консулова, которой былъ боленъ не притворно, заставила думать что онъ похлебствовалъ Катилинѣ, съ которымъ онъ имѣлъ прежде нѣкоторые взаимные обязанности, и онъ былъ въ томъ обвиняемъ даже передъ Правителями. Разглашено было въ Городѣ, что подагра его, пришедшая передъ самымъ сраженіемъ противу неприятеля Республики, была только вымышленная болѣзнь, чтобъ укоснить погибель Катилинину, или по малой мѣрѣ чтобъ не имѣть въ томъ участія. Но возмутители не получили себѣ ни каковой выгоды отъ сей справедливой или притворной болѣзни.

Петрей, изъ подручнаго Полководца содѣлавшись Главнымъ, притѣснилъ ихъ такъ что они принуждены

ны были вступить въ сраженіе. Бой начался съ равною со обоихъ сторонъ жестокостью. Легіоны Республики сражались съ великою храбростью; но и Катилинины воины не уступали имъ въ мужествѣ: тѣ и другіе желали побѣдить или сами себя умертвить. Ни одинъ не хотѣлъ дать верьхъ неприятелю; ни одинъ не давалъ и не просилъ пощады. Живой тотъ часъ становился на мѣсто убитаго; и не прежде какъ по многомъ кровопролитіи и по долгомъ сопротивленіи, силы Республики побѣдили на конецъ войско возмутителей. Они всѣ были посѣчены безъ пощады. Катилина не желалъ болѣ живъ остаться по изтребленіи своего общества, и бросился съ Начальными изъ своихъ сообщниковъ на самой крѣпкой строй Римлянъ, гдѣ по побѣдѣ найденъ, на кучѣ мертвыхъ тѣлъ, сей славный Предводитель Общества, и еще имѣлъ не много дыханія. Сквозь самое изобра-

браженіе смерти, являющейся на лицѣ его, видимы были еще черты дерзновенія и свирѣпости, кои онъ въ своей жизни давалъ примѣтить.

Конецъ второйнадесять Книги.

КНИГА XIII.

Цесарь соединяется съ Помпеемъ и Крассомъ, и возведенъ въ Консулы. Цицеронъ посланъ въ ссылку; назадъ призванъ. Цесарю дано Правительство Галловъ и Иллиріи. Онъ употребляетъ приобрѣтенное богатство отъ сихъ Провинцій въ то, чтобъ привязать къ себѣ своихъ воиновъ, и содѣлать угождателей себѣ въ Римѣ. Довѣренность, которую онъ приобрѣлъ въ людехъ своими побѣдами и деньгами, производятъ въ Помпеѣ къ нему ревность, и сей дѣлается явнымъ ему неприятелемъ. Римъ и его Провинціи раздѣляются на два противныхъ Общества, подъ сими двумя великими Полководцами, кои рѣшатъ свою ссору въ Фарсальскомъ ратномъ полѣ. Цесарь

вѣръ содѣлавшись Властителемъ Имперіи, убитъ яко Тиранъ, не взирая на его милосердіе.

Передъ симъ описано было какой имѣлъ конецъ составленный заговоръ противу Республики: заговоръ учинившійся явнымъ отъ невоздержности умышленниковъ, и пресѣченный благоразумнымъ поступкомъ Цицероновымъ. Необузданная роскошь, и всегда послѣдуемая отъ того бѣдность, были причиною сего умышленія; а чрезмѣрное властолюбіе нѣкоторыхъ Вельможъ главнымъ къ тому поводомъ: въ то время какъ Римская Республическая Область имѣла, такъ сказать, едино только имя Республики. Одни Вельможи правили тогда ею съ полнымъ властительствомъ. Вся власть Правленія заключалась въ нѣкоторыхъ знатныхъ Домахъ, кои передавали между собою Консульство одинъ къ другому. Не-

Небольшое число ГражданЪ брали себѢ поперемѢнно Начальство надЪ войсками, надЪ ПравительствомЪ, и получали доходы сЪ Провинцій. Располагая же по своей волѢ миромЪ или войною, и обыкнувЪ кЪ почтенію и повиновенію соединенному сЪ Самодержавною властью, мало находилось такихЪ, кои бы, оставляя сіи великія званіи, могли послѢ умѢрить себя вЪ равенствѢ простой жизни. Иные привязывали кЪ себѢ своихЪ воиновЪ упущеніемЪ военной строгости, или благодѢяніями расточаемыми во мзду для своего властолюбія. Другіе же покупали за деньги голоса Народные, для возведенія себя вЪ перьвые Достоинствы, или для произведенія на свои мѢста взысканныхЪ ими угождателей. ТѢ кои не имѢли удачи вЪ своихЪ исканіяхЪ, передЪ другими болѢ великомочными Особами, вЪ замѢну того старались всячески привесть вЪ подозрѢніе преимущество предЪ ними своихЪ СоперниковЪ, и

искали въ Государственныхъ смятенiяхъ обнести вредными словами, унизить и погубить тѣхъ кои имъ предпочтены были. Добродѣтельные люди, какъ Цицеронъ, Катонъ, Катулъ и многiе другiе ревностные республикане, почитали сiе чрезмѣрное великомощество нѣкоторыхъ Гражданъ, ихъ неизчетныя богатствы, и особую привязанность войскъ къ своимъ Полководцамъ, гибелью вольности. Они не могли сносить чтобъ подъ видомъ принесенiя услугъ своему Отечеству, сiи Вельможи навсегда оставались въ должностяхъ, съ которыми соединенная Высочайшая власть приводила ихъ къ безпрестанному покушенiю содѣлаться вѣчными Властителями. А сiе противоположенiе различныхъ видовъ и старательствъ было причиною послѣднихъ возмущенiй въ Республикѣ, въ которыхъ весь Миръ раздѣлился на два Общества къ Помпею или къ Цесарю, Предводителямъ оныхъ, кои

оба

оба равно были опасны и страшны, по своему властолюбію, и по своей храбрости.

Помпей, обратилъ на себя, можно сказать, очи всего Свѣта. Онъ былъ Полководецъ, какъ уже сказано, не бывъ еще воиномъ, и жизнь его текла въ безпрестанныхъ побѣдахъ. Онъ производилъ войну въ трехъ частяхъ Свѣта и возвращался всегда побѣдителемъ. Онъ разбилъ въ Италіи Каринаса и Карбона, Маріева общества; побѣдилъ Домитія въ Африкѣ; Серторія, или лучше сказать Перпену въ Гишпаніи; Сицилійскихъ Пиратовъ на Средиземномъ морѣ; и по истребленіи Катилининомъ онъ возвратился въ Римъ побѣдивъ Митридата и Тиграна. А толикими побѣдами и завоеваніями онъ содѣлался болѣ великомоченъ, нежели Римляне того желали, и нежели онъ самъ могъ помышлять прежде. На сей высокой степени славы, на которую щастіе его отмѣнно возвысило,

 онъ

онъ мнилъ что не приличествовало его Достоинству вести себя на ряду съ другими Согражданами. Онъ рѣдко казался передъ людьми, но когда выходилъ изъ своего дома, то последуемъ былъ всегда толпою своихъ угождателей, которыхъ многочисленность представляла болѣ Дворъ великаго Государя, нежели прислужниковъ Гражданина Республики. Хотя онъ не употреблялъ во зло своей власти, но въ вольномъ Городѣ не было приятно чтобъ кто принималъ на себя поступки Самодержателя. Обыкши же изъ молодости повелѣвать войсками, онъ не могъ принудить сея къ простотѣ тихой жизни. То правда что жизнь его была чиста и безпорочна, и справедливо такъ же онъ заслуживалъ себѣ похвалы за свою воздержность. Никто не могъ упрекнуть его сребролюбіемъ; проискивая же получить себѣ вышнія Достоинствы, онъ менѣ льстился властью съ ними соединенною, какъ

какъ почестьми и славою кои онъ приобрѣталъ при сихъ Достоинствахъ. А будучи болѣ тщеславенъ нежели властолюбивъ, онъ желалъ возвышенія которое бы его отличило отъ всѣхъ Полководцевъ его времяни. Умѣренъ во всемъ протчемъ; но не могъ сносить чтобъ кто ни будь равнялся ему въ славѣ. Всякое равенство съ нимъ, было ему досадительно, и казалось что онъ желалъ быть единственнымъ Полководцемъ Республики, не довольствуясь быть перьвымъ. Сія ревность къ повелительству произвела ему великое число неприятелей, изъ коихъ въ послѣдствіи Цесарь былъ всѣхъ болѣ опасенъ и страшенъ. Перьвый, какъ предъ симъ сказано, нетерпѣлъ никого съ собою въ равенствѣ, а другой не могъ терпѣть надъ собою вышняго. Таковое любоначальное совмѣстничество въ двухъ перьвыхъ Особахъ во Вселенной, произвело новыя перемѣны, которыхъ источникъ и послѣдствіе представить здѣсь не безнужно.

Кай Юлій Цесарь имѣлъ высокость породы изъ славнаго Дома Юліевъ, и имѣлъ, какъ всѣ знатные люди, тщеславіе производить свой родъ отъ Анхиса и отъ Венеры. Онъ былъ самый пригожій и статный человѣкъ въ своемъ времяни; искусенъ во всѣхъ мужественныхъ екзерциціяхъ, неутомимъ въ трудѣ, чрезвычайно храбръ, отлично смѣлъ, пространенъ въ намѣреніяхъ, великолѣпенъ въ росходахъ, и щедръ до чрезмѣрности. Натура, которая казалось произвела его повелѣвать надъ всемъ остаткомъ человѣческаго рода, дала ему величественный плѣняющій видъ къ высокосановитымъ его поступкамъ. Но сія величественная наружность умѣрена была кротостью и снисхожденіемъ его нрава. Приятное и убѣдительное его краснорѣчіе, имѣло свое дѣйство такъ же относительно къ его приятной Особѣ, сверьхъ силы твердыхъ въ рѣчахъ доказательствъ. Тѣ кои имѣли довольно

суро-

суровости чтобъ не дать себя обольстить видимымъ совокупленіемъ толь многихъ любезныхъ качествъ, преклонены были послѣ его благодѣяніями. Онъ прежде всего старался привлечь къ себѣ сердца, чтобъ тѣмъ содѣлать самое твердое основаніе Владычеству къ которому его желанія простирались.

Хотя рожденъ къ званію простаго Гражданина республики, онъ умыслилъ въ семъ ограниченномъ состояніи содѣлать свое Отечество себѣ подданнымъ. Обширность и опасности таковаго предприятія его не устрашали. Онъ не находилъ ничего выше своей способности, и пространство его видовъ подкрѣпляемо было симъ великимъ на себя упованіемъ. Недавные же примѣры Марія и Силлы давали ему уразумѣть, что возможно было въ республикѣ достичь на степень Самодержавія. Но будучи весьма осторожен, и въ самыхъ своихъ стремительныхъ желаніяхъ, онъ

онъ разпредѣлилъ въ разныя времена исполненіе своихъ предприятій. Имѣя всегда сходной съ обстоятельствами разумъ, и не дая ему вреднаго пространства, онъ доходилъ по степенямъ къ желаемому Властительству. Блистательныя его побѣды наиболѣ славны по тому, что они всегда были слѣдствіемъ и исполненіемъ великихъ его предприятій.

Какъ скоро Силла умеръ, съ того времяни онъ употребилъ себя въ дѣла съ равнымъ властолюбивымъ намѣреніемъ каковое имѣлъ сей его Предмѣстникъ. Хотя по породѣ своей, произходя изъ достославнаго Дома въ Республикѣ, онъ долженствовалъ прилѣпиться къ сторонѣ Сената и Вельможества; но какъ племянникъ Маріевъ и зять Цинниинъ, онъ объявилъ себя ихъ согласникомъ, не взирая что Общество ихъ отъ Силлина Диктаторства казалось быть рузрушено. Онъ предприялъ возстановить сіе Общество которое было

На-

Народное, и ласкалЪ себѢ что онЪ скоро содѢлается вЪ немЪ Предводителемъ: вмѢсто того что ему надлежало бы повиноваться Помпею главному вЪ СенатѢ, естьли бы онЪ присталЪ кЪ сторонѢ Вельможества. Силла, какЪ было уже сказано, повелѢлЪ во время своего Диктаторства истребить Трофеи Марїевы. А Цесарь, будучи еще ЕдиломЪ, приказалЪ тайно искуснымЪ ХудожникамЪ устроить Марїеву Статую, сЪ таковымЪ украшенїемЪ, чтобЪ онЪ представленЪ былЪ вЪ короновании изЪ рукЪ ПобѢды. КЪ тому приказалЪ вырѢзать вЪ честь ему Надписи, вЪ которыхЪ означена была побѢда его надЪ Цимбрами; и сїи новые Монументы онЪ приказалЪ поставить ночью вЪ Капитолїй. Весь НародЪ сбѢжался толпою по утру, видѢть сїе явленїе. Сообщники Силлины не преминули вопїять противу толь смѢлаго предприятїя, и никто не сумнѢвался что творецЪ онаго былЪ Цесарь. Неприятели

ятели его разглашали что онъ мыслилъ возставить Тиранство, и что надлежитъ казнить такого человѣка, который, собственною своею властью, осмѣливается становить Трофеи осужденныя къ истребленію отъ Высочайшаго Правителя. Но Народъ, помня покровительство къ себѣ Маріево, превозносилъ похвалами Цесаря. Сенатъ собрался судить о семъ происшествіи. При всемъ Обществѣ на Цесаря донесено было что онъ велѣлъ поставить статую. Катулъ Лукацій, изъ Главныхъ въ Сенатѣ, говорилъ что уже не тайными только происками возстановляемо было тиранство, но что Цесарь самыми наглыми силами поступалъ на вольность. Цесарь, съ своей стороны, приносилъ оправданіе въ своемъ поступкѣ, и защищалъ себя съ такою силою и красноречіемъ, что не взирая на совѣщаніи его неприятелей, освобожденъ былъ отъ суда; а чрезъ столь смѣлой поступокъ онъ далъ возчувствовать

вать

вать Народу свою силу и слабость Сената. Изгнанные, тогда подъ прикрытіемъ его власти, возвратились паки въ Римъ, и получили себѣ Законной призывъ: по поводу что они были осуждены не праведно, отъ Гражданина которой похитилъ силою Диктаторство и власть Самодержавную.

Народъ, любя усердіе которое онъ оказывалъ къ его Обществу, не преставалъ прославлять его имя. Въ слухъ говорено было въ Римѣ, что онъ былъ одинъ который, мужествомъ своимъ и твердостью, заслуживалъ быть удостоенъ на мѣсто Маріево. Главные каждаго Триба, и старшины въ Народѣ увѣрили его что онъ достоинъ занимать Высочайшія степени въ Республикѣ, и чтобъ онъ былъ благонадеженъ на всѣ голоса въ томъ отъ Народа. Вскорѣ и самымъ дѣломъ они ему доказали свое усердіе, и совершенное ему доброжеланіе.

По смерти Метелла главнаго духовнаго Начальника, Катулъ Лукшацій, бывшій нѣкогда въ Консульскомъ Достоинствѣ и почитаемый отъ всѣхъ Римлянъ за свои добродѣтели, требовалъ тогда себѣ Достоинства сего умершаго. Цесарь, хотя ниже былъ Чиномъ и не былъ еще почтенъ Консульскимъ Достоинствомъ, непреминулъ однако представить себя въ число требующихъ. Лукшацій, зная его опаснымъ себѣ совмѣстникомъ, по силѣ которую онъ имѣлъ въ Народѣ, послалъ предложить ему знатную сумму денегъ естьли онъ согласится отстать отъ своего требованія. Но Цесарь былъ столько гордъ что не могъ прельститься низкою прибылью. Онъ приказалъ сказать Лукшацію, что онъ не только не отстанетъ отъ своего требованія для прибыли денегъ, но выпроситъ ихъ самъ въ займы у всѣхъ своихъ друзей для подкрѣпленія своихъ требованій. Однако онъ не

не имѣлъ въ деньгахъ нужды. Народъ былъ столько къ нему усерденъ, что по Собранїи голосовъ, онъ получилъ сїе Достоинство надъ Луктацїемъ и надъ всѣми своими совмѣстниками.

Онъ поставленъ былъ по томъ съ 691
равнымъ щастїемъ въ Преторы; и годъ.
при окончанїи сей должности Народъ вручилъ ему Правительство Гишпанїи. Сказываютъ, что когда переѣзжая Альпы, въ пути своемъ въ Гишпанїю, онъ слѣдовалъ черезъ одинъ малой Городокъ, почти пустой, и въ которомъ жители казались весьма скудны, то люди находившїяся при немъ въ пути, между собою спрашивали другъ у друга смѣхотворно, не уже ли и въ семъ Городкѣ есть скопы и заговоры для полученїя Начальства; и что Цесарь вслушавшись въ ихъ разговоръ и приставъ къ рѣчи сказалъ: *я лучше люблю быть первымъ въ такомъ простомъ Городкѣ, нежели вторымъ въ Римѣ.*

Цесарь, все время своего пребыванія въ Гишпанскомъ Правительствѣ, употребилъ къ расширенію границъ онаго. Онъ воевалъ въ Галиціи и въ Лузитаніи, кои онъ покорилъ Римской Имперіи; но при толь полезномъ завоеваніи для Государства онъ наблюдалъ и свою собственную пользу. Онъ собралъ себѣ усильными требованіями все золото и серебро отъ сихъ Провинцій, и по возвращеніи въ Римъ пелучилъ новыя почести и похвалы отъ Народа.

Богатствы привезенныя имъ изъ своего Правительства были неизчетны. Онъ употребилъ ихъ для снисканія себѣ новыхъ угождателей, коихъ привязывалъ къ себѣ безпрестанными щедростьми. Онъ отдалъ имъ такъ какъ въ добычу свое имѣніе. Домъ его во всякое время отворенъ былъ для пріятелей. Ничего отъ нихъ не было закрыто въ его домѣ, кромѣ его сердца которое никогда не было проницаемо, ни самыми ближай-

жайшими его друзьями. Онъ, какъ удобенъ былъ ко всякому предпріятію, такъ равно умѣлъ скрывать свои намѣренія; всегда былъ внимателенъ, всегда присудственъ при тайныхъ совѣщаніяхъ, отъ коихъ онъ могъ получить свои выгоды, но никогда не давалъ того примѣтить. За вѣрно полагаемо было, что онъ непреминулъ бы содѣлаться Предводителемъ Катилинина заговора, естьли бы сей имѣлъ щастливые успѣхи; и Катилина, славный Предводитель возмущенія, въ чаяніи что онъ трудился для своей собственной пользы, видѣлъ себя вдругъ лишенна плода своего злодѣянія, такимъ человѣкомъ которой имѣлъболѣ силы нежели онъ въ его собственномъ Обществѣ, и которой имѣлъ хитрость оставить ему одну только гибель исполненія. Однако неудачной конецъ Катилинина предпріятія, и представляющаяся на память смерть двухъ Гракховъ убитыхъ предъ глазами Наро-

да, которой почиталъ ихъ не менѣ какъ своими Богами: все сїе заставило его мыслить, что для успѣха въ его дѣлахъ не довольно было одной Народной къ нему привязанности, и что онъ не достигнетъ никогда къ Самодержавному властительству безъ повелительства надъ войсками, безъ великаго числа друзей, и безъ согласниковъ въ самомъ Сенатѣ.

Сїе знатное Общество раздѣлялось тогда къ сторонѣ Помпеевой и къ другой Крассовой, кои были между собою неприятели и соперники въ Правительствѣ, одинъ по превосходству силы, а другой по превосходству богатства въ Римѣ. Республика имѣла хотя ту выгоду отъ ихъ раздѣленїя, что раздвоивъ Сенатъ, содержала власть ихъ въ нѣкоторомъ противовѣсїи, и тѣмъ удерживала еще Республическую вольность. Цесарь предприялъ соглашаться иногда съ однимъ, иногда съ другимъ, и заимствовать отъ нихъ по временамъ ихъ силу, дабы упо-

тре-

требить оную для удобнѣйшаго достиженія себѣ къ Консульскому достоинству и къ повелительству надъ войсками. Но какъ онъ не могъ въ одно время приобрѣсть дружбу двухъ явныхъ между собою неприятелей, то сперьва старался ихъ примирить. Онъ въ томъ успѣлъ, и одинъ получилъ всю пользу отъ сего примиренія пагубнаго для общей вольности. Онъ умѣлъ уговорить Помпея и Красса, чтобъ они вручили ему, такъ какъ въ залогъ, Консульство, которое не могло бы достаться другимъ ихъ Сообщникамъ безъ произведенія въ нихъ ревности. Цесарь избранъ былъ въ Консулы съ Калпурніемъ Бибуломъ, споспѣшествованіемъ въ томъ двухъ соединенныхъ Обществъ. Онъ тайно преклонилъ къ себѣ Главныхъ воономъ, изъ коихъ составилъ третье Общество, которое въ послѣдствіи угнѣтало самыхъ тѣхъ кои наиболѣ старались о его возведеніи.

694 годъ.

Римъ тогда видѣлъ себя жертвою властолюбія трехъ человѣкъ, кои, силою своихъ соединенныхъ обществъ, самовластно разполагали Достоинствами и Чинами Республики. Крассъ, имѣя неизчетныя богатствы, но всегда алченъ къ корысти, не столько старался усилить свое общество, какъ присовокупить новое себѣ сокровище. Помпей, довольствуяся внѣшними знаками почтенія и преданности, кои онъ приобрѣлъ славою побѣдъ своихъ, утѣшался въ безвыгодной праздности блескомъ своей силы въ Римѣ и знатнымъ именемъ. Но Цесарь, имѣя болѣ искуства и скромности нежели двое первые, основывалъ собственное себѣ возвышеніе на чрезмѣрномъ упованіи обоихъ. Онъ всячески старался содержать ихъ въ семъ спокойномъ заблужденіи, а между тѣмъ дѣйствомъ подарковъ, преклонялъ въ свое особое общество Сенаторовъ кои наиболѣ имъ были преданы. Друзья Пом-

Помпеевы и Крассовы нечувствительно содѣлались Цесаревыми угождателями; и чтобъ вѣдать о всемъ что произходитъ въ домахъ ихъ, онъ подкупалъ даже ихъ служителей, кои не могли противиться его щедрости.

Но какъ, по сей новой дружбѣ съ Помпеемъ и Крассомъ, главные въ Сенатѣ могли бы поссорить его съ Народомъ, то онъ при самомъ началѣ вступленія своего въ Консульство, обьявилъ себя вновь защитникомъ той стороны которую онъ всегда почиталъ надежнѣйшею подпорою своего возвышенія. Хитрой образъ, которымъ онъ въ то же время поссорилъ Помпея съ Сенатомъ и Сенатъ съ Народомъ, былъ остроумнѣйшимъ произведеніемъ его политики и его искуства. Онъ предпринялъ возобновить Законъ *Аграрїй.* А изъ того предвидѣлъ, что согласное мнѣніе съ стороны Помпеевой и Крассовой, съ коими онъ уговорился за ранѣ, сопротивленіе же отъ Катона, Цицерона

и всѣхъ ревностныхъ республиканъ, произведутъ между ими взаимныя озлобленїи, и что Народъ, всегда невѣдущїй о своей истинной пользѣ, востанетъ противу сихъ Сенаторовъ, не разумѣвая что они будутъ противиться Цесаревой сторонѣ единственно для сохраненїя общей вольности.

И такъ въ Консульскомъ званїи, онъ тотъ часъ предложилъ въ Сенатѣ Законъ, по которому надлежало раздѣлить земли въ Кампанїи на двашцать тысячь Гражданъ, такихъ кои имѣли у себя не менѣ трехъ человѣкъ дѣтей. То были земли, отъ коихъ доходы, по ихъ особой плодородности, собирались во всѣ времена для самонужнѣйшихъ исправокъ въ Республикѣ. Честнѣйшїе люди въ Сенатѣ крѣпко воспротивились изданїю сего Закона. Цесарь, предвидѣвшїй сїе сопротивленїе, возопїялъ тогда сколь ему то было огорчительно, и свидѣтельствовался Богами что онъ по неволѣ принужденъ прибѣгнуть

бѣгнуть къ Народной власти. Онъ созвалъ для того Народное Собраніе, и явился туда самъ вмѣстѣ съ Помпеемъ и Крассомъ. Онъ началъ говорить къ Помпею, и спрашивалъ у него согласенъ ли онъ съ новымъ толь справедливымъ Закономъ для республики, которой всѣ члены должны споспѣшествовать общему благосостоянію. Сколько ни старались Сенаторы, находившіяся возлѣ Помпея, представить ему Цесарево предложеніе подозрительнымъ, но Помпей никого ни слушая объявилъ свое согласіе съ Цесаремъ: или для того что онъ не хотѣлъ уронить своей чести нарушеніемъ прежнихъ съ Цесаремъ обязательствъ; или чрезмѣрно уповая на свою силу въ сравненіи съ Консуломъ, онъ не уважалъ подозрѣній сихъ Сенаторовъ. И еще съ жаромъ въ неосторожность себѣ отвѣтствовалъ Цесарю: *Что естьли кто нибудь вызоветъ его на поединокъ для воспрепятствованія изданію Закона,*

то

то онъ готовъ взять мечь и щитъ свой для подкрѣпленія онаго. А симъ поступкомъ онъ объявилъ войну собственному своему Обществу.

Такимъ образомъ, не соотвѣтствующимъ съ своею истинною пользою, Помпей содѣлался ненавистенъ Сенату, и подозрителенъ собственнымъ друзьямъ своимъ; и сей неразсудительный поступокъ не дѣлалъ ему ни каковаго выигрыша въ самомъ Обществѣ Народа, которой приписывалъ одному только Цесарю честь установляемаго Закона. Сей Консулъ, подкрѣпленъ своими собственными, Помпеевыми и Крассовыми сообщниками, принудилъ утвердить оной, можно сказать, насильнымъ образомъ, и не смотря на представленіи и споры усерднѣйшихъ защитниковъ республики. Въ слѣдствіе того наименованы двaтцать Повѣренныхъ, кои раздѣлили Кампанійскія земли на двaтцать тысячь семей Римлянскихъ. Симъ образомъ Цесарь содѣлалъ себѣ, двaт-

двантцать тысячь можно сказать преданныхЪ ему КлїентовЪ, которыхЪ собственная ихЪ польза заставляла соблюдать вЪ ненарушимости все то что было уставлено во время его Консульства. КЪ предупрежденїю же чтобЪ Преемники его вЪ семЪ Достоинствѣ, не могли нарушить установленїя сего Закона, онЪ заставилЪ утвердить другой, который обязывалЪ весь СенатЪ, и всѣхЪ тѣхЪ кои вступятЪ вЪ каковое либо Начальство, дѣлать присягу, чтобЪ не предлагать никогда ничего во вредЪ установленїй утвержденныхЪ Народными Собранїями во время его Консульства. А сею разсмотрительною предосторожностью онЪ положилЪ толь твердое и толь вѣрное основанїе своей силы вЪ Римѣ, что ни десять лѣтЪ отсудствїя, ни всѣ подлоги отЪ стороны его завистниковЪ и неприятелей не могли поколебать онаго.

Но

Но какъ онъ всегда опасался чтобъ Помпей отъ него не отсталъ и не присоединился бы къ сторонѣ ревностныхъ республиканъ, то выдалъ за него въ замужство дочь свою Юлїю, такъ какъ новый залогъ ихъ согласїя. Помпей же выдалъ свою дочь за Сервилїя; а Цесарь самъ женился на Калпурнїи дочери Пизоновой, котораго онъ заставилъ назначить на будущїй годъ въ Консулы. Онъ получилъ себѣ въ то же время Правительство Галловъ и и Правительство Иллирїи на пятилѣтнее время. Послѣ дано было правительство Сирїи Крассу, который просилъ онаго надѣясь получить тамъ себѣ новыя богатствы. Помпею же достались обѣ Гишпанїи, кои онъ управлялъ всегда чрезъ своихъ Намѣстниковъ, дабы наслаждаться приятностями въ Римѣ. Они включили сїи разныя установленїи въ Приговоръ учиненной для раздѣла земель, дабы тѣмъ привязать владѣльцевъ сохранять,

иять, вмѣстѣ съ своими имѣнїями, и твердость ихъ Властительства. Сїи три Человѣка такимъ образомъ раздѣлили между собою цѣлый Миръ, такъ какъ бы они дѣлили свою отчину. Тщетно Катонъ вопїялъ во всѣхъ Собранїяхъ, сколь постыдно было что Республика такъ была расхищаема, и что Римскїе Вельможи, торгуя такъ сказать своими дочерьми, отдаютъ и берутъ, какъ будто приданое дѣвокъ, повелительствы войскъ, Правительствы Провинцїй, и первые достоинствы въ Республикѣ.

Цесарь, являясь кротокъ и снисходителенъ къ мѣлкому Народу, но высокъ и гордъ къ Вельможамъ кои предпринимали ему спорить, приказалъ взять Катона подъ караулъ, подъ тѣмъ видомъ что онъ противился изданїю Закона утвержденнаго всѣми Народными голосами. Бибулъ, Товарищь Цесаревъ въ Консульствѣ, выгнанъ былъ Народомъ изъ сборища, за вину такъ же его противорѣчїя.

Нося-

Носимыя передЪ нимЪ прутья были переломаны, Ликторы его переранены, и онЪ бы самЪ былЪ убитЪ, естьлибЪ для спасенія своей жизни невысидѣлЪ нѣсколько времяни запершись вЪ своемЪ домѣ, не смѣя казаться передЪ НародомЪ. ЛукуллЪ и ЦицеронЪ испытали равную участь. Побѣдитель Тиграна и Митридата, по угрозамЪ отЪ Цесаря что онЪ прикажетЪ сдѣлать разсмотрѣніе о неизчетныхЪ сокровищахЪ кои онЪ привезЪ сЪ собою изЪ Востока, сей, повторю я, толико знаменитый ПолководецЪ, принужденЪ былЪ, для умилостивленія Цесаря, лобзать вЪ полномЪ Собраніи его колѣна, и отрещись отЪ дѣлЪ республики: а Цесарь того только и желалЪ внутренно. КакЪ онЪ боялся такЪ же искуства и прозорливости Цицероновой, то дабы отдалить и его отЪ Правленія, онЪ не устыдился, для погубленія сего великаго Мужа, сообщиться сЪ ПубліемЪ КлодіемЪ, явнымЪ неприятелемЪ

лемъ Цицероновымъ, и даже возвесть его своимъ предстательствомъ въ Достоинство Народнаго Трибуна: хотя Клодій не въ давнѣ обвиненъ былъ въ беззакономъ сообщеніи съ Помпеею, женою Цесаревою.

По сему обвиненію, и по участію какое имѣлъ Цицеронъ въ судѣ, Клодій возымѣлъ противу его жестокую злобу, хотя прежде они жили въ тѣсномъ согласіи. Публій Клодій былъ молодой человѣкъ, пригожій, богатый, краснорѣчивый, и любимъ Народомъ, о пользѣ котораго онъ принималъ попеченіе; но притомъ былъ надменъ, гордъ и тщеславенъ своею высокою породою, и силою какую онъ имѣлъ въ Римѣ. Онъ воспалился любовною страстью къ Помпеіѣ женѣ Цесаревой и произвелъ въ ней то же пламя. Не доставало только къ желанію ихъ способнаго случая, которой найти почти невозможно было при всегдашнемъ надъ нею надзираніи и при строгости

къ ней отъ Авреліи матери Цесаревой. Клодій, влекомъ своею страстью, чаялъ что онъ могъ удобно войти въ домъ ея, при случаѣ одного Празднества въ честь Бахусовой матери, ибо сіе торжество въ ея домѣ долженствовало быть ночью. Мущины исключены были изъ сихъ ночныхъ обрядовъ; надлежало чтобъ и самъ хозяинъ дома, въ которомъ они отправлялись, вышелъ оттолѣ. Одни только женщины и дѣвицы приобщались къ симъ самымъ сокровеннѣйшимъ таинствамъ. Обыкновенно жена Консульская или жена Преторская принимала на себя въ семъ случаѣ должность Богослужительницы Божества сего, которое не смѣли называть, но почитали его подъ именемъ *милостивой Богини*.

Клодій нарядился въ дѣвичье платье, и былъ введенъ ночью въ домъ Авреліинъ служанкою Помпеиною, которая по наученію своей Госпожи была предводительницею сей хитрости.

сти. Свиданье ихъ долженствовало быть въ горницѣ самой сей служанки, которая спрятала тамъ у себя Клодія, между тѣмъ какъ побѣжала увѣдомить Помпеію о скрытномъ пребываніи, у ней въ покоѣ, ея любовника. Но какъ она замѣшкала на задъ возвратиться, то онъ въ нетерпѣливости, или можетъ быть любопытствуя подсмотрѣть что происходило между сими женщинами, вышелъ изъ своего потаеннаго мѣста. Къ нещастію его онъ заблудился въ покояхъ, и по случаю встрѣтился съ другою того же дома служанкою, которая принявъ его за дѣвку, затрогивала его, сказываетъ Плутархъ, играть съ нею. Клодій старался отъ нее освободиться, но служанка, будучи въ семъ Бакханальскомъ праздновании приведена въ нѣкоторой родъ бѣшенства, тащила его къ той сторонѣ гдѣ горѣлъ огонь, чтобъ узнать ту отъ которой она толь чувствительной отказъ получила. Клодій

чтобъ вырваться у ней изъ рукъ, сказалъ ей о себѣ, что онъ изъ числа пѣвицъ кои на Праздникъ были призваны, и что онъ ищетъ Абру служанку Помпеину. Однако голосъ его ему измѣнилъ, и показалъ что онъ былъ мущина. Служанка испугавшись побѣжала увѣдомить Аврелїю что она нашла въ домѣ мущину въ женскомъ платьѣ. Обряды Торжества тотъ часъ были оставлены, и таинственныя вещи закрыты съ поспѣшностью. Аврелїя приказываетъ затворить всѣ выходы; женщины ищутъ, и находятъ въ домѣ преступника. Цесарева мать, сдѣлавъ ему выговоръ за его дерзость и безбожїе, выслала его вонъ; а на другой день при началѣ утра она увѣдомила Сенатъ о бывшемъ нечаянномъ произшествїи въ ея домѣ. Весь Городъ возроптaлъ противу онаго; особливо женщины нещадно ругали Клодїя; и одинъ Трибунъ востребовалъ его передъ Народное Собранїе,

гдѣ

гдѣ объявилъ себя его обвинителемъ въ поступкѣ противу Божества, благопристойности, и непорочности. Сей Народный Начальникъ ласкался что онъ будетъ въ томъ подкрѣпленъ отъ стороны Цесаревой. Онъ чаялъ, что онъ какъ мужъ не преминетъ присовокупить свое мщенїе противу дерзновеннаго Юноши, который изобличенъ въ преступномъ согласїи съ его женою. Хотя казалось что по обыкновенной въ томъ строгости Цесарь не могъ освободить себя отъ осужденїя виновнаго; но онъ имѣлъ равные другїе причины, по состоянїю дѣлъ своихъ, не раздражать Клодїя, который имѣлъ великую силу въ Народѣ. А дабы отвлечь отъ себя поношенїе, въ толь обоюдныхъ обстоятельствахъ съ сохраненїемъ своей чести и своей пользы, онъ рѣшился только развестись съ своею женою. Трибунъ, послѣ сего поступка, востребовалъ его передъ Народное Собранїе объявить, точно ли онъ

вѣдаетъ что Клодій осквернилъ таинствы милостивой Богини. Цесарь отвѣтствовалъ ему спокойнымъ образомъ что онъ о томъ ничего не вѣдаетъ. „Для чего же, говорилъ „Трибунъ, отпустилъ ты отъ себя „жену свою? Для того, онъ ему отвѣтствовалъ, что Цесарева жена не „должна быть ни просто только подозрѣваема.„ Таковымъ хитрымъ отвѣтомъ онъ освободилъ себя доводить въ томъ на Клодія; и онъ желалъ при томъ дать людемъ мыслить, какъ бы онъ былъ въ томъ увѣренъ, что жена его въ семъ дѣлѣ была болѣ не осторожна нежели виновна.

Клодій, не имѣя опасности отъ Цесарева мщенія, между разными способами кои онъ употребилъ къ своему оправданію, доказывалъ что Аврелія приняла вмѣсто его кого ни будь другаго; и хотѣлъ оправдать себя тѣмъ, что будто въ ту ночь когда торжество отправлялось его со всѣмъ въ Городѣ не было, а на-

находился онъ въ такомъ отдалении отъ Рима, что со всею возможною поспѣшностью не могъ тамъ въ ту же ночь явиться. Но Цицеронъ тогда предсталъ и объявилъ въ улику ему въ полномъ Собрании, что онъ въ тотъ же вечеръ приходилъ къ нему въ домъ, и что они не внѣ Рима о разныхъ дѣлахъ вмѣстѣ тогда разговаривали.

Сказываютъ что Цицеронъ произвелъ сіе свидѣтельство не столько по усердію своему къ Божескому Закону, сколько въ угожденіе Теренціи женѣ своей. Она возпользовалась симъ случаемъ поссорить его съ Клодіемъ, котораго сестра, по слуху въ Городѣ, была пріятна ее мужу; она боялась чтобъ онъ, по позволенію разводовъ, на ней не женился. Но чтобы ни было тому причиною, свидѣтельство его не превозмогло надъ силою въ Римѣ Клодіевою, и надъ деньгами коими онъ закупилъ Судей своихъ. Преступникъ признанъ былъ не-

невиннымъ; а какъ скоро онъ освободился изъ подъ суда толь опаснаго, то началъ мыслить о способахъ отмстить Цицерону.

Званіе Народнаго Трибуна находилъ онъ таковымъ Начальствомъ какое можетъ подать ему поводы безопасно произвесть въ дѣйство свое мщеніе. Но онъ былъ Патрикій родомъ, а по Законамъ сіе Достоинство вручалось только Плебеянамъ. И такъ для преодолѣнія сего препятствія, онъ заставилъ Плебеянина Марка Фонтеія усыновить себя въ свой родъ. Подъ прикрытіемъ же сего усыновленія, и по силѣ его въ Римѣ, онъ легко получилъ мѣсто въ Трибунствѣ.

Онъ, дабы содѣлаться еще болѣ пріятнымъ Народу, началъ отправлять свое званіе предложеніемъ новыхъ Законовъ угодныхъ Плебеянамъ. Въ то же время онъ имѣлъ хитрость подговорить на свою сторону Пизо-
695 на и Габинія, бывшихъ въ томъ году
годъ. Консуловъ. И чтобъ они не препятство-

ствовали ему вЪ мщенїи которое онЪ умыслилЪ противу Цицерона, онЪ заставилЪ дать тому и другому Правительствы двухЪ самыхЪ богатыхЪ Провинцїй подЪ Республикою. А принявЪ сїи разныя мѣры со стороны Народа и со стороны Сената, онЪ старался тогда согласить сЪ собою Красса, Цесаря и Помпея, кои по силѣ верьховной надЪ всѣми таковыми заговорами, легко могли бы спасти Цицерона отЪ его нападковЪ. Но безЪ дальняго вЪ томЪ старанїя, онЪ нашелЪ сихЪ ВельможЪ, кои почитались за Самодержателей вЪ Римѣ, весьма склонными кЪ произведенїю предприятой имЪ мѣсти. КрассЪ тогда былЪ вЪ ссорѣ сЪ ЦицерономЪ. Цесарь, послѣ суда Катилинина, не былЪ ему благоприятнѣе; а Помпей, вЪ то время соединенЪ сЪ ЦесаремЪ, и вЪ прочемЪ всегда слабый другЪ, не вЪ состоянїи былЪ защищать человѣка, противу котораго Цесарь сохранялЪ вЪ сердцѣ тайную злобу.

Клодій, употребивъ всѣ сіи предосторожности, обвинилъ Цицерона передъ Народнымъ Собраніемъ, въ томъ что онъ приказалъ умертвить Лентула, Цетега, и другихъ сообщниковъ Катилининыхъ противу всѣхъ Законовъ, и не допустя чтобъ Народъ, естественный судья Гражданъ въ общественныхъ злодѣяніяхъ, имѣлъ о томъ надлежащее свѣденіе. Хотя Цицеронъ не сдѣлалъ ничего безъ согласія Сената, однако видѣлъ что безъ сильнаго покровительства онъ не могъ спастись отъ злобы Клодіевой, въ тотъ годъ какъ сей вступилъ въ Трибунство. Онъ молилъ тотъ часъ Цесаря, чтобъ онъ позволилъ ему за собою слѣдовать въ Галлію, въ числѣ его Намѣстниковъ. Цесарь, желая симъ отдалить его отъ Сената и отъ Государственнаго Правленія, охотно на то согласился. Клодій, уразумѣвъ что сія должность и отсудствіе Цицероново прекратятъ его мщеніе, притворился будто желаетъ

съ

съ нимъ примириться. Онъ велѣлъ ему сказать, чрезъ посредство общихъ съ нихъ друзей, что онъ не отдаляется отъ вступленія въ прежнее съ нимъ содружество, и вѣдаетъ что не онъ, а Терентія жена его была побудительною причиною свидѣтельства, произнесеннаго по дѣлу его съ Помпеіею.

Цицеронъ, обольщенъ сею тщетною надеждою скораго примиренія, благодарилъ Цесаря за Чинъ которымъ онъ не желалъ уже пользоваться, возвратился въ Сенатъ, и вступилъ по прежнему въ отправленіе дѣлъ. Но Цесарь, по колику хотѣлъ отвлечь его отъ Сената чего бы то ни стоило, раздраженъ былъ его перемѣною, и соединился съ Клодіемъ его погубить, а отъ Помпея взялъ обѣщаніе, что онъ не примѣшается къ сему дѣлу въ защиту Цицеронову. Клодій, возобновилъ тогда свой доносъ. Цицеронъ, видя себя въ толь великой бѣдѣ, измѣнилъ свое одѣяніе, и попустя рости свою бороду и волосы, ходилъ,

ходилъ, въ послѣдованіи великаго числа Рыцарей, молить о заступленіи друзей своихъ, и просить покровительства у Главныхъ особъ въ Римѣ. Сенатъ, приведенъ въ жалость притѣсненіемъ сего добродѣтельнаго человѣка, котораго онъ почиталъ въ числѣ наилучшихъ людей изъ своего Общества, хотѣлъ самъ надѣть печальное платье, какъ бы онъ находился въ общенародномъ бѣдствіи. Но Консулы, по совѣщанію съ Клодіемъ, воспротивились оному; и Клодій, въ послѣдованіи наглой толпы вооруженныхъ невольниковъ, держалъ Сенатъ подобно какъ въ плѣну, не дая ничего предпринимать въ пользу Цицеронову.

Сей великій Мужъ, въ гоненіи отъ злобнаго и не утолимаго непріятеля искалъ помощи отъ Помпея, которому онъ оказалъ важныя услуги во всѣхъ дѣлахъ Правленія, и который былъ ему обязанъ большою частью Чиновъ, кои онъ получилъ чрезъ голоса Народа.

Пом-

Помпей, будучи совершенно извѣстенъ о Клодїевыхъ намѣренїяхъ, нарочно удалился загородъ, чтобъ не навлечь себѣ укоренїя, какое могли ему сдѣлать естьли бы онъ остался въ Римѣ, тѣмъ что онъ оставилъ безъ защищенїя погибать своего друга. Цицеронъ послалъ къ нему сперва Пизона своего зятя, который принесъ отъ него одни только хитросплетенные и ничего незначущїе отвѣты, какїе Вельможи умѣютъ составлять, во время какъ желаютъ освободить себя отъ того чего они не могутъ отказать не сдѣлавъ себѣ безславїя. Цицеронъ ласкался что онъ уговоритъ его лучше самъ, и въ той надеждѣ поѣхалъ къ нему загородъ. Помпей, не имѣя довольныхъ причинъ отговориться въ присудствїи самого Цицерона, и не желая нарушить данное слово Цесарю, вышелъ изъ своихъ покоевъ потаенными дверьми, и приказалъ ему сказать что онъ обратно въ Римъ отъѣхалъ. Цицеронъ, увѣрясь

тогда

тогда что онъ имъ былъ оставленъ, не брегъ по томъ стараться о себѣ одинъ собою. Сей краснорѣчивый и толь страшный Человѣкъ, дарованіемъ своего языка и разума когда другихъ защищать надлежало, отчаялся въ собственномъ своемъ спасеніи, и не находилъ словъ къ оправданію дѣла, которымъ онъ заслужилъ благодарность отъ Сената, и похвалы отъ всего Народа. Онъ самъ себя изгналъ, вышелъ ночью изъ Рима, и удалился въ Грецію. Клодій, приведя его къ сей крайности, заставилъ утвердить надлежащимъ Приговоромъ его изгнаніе. Тѣмъ же Приговоромъ, котораго сей злобный Трибунъ былъ установитель, приказано городовые и загородные его домы разорить, пожитки же продать съ публичнаго торга чрезъ опредѣленныхъ на то служителей: что въ самой точности онъ заставилъ по томъ исполнить, дабы оставить потомкамъ знаки своего мщенія и властительства въ Республикѣ.

Кло-

Клодій, принудивъ Цицерона убѣжать изъ Рима, чаялъ въ немъ самовластно господствовать. Онъ осмѣлился напасть на самаго Помпея, и представить въ Народномъ Собраніи, чтобъ былъ возтребованъ сей великой Полководецъ къ отвѣту, по произведенной имъ войнѣ на Востокѣ. Но онъ скоро почувствовалъ, что власть его основана была, такъ сказать, на заемной силѣ, и что онъ не могъ бы никогда сдѣлать Цицерона нещастнымъ, естьли бы другіе сильные Общества, коихъ онъ мнилъ быть Начальникомъ хотя въ самомъ дѣлѣ былъ только орудіемъ, не спобствовали къ оному.

Помпей, тронутъ толь чувствительною прицѣпкою, не удерживался болѣ тайными своими обязательствами съ Цесаремъ, и предпринялъ заставить возвратить въ Римъ Цицерона, чтобъ употребить его вопреки Клодію. То было причиною еще новыхъ споровъ; и дѣло

дошло

дошло до самого боя. Но сторона Помпеева была толь сильна, что Клодій должен был уступить. Сенат мужественным своим поступком и властью кончил его споры. Он остановил отправленіе всѣх судебных дѣл, и сдѣлал Приговор, который предписывал Правителям не вступать ни в какое разсмотрѣніе дѣл, пока прежде возвращеніе Цицероново не будет подписано. Сей великой Муж, пробыв шестнатцать мѣсяцев в ссылкѣ, возвратился в свое Отечество.
696 год. Города, чрез кои он обратно ѣхал, воздали ему чрезвычайныя почести; и он сам сказал, *что он возвращался в Рим на руках жителей всей Италіи.* То было безпрерывное торжество во всем пути его. Когда он подъѣзжал к Риму, то Вельможи, Рыцари, и Народ, всѣ вышли его встрѣтить; и Сенат общенародным Приговором приказал, чтоб домы его кои разорил Клодій, вновь

были

были построены общественными деньгами.

Цесарь, не открывая себя при сихъ происшествіяхъ, смотрѣлъ на возстановленіе Цицероново безъ прекословія, и казался что онъ тогда занятъ былъ единственно дѣлами по своей должности.

По тогдашнему обычаю, Консуламъ давались особенные Правительствы по исходѣ ихъ Консульства; и Цесарь, какъ предъ симъ упомянуто, согласно съ Помпеемъ и Крассомъ, заставилъ вручить себѣ Правительство Сизъ-Алпинской Галліи, которая была не въ дальности отъ Рима. Ватиній, Народный Трибунъ, и угождатель Цесаревъ, заставилъ прибавить ему еще Правительство Иллиріи вмѣстѣ съ Транз-Альпинскою Галліею; то есть: Провансъ, часть Дофинея и Лангедока, чего Цесарь желалъ безмѣрно, чтобъ разпространить далѣ свое оружіе. Сенатъ безспорно согласился, не бу-

дучи властенъ отказать въ томъ Цесарю.

Цесарь избралъ Правительство сихъ Провинцій для лучшей удобности содѣлать тамъ славу своего оружія. Онъ предумыслилъ завоевать всю цѣлую Галлію, почитая сіе завоеваніе достойнымъ его мужества и храбрости; а къ тому онъ ласкался пріобрѣсть тамъ великія богатсшвы, столько же нужныя для подкрѣпленія его силы въ Римѣ, какъ и для военныхъ его росходовъ. Онъ отправился для завоеванія Галловъ съ четырмя Легіонами, и Помпей ссудилъ его послѣ еще однимъ Легіономъ, которой онъ отдѣлилъ отъ войска бывшаго подъ его повелительствомъ, поколику Помпей былъ Правителемъ Гишпаніи и Ливіи. Произведенныя Цесаремъ войны, сраженіи и побѣды всѣмъ извѣстны. Онъ, въ теченіе менѣ десятилѣтняго времяни, побѣдилъ Гельвеціянъ, и принудилъ ихъ заключиться въ горахъ своихъ; об-

ступилЪ и разбилЪ Аріовиста Царя Германскаго, противу котораго онЪ произвелЪ войну, хотя сей Государь и принятЪ былЪ вЪ число СоюзниковЪ Римскаго Народа; покорилЪ по томЪ ВельховЪ подЪ свои Законы; завоевалЪ всю Галлїю, и Римляне подЪ его предводительствомЪ переправились черезЪ море, и распустили вЪ перьвой разЪ знамена свои вЪ Велико-Британїи. Повѣствуютъ, что онЪ побралЪ силою, или единымЪ страхомЪ своего оружїя, восемь сотЪ ГородовЪ; покорилЪ триста разныхЪ НародовЪ; разбилЪ вЪ разныхЪ сраженїяхЪ три миліона людей, изЪ коихЪ одинЪ миліонЪ побитЪ былЪ вЪ полѣ, и одинЪ миліонЪ взятЪ былЪ плѣномЪ. Таковыя изчисленія казались бы мало вѣроятны, естьли бы не были подтверждены отЪ Плутарха и другихЪ РимскихЪ ИсториковЪ.

По малой мѣрѣ то достовѣрно что Республика не имѣла еще толь великаго Полководца, естьли долж-

 но

но уважить къ тому поведенíе его въ повелительствѣ надъ войсками, безпримѣрное его мужество въ сраженíяхъ, и умѣренность его надъ побѣжденными. Но сíи похвальныя качествы помрачены были неограниченнымъ властолюбíемъ, и ненасытною алчностью къ сребру, которое онъ почиталъ надежнѣйшимъ орудíемъ для произведенíя въ дѣйство великихъ своихъ предприятíй. Со времяни какъ онъ прибылъ въ Галлíю, все продавалось въ его станѣ: Чины, Правительствы, войны, союзы, все што было его торговлею. Онъ разграбилъ Храмы Боговъ и земли Союзниковъ. Все что служило къ разпространенíю его власти, было для него справедливо и не зазорно. Цицеронъ сказываетъ, что онъ часто отъ него слыхалъ сíи слова Еврипидовы: *естьли должно нарушать правы, то должно нарушать ихъ только для тогочтобъ царствовать; но въ другихъ дѣлахъ, кои не столь важной конецъ имѣютъ, правосудíе долженствуетъ быть строго на-*

блюдаемо. Сенатъ, развѣдывая о его поступкахъ, хотѣлъ его въ томъ судить, и послалъ отъ себя Повѣренныхъ даже въ Галлїю, для изслѣдованія жалобъ Союзниковъ. Катонъ, по возвращенїи сихъ Повѣренныхъ, предложилъ выдать его въ руки Арїовисту, чтобъ доказать что Республика не имѣла участїя въ несправедливости его оружїя, и чтобъ на немъ единомъ оставалось Божеское мщенїе за вѣроломство. Но слава побѣдъ его, благосклонность къ нему Народа, и деньги коими онъ умѣлъ удобревать Сенаторовъ, нечувствительно обратили жалобы въ похвалы. Грабительствы его приписаны были политическимъ намѣренїямъ; принесены были Богамъ благодарныя мольбы за сїи святотатствы; и великїя злодѣянїи, отъ успѣха въ ихъ исполненїи, поставлены были великими добродѣтелями.

Цесарь долженъ былъ своими успѣхами своему безпримѣрному мужеству

 ству

ству и любви какую имѣли къ нему его воины. Они его обожали, и въ самыя величайшїя опасности слѣдовали за нимъ съ совершенною на него надеждою, къ похвалѣ его. Тѣ кои подъ предводительствомъ другихъ были слабые воины, оказывали въ его повелѣнїяхъ непобѣдимую храбрость, и дѣлались по его примѣру другими Цесарями. Онъ привязалъ ихъ къ своей особѣ и къ своему благополучїю не измѣнными попеченїями о ихъ удовольствїи и щедрыми наградами. Онъ удвоилъ ихъ жалованье; и хлѣбъ, который прежде раздавался имъ точною мѣрою, отсыпался тогда для нуждъ ихъ безъ всякой мѣры. Онъ награждалъ отставныхъ землями и владѣнїями. Казалось что онъ былъ только казначей неизчетныхъ богатствъ кои онъ присовокуплялъ вседневно, и что онъ на то только собиралъ ихъ, чтобъ платить ими храбрость и награждать достоинствы. Онъ оплачивалъ такъ же долги

ги главныхъ своихъ Чиновниковъ, и увѣрялъ тѣхъ коихъ долги были чрезмѣрны, что они не могутъ ничего опасаться отъ стороны своихъ заимодавцевъ, во все время какъ будутъ служить подъ его знаменами. Воины и Чиновники, каждый полагалъ надежду своего блугополучїя на щедрость и покровительство Полководца. А чрезъ то нечувствительно республическїе воины содѣлались воинами Цесаревыми.

Попеченїи его о людехъ не ограничивались въ одномъ только войскѣ. Изъ нутри Галлїи, онъ обращалъ дѣла по своей волѣ въ самыхъ римскихъ *Комицїяхъ* и Народныхъ Собранїяхъ. Ничего тамъ не произходило безъ его участїя. И въ большой части Сенаторскихъ рѣшенїй онъ содѣйствовалъ равно своею силою и деньгами. Въ томъ и въ другомъ Обществѣ онъ имѣлъ сильныхъ друзей и преданныхъ себѣ угождателей. Онъ снабдѣвалъ ихъ всегда деньгами,

 какъ

какъ для заплаты долговъ ихъ, такъ и для произведенія ихъ въ главные
703 Чины Республики. А сими деньгами
годъ. онъ покупалъ не только голоса ихъ, но и самую ихъ драгоцѣнную Римскую свободу. Емилій Павлъ, будучи Консуломъ, перебралъ съ него девять сотъ тысячь талеровъ, за то только чтобъ не препятствовать его намѣреніямъ въ свое Консульство. Онъ подарилъ еще болѣ того Куріону, Народному Трибуну, наглому и неспокойному, но искусному и краснорѣчивому человѣку, которой продавъ ему свою совѣсть, для лучшаго ему угожденія лицемѣрно таилъ свои съ нимъ обязательствы, и показывалъ какъ будто онъ въ поступкахъ своихъ имѣлъ предмѣтомъ едину только Народную пользу.

Друзья Помпеевы дали уразумѣть ему поступки Цесаревы, и представили всю опасность отъ того для Республики. Помпей отворилъ тогда глаза съ удивленіемъ и стыдомъ,

домъ, что онъ дозволилъ себя обмануть человѣку который поступалъ съ нимъ хитро, и что онъ въ чаянїи благоприятствовать своему тестю и своему другу, содѣлалъ можетъ быть надъ собою Властителя. Онъ предприняль разрушить то что онъ почиталъ собственнымъ своимъ произведенїемъ, и унизить возвышенїе Цесарево. Онъ ласкался, что какъ онъ полновластно правилъ Сенатомъ, то не найдетъ противу себя спорщика. Цесарь, съ своей стороны, имѣлъ себѣ подпорою побѣдоносное войско и благосклонность Народа.

Совмѣстничество въ Правительствѣ, и взаимная ревность въ снисканїи себѣ славы, скоро заставили ихъ примѣтить что они были неприятели, хотя они сохраняли еще всѣ наружности прежнихъ между собою обязательствъ. Но когда Крассъ, который своею силою и неизчетными богатствами одинъ только могъ содер-

жать въ равновѣсіи власть ихъ, когда Крассъ, повторю я, убитъ былъ въ войнѣ съ Парѳянами, то они увидѣли себя въ свободѣ открыть наклонность чувствъ своихъ. И къ тому смерть Юліи дочери Цесаревой, а жены Помпеевой, вскорѣ послѣ случившаяся, разрушила и самые остатки согласія между тестемъ и зятемъ.

Римъ былъ тогда въ совершенномъ неустройствѣ. Гнусное мздоимство и продаваніе Чиновъ всенародно объявлялись. Тѣ кои ихъ искали приносили свои деньги посреди сборища. Сія безчестная плата раздавалась позорнымъ образомъ главнодѣйствующимъ людемъ между Народомъ; и тѣ кои получали такую плату, употребляли насильство и наглость въ замѣну большинства голосовъ, для избранія плательщиковъ. Такимъ образомъ никто не получалъ Чина безъ кровавой драки и безъ смертноубійства многихъ Гражданъ. Часто

двѣ

двѣ противящїяся стороны, будучи въ равной силѣ, расходились безъ всякого избранїя; и сїе неустройство до того разпространилось, что Римъ восемь мѣсяцевъ былъ безъ Правителей. Подозрѣваемо было что Помпей, стараясь привлечь къ себѣ всю власть, былъ способникомъ безпорядка бывшаго тогда въ Правленїи. Угождатели его, къ успѣху властолюбивыхъ его намѣренїй, порочили въ своихъ рѣчахъ къ Народу сїе не обузданное самовольство, какое видимо было въ республическихъ избранїяхъ. Многїе же говорили, испытывая мысли народныя, что Монархическое Правленїе было бы лучше республики, которая содѣлалась совершенною Анархїею; что по малой мѣрѣ надлежитъ избрать Диктатора, и что въ семъ необходимо нужномъ выборѣ должно отдать себя въ руки самому кроткому лѣкарю: а сими хитрыми словами, они не назвавъ Помпея назначали его къ сей должности. Сїе тре-

требованіе продолжаемо было съ такимъ жаромъ отъ его сообщниковъ, что Сенатъ оказывалъ себя склоннымъ вручить ему сію Высочайшую власть, которая различна была отъ Царственной единою только кратkостью времяни. Но Катонъ, всегдашній попечитель о сохраненіи вольности, проникнувъ намѣреніе Помпеево, и боясь чтобъ при толь пространной силѣ какую Помпей имѣлъ въ Римѣ, онъ не остался навсегда Диктаторомъ, далъ уразумѣть Сенату, что лучше было бы поставить его Консуломъ, не придавая ему Товарища. Онъ сдѣлалъ сіе предложеніе для того чтобъ сохранить еще нѣкоторой образъ Республики, и по тому что Консульство, не изключалось, такъ какъ Диктаторство, отъ должности давать отчетъ въ своемъ поведеніи Народу и Сенату.

Сенатъ одобрилъ предложенный Катономъ способъ. Помпей одинъ былъ избранъ въ Консулы. Ему оста-

ставлены при томъ его Правительствы, съ Началовластіемъ надъ войсками кои были въ его повелѣніяхъ, и ему позволено брать каждый годъ, изъ общаго сокровища, по тысячи талантовъ на жалованье воинамъ. Мало времяни спустя онъ женился на Корнеліи, дочери Метелла Пія. И хотя Консульство отдано ему было безъ Товарища, но онъ приобщилъ къ себѣ своего тестя въ Консульское Достоинство, на пять послѣднихъ мѣсяцевъ, кои дѣлали конецъ сему его званію. Таковая умѣренность заставила еще болѣ Сенатъ любить власть его.

Цесарь, по благосклонности оказанной отлично Помпею, нашелъ поводъ требовать себѣ такъ же Консульства съ уступленіемъ ему его Правительствѣ. Помпей тому не прекословилъ, но заставилъ, вмѣсто себя, вступить въ споръ Маркелла и Лентуласвоихъ угождателей, кои для воспрепятствованія въ томъ Цесарю, предста-

ставляли, что Законы не позволяютъ допускать отсудствующихъ въ число требующихъ Консульскаго Достоинства.

Намѣреніе Помпеево, при умыслѣ сего препятствія, было принудить Цесаря оставить Правительство Галловъ и предводительство войскъ, и чтобъ онъ ѣхалъ своею особою требовать Консульства. Но Цесарь, возчувствуя его хитрость, желалъ лучше остаться при своихъ войскахъ. Сказываютъ, что свѣдавъ о не успѣхѣ своего требованія и о препятствахъ отъ своихъ неприятелей, онъ возложилъ руку на кисть меча своего и выговорилъ: *Вотъ кто заставитъ мнѣ дать, то чего не справедливо хотятъ лишить меня.* Другіе же приписываютъ сей отвѣтъ одному изъ его главныхъ Чиновниковъ, котораго онъ послалъ изъ войска просить ему сего Достоинства.

Сенатъ, поступая во всемъ по внушеніямъ Цесаревыхъ неприятелей, приказалъ отдѣлить отъ его войска, и отъ

отЪ другаго которое было подЪ повелительствомЪ ПомпеевымЪ, два Легїона, подЪ видомЪ что надлежало ихЪ послать вЪ Сирїю; ибо разглашено было что Паряне собирались грабить оную, по разбитїи Красса. Помпей, чтобЪ ослабить Цесаревы силы, велѣлЪ такЪ же требовать отЪ него и тотЪ ЛегїонЪ коимЪ онЪ его ссудилЪ на время. Аппїй Клавдїй отправленЪ былЪ сЪ симЪ требованїемЪ. Хотя Цесарь проникЪ вЪ томЪ умыслЪ своихЪ неприятелей, однако не преминулЪ отдать помянутые два Легїона посланному отЪ Сената. При отпускѣ ихЪ, онЪ наградилЪ ЧиновниковЪ подарками, и приказалЪ выдать каждому воину двѣсти пятдесятЪ драхмЪ, что учиняетЪ около шестнатцати рублевЪ, такЪ какЪ за добрую ихЪ при немЪ службу. Но какЪ слухи обЪ умыслѣ ПаряанЪ были нарочно только вымышлены, для ослабленїя силЪ ЦесаревыхЪ и для подкрѣпленїя республическихЪ, то помянутые два

Ле-

Легіона, по возвращеніи ихъ въ Италію, поставлены были по квартирамъ въ Кампаніи и въ окружностяхъ Города Капу, вмѣсто того чтобъ вести ихъ въ Восточныя Области.

Аппій, возвратясь въ Римъ, сдѣлалъ Цесарю великую услугу противу своего въ томъ намѣренія. Онъ, чтобъ польстить Помпееву властолюбію, сказалъ ему, что все Галлическое войско желаетъ его имѣть своимъ Полководцемъ, и что воины, подозрѣвая Цесаря въ исканіи себѣ Монаршества, вознамѣрились его оставить, естьли они приведены будутъ на задъ въ Италію.

Помпей, обманутъ сими словами, оставилъ въ небреженіи нужные предосторожности, противу непріятеля повелѣвающаго сильнымъ войскомъ. И когда Главные изъ его сообщества, видя съ удивленіемъ его въ томъ небрежность, представляли ему необходимую нужду укрѣпить свои силы новыми наборами, то онъ отвѣтство-

ствовалъ имъ гордымъ образомъ: *что онъ постучитъ только ногою, то готовые вооруженные Легiоны тотъ часъ передъ нимъ станутъ.* Онъ говорилъ съ толь многою на себя надеждою, ласкаясь что когда вступитъ въ войну съ Цесаремъ, то большая часть его войска перейдутъ къ нему въ повеленiе. Между тѣмъ однако, боясь щастiя и мужества сего великаго Полководца, онъ старался выманить его изъ Правительства Галловъ, не объявляя себя точно ему неприятелемъ. Онъ принялъ мѣры съ Сенатомъ, чтобъ наименовать на его мѣсто другаго. Предложено было о томъ въ общемъ Собранiи; и всѣ согласились, что какъ уже время Правительства его почти кончилось, то справедливо надлежитъ послать въ Галлiю другаго Сенатора, которой бы взялъ у него сiе Правительство и Начальство надъ войсками. Курiонъ, Народный Трибунъ, не желая показать что онъ къ какой либо одной сторонѣ особо

 при-

прилѣпляяся, хотя скрытно и благоприятствовалъ Цесарю, объявилъ себя такъ же согласнымъ съ общимъ мнѣнїемъ Сенаторовъ, коихъ онъ много выхвалилъ. Но прибавилъ къ тому, что для лучшаго благосостоянїя общей вольности, должно заставить такъ же Помпея распустить войски кои были въ его повелѣнїяхъ; равно чтобъ сдалъ онъ съ себя и Правительство Гишпанїи и Ливїи. Друзья Помпеевы возгласили, что время его Начальства еще не кончичилось такъ какъ Цесарево. Тогда Помпей, вступя въ рѣчь говорилъ, что онъ принялъ на себя сїи должности повинуясь въ томъ только волѣ Сената, и что онъ готовъ ихъ оставить, не дожидаясь конца времяни назначеннаго Закономъ. Онъ обѣщалъ самъ сложить съ себя свое званїе; и чтобъ заставить Сенатъ назвать томъ часъ другаго на мѣсто Цесаря, онъ прибавилъ съ наружнымъ чистосердечїемъ, что онъ знаетъ желанїи

нїи Цесаревы, и такъ какъ родственникъ и другъ его можетъ ручаться, что сей великой Полководецъ, по десятилѣтней безпрестанной войнѣ съ храбрѣйшими Народами въ Свѣтѣ, хочетъ напослѣдокъ вкусить успокоенїе въ нѣдрахъ своего Отечества.

Курїонъ, уразумѣлъ хитрой умыселъ словъ его, то есть что Помпей отвѣтствовалъ толь твердо за Цесаря для того только чтобъ другой наименованъ былъ на его мѣсто; по чему и говорилъ, что того не довольно что онъ обѣщалъ самъ собою отказаться отъ своего Правительства, естьли онъ въ тотъ же часъ не исполнитъ своего обѣщанїя; что они оба были весьма сильны, и польза Республики требуетъ чтобъ они въ одно время вошли въ прежнее свое простое состоянїе. Онъ заключилъ свое мнѣнїе тѣмъ, что естьли они вмѣстѣ не оставятъ Повелительства надъ войсками, то должно объявить ихъ обѣихъ неприятелями Республики.

Ку-

Куріонъ настоялъ толь крѣпко объ общемъ ихъ низведеніи для того чтобъ скрыть тайную свою склонность къ Цесарю: бывъ увѣренъ въ протчемъ что Помпей не согласится никогда лишить себя своихъ Правительствъ. А хотя бы онъ къ тому и согласился, и Цесарь по его примѣру долженствовалъ бы оставить свое Повелительство надъ войсками, то Куріонъ вѣдалъ сколь много Цесарю были преданы воины и Чиновники, и сколь мало труда ему стоило привлечь подъ свое предводительство войски, кои тайно были имъ наняты и закуплены.

Сей Трибунъ, видя что мнѣніе его не было принято, распустилъ Сенатъ, властью какую онъ имѣлъ по своему званію. Нѣсколько дней спустя Консулы собрали вновь Сенаторовъ. Маркелъ, перьвый Консулъ и явный защитникъ Помпеевъ, употребилъ нѣкоторую хитрость чтобъ оставить его по прежнему Правителемъ.

лемЪ. ОнЪ заставилЪ ихЪ подавать мнѣнїи о Помпеѣ и Цесарѣ о каждомЪ особо, и спросилЪ сперьва находятЪ ли Сенаторы за благо чтобЪ Помпей отрекся отЪ власти ему врученной: тогда большая часть СенаторовЪ объявили что они за благо того не находятЪ. По томЪ онЪ требовалЪ ихЪ разсужденїя о Цесарѣ, и когда спросилЪ у нихЪ согласны ли они опредѣлить другаго ему на смѣну, то они всѣ вЪ томЪ согласились. Но КурїонЪ, хотя не былЪ тогда болѣ ТрибуномЪ, представилЪ Сенату на разсужденїе, не найдетЪ ли онЪ еще за лучше чтобЪ они оба оставили повелительство надЪ войсками: тогда по Собранїи голосовЪ, нашлось триста семдесятЪ сЪ нимЪ согласныхЪ, противу только двятцати двухЪ, кои твердо настояли чтобЪ Помпей одинЪ остался при повелительствѣ войскЪ своихЪ.

МаркелЪ видѣлЪ со стыдомЪ и озлобленїемЪ толь малое число голосовЪ

совѣ сѣ нимѣ согласныхѣ, и сѣ жаромѣ вскрикнулѣ: *такѣ пусть будетѣ Цесарь вашѣ Повелитель естьли вы того хотите.* Кѣ тому нѣкто изѣ друзей его прибавилѣ стращая Сенатѣ, что Цесарь перешелѣ уже обратно Альпы, и что идетѣ со всѣмѣ своимѣ войскомѣ прямо кѣ риму. Но Куріонѣ обратилѣ вѣ посмѣхѣ сію вѣдомость, и Консулѣ, вѣ досадѣ что не могѣ согласить Сенатѣ сѣ своимѣ мнѣніемѣ, вышелѣ, не ждавѣ ничего болѣ и выговоря, что когда мѣшаютѣ ему предохранять отѣ гибели республику, то онѣ самѣ сыщетѣ добрые на то способы, властью какую онѣ имѣетѣ по своему званію. Онѣ явился оттуда, сѣ Лентуломѣ своимѣ Товарищемѣ, вѣ одинѣ загородной домѣ гдѣ Помпей находился, и подая ему мечь: *мы тебѣ приказываемѣ,* говорилѣ онѣ ему, *Товарищѣ мой и я, итти противу Цесаря и сражаться сѣ нимѣ вѣ защищеніе Отечества.* Помпей обѣявилѣ, что

онѣ

онъ имъ повинуется, и прибавилъ съ притворною умѣренностью: *что между тѣмъ а восьлибо найдутся какія ни будь другія не такъ жестокія средства.*

Цесарь, получая извѣстіи о всемъ что происходило въ Римѣ, и стараясь всегда дать своей сторонѣ видъ справедливости, писалъ многажды въ Сенатъ съ великою умѣренностью и такъ какъ бы искалъ мира. Онъ требовалъ, чтобъ онъ или оставленъ былъ въ своемъ Правительствѣ какъ то сдѣлано было для Помпея, или бы позволено ему было, въ отсудствіи изъ Рима, просить себѣ Консульства. Онъ возобновилъ по томъ предложеніи Куріоновы, и требовалъ чтобъ Помпей и онъ вмѣстѣ оставили свои Правительствы и Начальство надъ войсками. Но Сенаторы, кои великимъ числомъ благоприятствовали Помпею, отринули всѣ сіи предложеніи, и Цесарь требовалъ на конецъ только Правительства Ил-

лирїи съ двумя Легїонами: чего бы онъ никогда не требовалъ, естьлибъ чаялъ что на то согласятся; но онъ вѣдалъ что противообщники желали со всѣмъ его обезоружить. Въ самомъ дѣлѣ ни какое его предложенїе не было приемлемо. Маркелъ, перьвый Консулъ, совершенно преданный Помпею, и съ природы гордый и высокомѣрный, говорилъ что не достойно для Республики вступать въ договоры съ своимъ подданнымъ, который несетъ противъ нея оружїе. Лентулъ же его Товарищь, удрученъ долгами, и ища себѣ способовъ въ Государственныхъ возмущенїяхъ, радъ былъ междоусобной войнѣ, въ которой онъ могъ приобрѣсть себѣ отличность, и получить великїя богатствы естьли его сторона преодолѣетъ.

Цесарь, предвидѣвъ конецъ своихъ требованiй, перешелъ Альпы съ третьимъ Легїономъ, и остановился въ Равенѣ. Онъ послалъ тотъ часъ Фа-

бїя,

бїя, изъ своихъ подручныхъ Полководцевъ, подать отъ него письмо къ Сенату. Онъ въ началѣ писалъ, въ сильныхъ словахъ, о своихъ побѣдахъ, и просилъ чтобъ уважены были его заслуги. По томъ доносилъ, что онъ готовъ оставить Повелительство обще съ Помпеемъ; но что когда сей Полководецъ будетъ имѣть его по прежнему, то и онъ съ своей стороны умѣетъ удержать себя Повелителемъ надъ своимъ войскомъ, и не въ долгомъ времяни притти въ Римъ, для отмщенїя за свои собственныя обиды, и за обиды творимыя его Отечеству.

Сїи послѣднїя слова, наполненныя угрозами, вооружили противу его все Собранїе. Лентулъ вскричалъ, что нѣчего разсуждать о письмѣ въ которомъ Риму война объявлена, и прибавилъ въ жарѣ своего гнѣва, что нужно собрать оружїе а не голоса, противу толь великаго вора каковъ Цесарь. Тотъ часъ Луцїй Домицїй

названъ былъ для его смѣны, и ему дано было четыре тысячи человѣкъ новаго войска, дабы съ симъ слѣдовалъ онъ принять должность своего Правительства.

По томъ написанъ Приговоръ, который Цесаревы неприятели сами сочинили. Въ немъ предписано было, чтобъ онъ разпустилъ свое войско въ уреченное время, и естьли онъ тому не станетъ повиноваться, то съ нимъ поступлено будетъ какъ съ неприятелемъ Республики. Маркъ Антонїй, бывшїй тогда Трибунъ, вспомоществуемъ Курїономъ и Крассомъ, хотѣлъ было властью своего званїя оспорить сей Приговоръ, но Консулы, раздражены ихъ сопротивленїемъ, силою выбили ихъ изъ Сената. Помпей же скрытно приказалъ подступить воинамъ чтобъ ихъ обругать. Антонїй при выходѣ изъ Сената вопїялъ, что Достоинство Трибунское, до толѣ святопочитаемое, нагло нарушено, и что таковыя насильствы

суть

суть ничто иное какъ предначинанія кровопролитныхъ браней, казней и убійствъ кои онъ предвидитъ. Онъ выходя произносилъ ужасныя проклятіи противу Творцовъ сихъ нещастій; и сіи трое Сенаторы, нарядясь въ невольническое платьѣ дабы ихъ не узнали, наскоро ушли и приообщились къ Цесарю.

Сенатской Приговоръ былъ сущимъ обЪявленіемъ войны. Два сильныхъ Общества вооружились другъ противу друга, оба показывая что они идутъ защищать Законы и вольность; но Предводители ихъ имѣли тайныя въ томъ виды своего особеннаго возвышенія и истребленія вольности и Законовъ. Общество Помпеево имѣло нѣчто болѣ оправдательное. Оно прикрывало себя достопочтеннымъ именемъ Республики, которая его признавала своимъ Полководцемъ; и весь Сенатъ и Консулы были подъ его знаменами. Цесарь же имѣлъ съ своей стороны любовь къ себѣ народную,

под-

подкрѣпленную побѣдоносным войскомъ; и естьли сторона Помпеева въ наружномъ видѣ имѣла болѣ справедливости, то сторона его соперника на противу того имѣла болѣ силы и упованія.

Сенатъ надѣялся, что Цесарь не можетъ вдругъ подвигнуть свои войски изъ нутри Галліи, гдѣ они были разсѣяны по разнымъ Провинціямъ, и что, пока они перейдутъ Альпы, Помпей успѣетъ набрать сильное войско. Но Цесарь, коего проницаніе и поворотливость были безподобны, вознамѣрился предупредить своихъ неприятелей, отважнымъ и скорымъ своимъ подступленіемъ. Онъ находился тогда въ Равенѣ, какъ выше сказано. Онъ послалъ немедлѣнно тайное повелѣніе къ ближнимъ своимъ войскамъ, чтобъ они слѣдовали къ Рубикону, небольшой рѣкѣ которая отдѣляла его Правительство, то есть Сиз-Алпинскую Галлію, отъ остатка Италіи.

Онъ

Онъ пустился въ путь на вечеръ, слѣдовалъ всю ночь съ чрезвычайною скоростью, прибылъ на сборное мѣсто при разсвѣтѣ дня, и уже нашелъ тамъ около пяти тысячь человѣкъ Пѣхоты, и до трехъ сотъ Конницы. Онъ остановился нѣсколько времяни на берегу сей малой рѣки. Тутъ мрачная неизвѣстность успѣха въ его предприятіи, и къ тому всѣ бѣдствіи междоусобной войны, представились уму его. Цесарь, воспитанный въ нѣдрахъ Республики, приближаясь къ Риму, не могъ хладнокровно мыслить о разореніи своего Отечества. Онъ прежде надѣялся на твердость, или лучше сказать на жестокость души своей, на сію жестокость которую онъ восприялъ по нуждѣ; и вольность, близкая къ гибели въ которую онъ готовъ былъ ее ввергнуть силою своего оружія, заставила его чувствовать еще нѣкоторыя угрызеніи совести. *Естьли я умѣшкаю перейти за сію рѣку*, говорилъ онъ главнымъ

Чино-

Чиновникамъ вокругъ его стоявшимъ, *то я погибну*: и естьли *перейду*, *то сколько нещастныхъ подѣлаю*! Но по томъ, представя себѣ въ мысль ненависть и злобу своихъ неприятелей, помысливъ такъ же о своихъ силахъ, онъ пускается въ рѣку и стремится на другую сторону, воскликнувъ, такъ какъ при неизвѣстномъ и отважномъ предприятіи: *такъ ужъ и быть, когда то неминуемо.* И тотъ часъ онъ продолжалъ свой путь, со всею скоростью какую тяжесть Пѣхоты ему имѣть дозволила. Онъ подступаетъ къ Риминію, нападаетъ вдругъ на сей Городъ, и уже владѣетъ онымъ.

Трудно изобразить страхъ и ужасъ, который взятьемъ сего Города разпространился по всей Италїи, и даже въ Римѣ. Казалось уже что сей страшный Полководецъ былъ подъ стѣнами Рима со всѣми Галлами. Сенатъ много разъ собирался, и ничего не предпринялъ. Не льзя было

согла-

согласить разноумствующія стороны. Многіе Сенаторы, не предлагая ни какого отъ себя мнѣнія, оспоривали только мнѣніе протчихъ; и въ сихъ нестройныхъ Собраніяхъ приемлемы были одни тѣ совѣты коихъ не льзя было исполнить.

Помпей, въ семъ смятеніи, имѣлъ особенное безпокойство. Онъ не имѣлъ ни войска, ни Крѣпостей гдѣ бы могъ укрыться, и долженъ былъ сносить укоры отъ большой части Сенаторовъ, кои винили его что онъ положился на вѣру Цесаревыхъ писемъ, и на притворныя его исканіи мира. Катонъ такъ же припоминалъ ему, что онъ ему давно говорилъ, что Цесарь скрытно достигаетъ къ Тиранству. *Признаюсь*, отвѣтствовалъ ему Помпей, *что ты его зналъ лучше нежели я; ты видѣлъ прямыя его склонности таковы каковы они есть, но я судилъ объ нихъ по тому образу какъ они быть бы долженствовали.* Каждый Сенаторъ вступался дѣлать ему пени

пени и подавать совѣты. Онъ находилъ вездѣ ослушанїи куда ни обращался, а сїе производило въ его разумѣ страхи и подозрѣнїи. И самый Народъ, при семъ волненїи, не хотѣлъ повиноваться своимъ Начальникамъ, но каждый самъ предписывалъ себѣ должность, подъ тѣмъ видомъ что каждый долженъ былъ пещись о своемъ спасенїи.

Въ семъ замѣшательствѣ Помпей, видя себя въ Римѣ безъ войска, боялся къ тому, естьли онъ заставитъ Народъ принять оружїе, чтобъ не сдѣлать тѣмъ противъ себя услуги Цесарю, вѣдая сколь Народъ къ нему былъ склоненъ; по чему вознамѣрился производить войну далѣ отъ Рима, и переѣхать въ Пулїю, гдѣ находились два Легїона возвращенные Апїю отъ Цесаря. Онъ представилъ Сенаторамъ, что онъ не будетъ имѣть недостатка въ воинахъ, естьли они согласны за нимъ слѣдовать, оставить Римъ, и самую Италїю, въ случаѣ

когда

когда не льзя будетъ удержаться въ оной; что прямые Римляне должны находить свое Отечество всюду, гдѣ они могутъ сохранить ихъ вольность; что Республика имѣетъ два Легіона возлѣ Капу, два другіе въ Фесаліи; что Петрей и Афраній, подручные его Полководцы въ Гишпаніи, имѣютъ подъ собою сильное войско, составленное изъ старыхъ воиновъ, кои не уступятъ ни въ искуствѣ ни въ храбрости воинамъ Цесаревымъ, кромѣ еще многихъ войскъ находящихся въ разныхъ Азїатскихъ и Африканскихъ Провинцїяхъ, и не кладя въ число помощь какую льзя получить отъ Союзныхъ Царей Римскаго Народа. Консулы и великое число Сенаторовъ, кои были всѣ друзья или угождатели Помпеевы, согласились великодушно не покидать его. Они отправились изъ Рима на вечеръ съ великою поспѣшностью. Сколь ни было имъ прискорбно, проститься съ своимъ Отечествомъ, и разлучиться

съ своими женами и дѣтьми, но они почитали уже Римъ не инако какъ станомъ Цесаревымъ, въ которомъ они не могутъ остаться.

Въ самомъ дѣлѣ Цесарь скоро завладѣлъ Римомъ, и онъ принятъ былъ туда своими сообщниками и всѣмъ Народомъ съ общими поздравленїями. И какъ въ междоусобныхъ браняхъ деньги столь же нужны какъ и оружїе, то онъ захватилъ къ себѣ общее сокровище, не взирая что Метеллъ, Трибунъ Народный, тому противился. Онъ пригрозилъ ему смертью, естьли онъ вонъ не выйдетъ. Вынявъ же изъ сокровища четыре тысячи сто тритцать фунтовъ золота, что учиняетъ около шести сотъ тысячь рублей, онъ отправился въ слѣдъ за Помпеемъ и его сообщниками. Но сей Вождь Сената, отлагая войну къ дальнему времяни, дабы между тѣмъ собрать болѣ силы, уѣхалъ

705 изъ Италїи въ Епиръ, и сѣвъ на ко-
годъ. рабль въ Бриндѣ, остановился въ Дирахїум-

рахїумской пристани. Цесарь, не могши догнать его, завладѣлъ всею Италїею въ менѣ двухъ мѣсяцевъ времяни. Произшествїе и подробности сей междоусобной войны не принадлежатъ къ моему сочиненїю. Извѣстно что Цесарь въ одинъ только часъ времяни имѣлъ щастїе завладѣть Имперїею, и что сраженїе въ Фарсальскомъ полѣ рѣшило его споръ съ Помпеемъ. По нещастїи же Помпеевомъ, который кончилъ потомъ жизнь въ Египтѣ, рушилась и связь его сообщества. Цесарь, безпрестанно дѣйствуя и приобрѣтая новыя побѣды, не давалъ времяни неприятелямъ воспротивиться. Война завела его въ разные Климаты. Побѣда и слава вездѣ съ нимъ соединены были. Кротость же его и милосердїе довершили побѣды и надъ сердцами его неприятелей. Хотя онъ и былъ воспитанъ Марїемъ своимъ дядею, но не имѣлъ въ себѣ ни его упрямой ненависти, ни его жестокаго мщенїя, которое

 заста-

заставило сего прежняго Предводителя пролить столько крови Граждан своих.

Цесарь, боле человеколюбив или боле искусен, жертвовал всегда особенною своею местью возстановленію своего Владычества. Он простил всех согласников Помпеевых. Было множество и таких коих он не отличал от первых друзей своих, когда надлежало раздавать Чины и Достоинствы Имперіи. Все покорились под его Властительство; и два года спустя после Рубиконскаго перехода, он вошел в Рим, обладая целым Светом и торжествуя над всеми своими неприятелями.

Сенат, по его возвращеніи, воздал ему отменные почести, и вручил ему неограниченную власть, которая оставляла в Республике едину только тень вольности. Он назван Консулом на десять лет, и Диктатором на всю жизнь. При том

дан

данъ ему былъ титулъ *Императора*, то есть почтенной титулъ *Отца Отечества*. Особа его объявлена была священною и ненарушимою. А тѣмъ соединены и навсегда утверждены въ его Особѣ, ежегодные Начальствы и преимуществы всѣхъ Властей Государственныхъ. Къ симъ почестямъ, прибавлено ему еще право присудствовать при всѣхъ играхъ на позлащенномъ сѣдалищѣ, и съ золотою на головѣ короною; уставлено же было Определѣнїемъ, чтобъ и по смерти его ставить всегда сїе сѣдалище и сїю корону, во всѣхъ народныхъ зрѣлищахъ, дабы сдѣлать память его безсмертною.

Ему не доставало только назвать себя Царемъ. Онъ размышлялъ принять ли ему сїе имя, или лучше сказать извѣдывалъ, могъ ли имѣть оное. Но узнавъ омерзѣнїе Римлянъ къ имяни и правамъ Царства, онъ не осмѣлился испытывать средствы чтобъ утвердить на себѣ корону, въ той

республикѣ у которой онъ не дав-
но отнялъ вольность. Онъ не хо-
тѣлъ оказать себя Самодержателемъ,
не хотѣлъ такъ же быть и простымъ
Правителемъ. По чему избралъ тре-
тью дорогу менѣ знакомую, и болѣ
опасную. Онъ ласкался ослѣпить Со-
граждaнъ своихъ, нѣкимъ страннымъ
и не согласнымъ смѣшенїемъ вольно-
сти съ Самодержавною властью; и
былъ столько отваженъ, что упо-
требилъ человѣколюбїе и милосердїе
при началѣ новаго Властительства.
То было въ угожденїе Сенату и Ре-
спубликанскому Обществу, что онъ
отпустилъ отъ себя Гишпанскую
свою военную стражу, не слушая въ
томъ лучшихъ своихъ друзей, кои
ему всегда представляли, что власть
приобрѣтенная оружїемъ не инако со-
храняется какъ тѣмъ же оружїемъ.
Но Цесарь, содѣлавшись Повелителемъ
надъ Свѣтомъ, легковѣрно положил-
ся на слова ласкателей, кои ему
твердили: *что по прекращенїи меж-*
до-

доусобныхъ браней, Республика имѣла нужду болѣ нежели онъ самъ, хранить жизнь его.

Неприятели его возпользовались симъ чрезмѣрнымъ его на себя упованіемъ, и обратили ему во вредъ оплошныя его мѣры. Большая часть Сенаторовъ оказали ему всѣ помянутыя чрезвычайныя почести умышленно, чтобъ привести его болѣ въ ненависть, и тѣмъ вѣрнѣя произвесть его погибель. Наипаче Вельможи, кои слѣдовали за Помпеемъ, и кои не могли простить Цесарю того что онъ далъ имъ жизнь въ Фарсальскомъ полѣ, тайно упрекали себя полученными отъ него благодѣяніями во вредъ общей вольности. И тѣ коихъ онъ почиталъ наилучшими своими друзьями, въ томъ только намѣреніи получали отъ него милости, чтобъ быть ближе къ его Особѣ и вѣрнѣе содѣлать его гибель.

Онъ имѣлъ намѣреніе обратить свое оружіе противу Парѳянъ, чтобъ

вымѣстить имъ разбитїе и смерть Крассову, и онъ долженъ былъ отправиться для сего дѣла въ скоромъ времяни. Согласники его и ласкатели, дабы заставить Римлянъ видѣть его съ меньшимъ отвращенїемъ въ Царскомъ Достоинствѣ, умышленно разглашали, что въ Сивиллическихъ Книгахъ находилось Пророчество: что Парѳяне никогда не будутъ побѣждены, естьли Римляне не будутъ имѣть Царя себѣ Предводителемъ. Повѣствуютъ такъ же, что Аврелїй Котта, хранитель сихъ священныхъ Книгъ, и его угождатель, долженствовалъ предложить о томъ Сенату въ день Мартовскихъ Идъ, такъ называемыхъ Праздниковъ, и что въ тотъ же день друзья Цесаревы должны были предложить, такъ какъ бы храня Достоинство Республики, чтобъ онъ въ Римѣ и въ Италїи имѣлъ названїе Диктатора, но чтобъ онъ признанъ былъ Царемъ, и принималъ бы Царственные почести относ-

носительно къ чужестраннымъ Народамъ, находящимся въ подданствѣ Римской Имперіи.

Цесаревы неприятели распространили сіи слухи для ускоренія его гибели. Они роптали противу его властолюбія, и всѣ ревностные Республикане предприняли умереть лучше, нежели видѣть вольность совершенно разрушену. Положено было въ тайныхъ Собраніяхъ: что не льзя было спасти Республику инымъ образомъ какъ смертью Диктатора, и болѣ шестидесяти Сенаторовъ совѣщались противу его жизни.

Брутъ и Кассій, которыхъ Цесарь въ томъ году произвелъ въ Преторы, были Предводителями сего Общества. Брутъ ставилъ себѣ въ славу произхожденіе своего рода, отъ сего древняго Брута коего Республика почитала своимъ Основателемъ. Любовь къ вольности отъ крови его Предковъ горѣла и въ немъ подобно. Но хотя онъ былъ явный неприя-

тель Монархіи, однако отрекался востать противу Монарха отъ котораго онъ получилъ много милостей; и сильная только любовь его къ Отечеству, приемлющая верьхъ надъ всѣми обязательствами, заставила его войти въ заговоръ противу Цесаря. Кассій, на противу того, человѣкъ съ природы гордый и властолюбивый, имѣя болѣ ненависти къ тирану нежели къ тиранству, старался погубить Цесаря для единаго удовольствованія своего мщенія, за нѣкоторые отъ него ему обиды; и онъ думалъ не столько объ общей въ томъ пользѣ, какъ о своемъ особенномъ удовлетвореніи.

Сообщники въ заговорѣ, чтобъ оправдать свое предпріятіе, отложили исполненіе онаго до Мартовскихъ идъ, то есть до дня когда Цесарь долженствовалъ быть Царемъ объявленъ. Волхвы предсказывали ему, что сей день долженъ быть ему нещастенъ; и въ предслѣдующую ночь

онъ

онъ примѣтилъ, что Калпурнія жена его, во снѣ, весьма тяжко вздыхала, и такъ какъ бы чувствовала наивеличайшую горесть. Она призналась по утру, что она видѣла во снѣ, какъ бы держала его въ рукахъ своихъ по всему тѣлу исколотаго. Она заклинала его, чтобъ онъ въ тотъ день остался дома, и отложилъ бы Собраніе Сената, или по малой мѣрѣ, естьли онъ не уважитъ ее прозьбу, не отказалъ бы ей въ томъ чтобъ вопросить Боговъ о будущемъ, чрезъ жертвоприношеніе.

Цесарь, хотя не былъ много суевѣренъ, но не могъ отринуть прозьбы добродѣтельной своей жены которую онъ любилъ; и не могъ тѣмъ болѣ что Авгуры были весьма уважаемы; не было почти людей кои бы начинали что ни будь безъ нихъ дѣлать, почитая ихъ по тогдашнему времяни Судебъ Истолкователями. Произведены были многіе жертвоприношеніи; и какъ не было въ нихъ ни одного бла-

благополучнаго знака, то Цесарь вознамѣрился разпустить Сенатъ, и далъ о томъ повелѣніе Марку Антонію, своему ближайшему наперстнику, котораго онъ въ томъ году сдѣлалъ Консуломъ.

Децимъ Брутъ, который не менѣ имѣлъ отъ него довѣренности хотя былъ изъ числа заговорщиковъ, боясь, естьли Цесарь отложитъ итти въ Сенатъ, чтобъ умыслъ ихъ не вышелъ въ наружу, представилъ ему, что Сенатъ собравшись по его повелѣнію можетъ принять сей роспускъ себѣ обидою; что все Общество готово объявить его Царемъ всѣхъ Провинцій Республики находящихся внѣ Италіи; и что онъ не долженъ отсрочивать удовольствія друзей своихъ видѣть его украшена симъ великимъ Титуломъ, который долженъ быть монументомъ и наградою побѣдъ его. По томъ, говоря ему множество другихъ столь же ласкательныхъ словъ, взялъ его за руку и вывелъ

велъ изъ дому. Сказываютъ, что на дорогѣ онъ получилъ множество билетцевъ, въ которыхъ дано было знать ему о заговорѣ, но что за народною толпою, которая его окружала, онъ не имѣлъ свободы прочесть ихъ, и отдалъ ихъ своимъ Секретарямъ, такъ какъ онъ дѣлалъ съ подаваемыми ему письмами когда казался въ Народѣ.

Едва онъ вышелъ изъ своихъ носилокъ, то всѣ Заговорщики, какъ будто для принесенія ему чести, его обступили. Аттилій Цимберъ, изъ числа оныхъ, подошелъ, какъ они въ томъ условились, просить его объ милости своему брату находившемуся въ ссылкѣ. Но какъ Цесарь ему въ томъ отказалъ, то Цимберъ, подъ тѣмъ видомъ что будто просить его съ большею покорностью, ухватился за воскриліе его одѣжды, и помянулъ его толь крѣпко что заставилъ наклонить шею. Тогда Каска извлекъ свой мечь и поразилъ его въ плечо,

но

но не далЪ ему тяжелой раны. Цесарь бросился на него и повергЪ его на землю; но какЪ они схватились другЪ сЪ другомЪ, то другой изЪ заговорщиковЪ зашелЪ сЪ зади и пронзилЪ его мечемЪ вЪ бокЪ. Кассій вЪ то же время поразилЪ его вЪ лицо, и БрутЪ пsuccess pokololЪ его вЪ стегно. ОнЪ защищался еще сЪ великимЪ мужествомЪ; но текущая изЪ ранЪ кровь столько его ослабила, что онЪ палЪ передЪ Помпеевою статуею и тутЪ умерЪ, получивЪ двадцать три раны мечьми, отЪ тѣхЪ коихЪ онЪ чаялЪ обезоружить своими благодѣяніями.

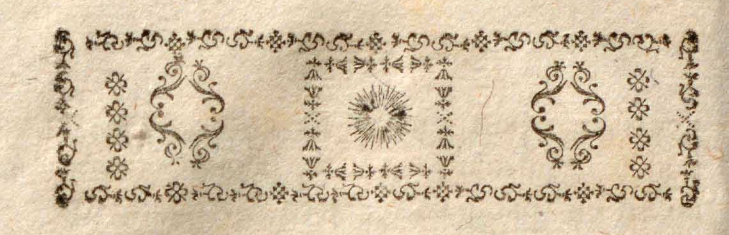
Заговорщики, видя его мертва, пошли вЪ то же время донести Сенату о причинахЪ ихЪ предпріятія, и просить его принять участіе вЪ дѣйствіи, которое возвратило вольность Отечеству. Но никто не хотѣлЪ ихЪ слушать; большая часть Сенаторовъ, вЪ страхѣ, неудоумѣніи и трепетѣ; выбѣжали вонЪ сЪ торопостью.

постью. Они ушли въ свои домы и тамъ затворились, не вѣдая должно ли имъ было надѣяться или бояться, отъ толь дерзновеннаго дѣйствія и жалостнаго произшествія.

Конецъ третьейнадесять Книги.

КНИ-

КНИГА XIV.

По смерти Цесаревой составляются два Общества въ Республикѣ. Одно въ подкрѣпленіе Заговорщиковъ, а другое для отмщенія за смерть Дикторову. Консулъ Маркъ Антоній пристаетъ то къ той то къ другой сторонѣ, смотря по выгодамъ его особыхъ видовъ. Успѣхи его возвышенія разрушены молодымъ Октавіемъ, двоюроднымъ внукомъ и восприятымъ сыномъ Диктаторовымъ Октавій утверждаетъ Закономъ сіе восприятіе чрезъ Претора, и объявляетъ себя наслѣдникомъ своего двоюроднаго Дѣда, котораго воспримаетъ имя стараніемъ Цицероновымъ. Онъ соглашаетъ Сенатъ на свою сторону. Тріумвирство Цесаря, Антонія и Лепида.

пида. Безчеловѣчныя на смерть прописаній. Цесарь употребляетъ въ свою пользу власть Антоніеву и Лепидову для погубленія Заговорщиковъ и ихъ согласниковъ. Онъ дѣлается потомъ неприятелемъ Лепиду, и самому Антонію; а напослѣдокъ остается Властителемъ надъ всею Римскою Имперіею.

Брутъ и Кассій, не могши удержать Сенатъ, пошли по Городу, въ послѣдствіи своихъ сообщниковъ, съ окровавленными въ рукахъ мечами. Они обнародовали по всѣмъ улицамъ, для привлеченія Народа въ свое общество, что они убили Царя Рима и тирана Отечества. Предъ ними шествовалъ Герольдъ, который несъ на копьѣ разпущенную шляпу въ знакъ вольности; и они увѣщевали Народъ соединиться съ ними для возстановленія Республики. Нѣкоторые Сенаторы, не имѣвшіе участія въ за-

говорѣ, пристали къ Заговорщикамъ, чтобъ тѣмъ честь себѣ сдѣлать, и превознесли ихъ великими похвалами. Но никто между Народомъ не присталъ къ сторонѣ ихъ. Не было уже тѣхъ древнихъ Римлянъ кои предпочитали вольность жизни. Большая часть, умягчены приятною въ Римѣ жизнію, обыкши дѣлать себѣ прибыль продажею голосовъ своихъ, тѣмъ людемъ кои дороже ихъ покупали, или довольствуясь щедрыми милостьми Диктаторовыми, воспоминали его какъ Отца Отечества. Заговорщики, удивясь оказываемому о немъ сожалѣнію, ушли въ Капитолій, и призвали къ себѣ для своей безопасности великое число Гладіаторовъ, кои находились въ повелѣніи у Децима Брута главнаго изъ Заговорщиковъ. Они видѣли съ прискорбностью, что смерть одного властопохитителя могла быть причиною новыхъ возмущеній въ Республикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Антонїй, Лепидъ и другїе близкїе друзья Цесаревы, кои сперьва укрылись избѣгая общей съ нимъ гибели, видя на конецъ Народное съ ними согласїе, вышли изъ своего убѣжища, собрали своихъ сообщниковъ, и предприняли отмстить за смерть Диктаторову. Лепидъ, по приказанїю Антонїя бывшаго тогда Консуломъ, велѣлъ подступить даже на Марсово поле войску, которымъ онъ повелѣвалъ въ званїи Коннаго Полководца. Антонїй, съ своей стороны, будучи перьвымъ Консуломъ и главнымъ Правителемъ республики, приказалъ принесть въ свой домъ деньги и письма Цесаревы, и созвалъ Собранїе Сенаторовъ. Сїе достопочтенное Общество никогда еще не собиралось для толь важнаго и двоякаго обстоятельства. Надлежало рѣшить, былъ ли Цесарь тиранъ или Законной Правитель? и тѣ кои его убили, казни ли заслуживали или награжденїи? Антонїй, чтобъ загра-

 дить

дить уста многимъ Сенаторамъ, получившимъ Чины и Правительствы изъ милости отъ Цесаря, но послѣ воставшимъ противу своего благодѣтеля, спросилъ еще: должно ли, полагая что онъ былъ тиранъ, уничтожить всѣ его Опредѣленіи, всѣ разные уставы кои отъ него вышли во всей Имперіи? и должно ли такъ же чтобъ Правители Республики и Правители Провинціальные, коихъ онъ уставилъ, отрѣшены были отъ ихъ должностей.

Въ Сенатѣ находилось два Общества, кои не открывая себя производили противныя другъ другу намѣренiи съ великою хитростью и притворствомъ. Антонiй, предводительствуя друзьями и угождателями Цесаревыми, искалъ, чрезъ гибель убiйцевъ, способа возвести самого себя на степень Самодержавнаго властительства. Истинные же Республикане, не открывая что они довольны были произшедшимъ дѣйствiемъ,

имѣли

имѣли единственнымъ предмѣтомъ возстановленіе Республики; и какъ большая часть изъ нихъ были родня или друзья съ Заговорщиками, то они желали дать имъ какіе ни будь отдаленные Правительствы, не столько для удовольствованія ихъ честолюбія, сколько для ихъ спасенія. Въ семъ новомъ смятеніи, большая часть Сенаторовъ не знали точно кто чего желаетъ; всѣ взаимно остерегались другъ друга, и говорили свои мнѣніи съ великою бережливостью, такъ какъ не вѣдали всѣхъ тѣхъ кого въ послѣдствіи имъ должно любить или ненавидѣть. Но по многихъ различныхъ разсужденіяхъ, найдено было средство къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Рѣшено Приговоромъ, чтобъ смерть Цесарева осталась безъ всякаго изслѣдованія, и чтобъ въ то же время всѣ его Уставы и Опредѣленіи въ полной ихъ силѣ утверждены были.

И такъ можно сказать, что онъ объявленъ былъ вмѣстѣ невиннымъ и

 винов-

виновнымЪ; ибо не льзя по здравому разсужденію, утвердить того что онЪ уставилЪ во время своего Диктаторства, естьли СенатЪ запрещаетЪ производить слѣдствіе надЪ его убійцами. Антоній чувствовалЪ что сей ПриговорЪ самЪ себѣ противурѣчитЪ, но онЪ не смѣлЪ тому спорить, опасаясь Децима Брута, одного изЪ главныхЪ ЗаговорщиковЪ, который былЪ ПравителемЪ СизЪ-Алпинской Галліи, и повелѣвалЪ сильнымЪ войскомЪ. ОнЪ за лучше разсудилЪ не открывать своего мнѣнія, до тѣхЪ порЪ какЪ увидитЪ себя вЪ равныхЪ сЪ нимЪ силахЪ, или какЪ найдетЪ удобный случай отнять у него его Правительство, и перезвать кЪ себѣ его войски. По симЪ причинамЪ онЪ, не производя спора, подписалЪ ПриговорЪ Сенатской. ВЪ то же время и Провинціи были розданы. БрутЪ получилЪ Правительство Критскаго Острова; Кассій, Правительство Африки; Требоній, Правительство

ство Азіи; Цимберъ, Правительство Виѳиніи; а Дециму Бруту утверждено было Правительство Сизъ-Алпинской Галліи, которое далъ ему Цесарь. Антоній согласился такъ же видѣться съ Брутомъ и Кассіемъ; и между сими Предводителями Обществѣ сдѣлано было нѣкоторое примиреніе. Но сіе наружное примиреніе никого не обмануло. Сердца ихъ чрезмѣрно были напитаны взаимною злобою, и Антоній не долго таилъ мстительныя свои намѣреніи противу всѣхъ Заговорщиковъ. Цесарь оставилъ духовную Пизону своему тестю. Надлежало тогда разпечатать оную, и въ то же время сдѣлать погребеніе Диктатору. Кассій тому воспротивился, и былъ подкрѣпленъ своими въ Сенатѣ согласниками, кои знали что зрѣлище погребенія разтрогаетъ склонныя къ Цесарю народныя чувствованіи, и произведетъ новыя смятеніи. Антоній и Пизонъ, по той же причинѣ для своихъ видовъ, не отступно

но требовали, чтобЪ сей Самодержатель, который при томЪ былЪ и перьвый Богослужитель, не лишенЪ былЪ почестей погребенія. „ТѢ, говорилЪ ПизонЪ, которые превозносятся что они убили тирана, сами „какЪ тираны поступаютЪ сЪ нами. „Они хотѢли чтобЪ все то что Цесарь сдѢлалЪ вЪ ихЪ пользу, утверждено было, и вЪ то же время высоковластно требуютЪ уничтожить „послѢднія его завѢщаніи. СенатЪ „пусть опредѢлитЪ какЪ ему угодно, „объ отправленіи похоронЪ сего великаго ЧеловѢка; но что надлежитЪ „до его Духовной, которую онЪ мнѢ „оставилЪ, я поступлю достодолжно „по его ко мнѢ довѢренности; и развѢ только меня убьютЪ, то воспрепятствуютЪ прочесть ее передЪ Народомъ.„ СпорЪ о томЪ со обѢихЪ сторонЪ произходилЪ сЪ великимЪ жаромЪ. На послѢдокЪ БрутЪ, можетЪ быть не предвидѢвЪ слѢдствій своего снисхожденія, заставилЪ своихЪ

ихЪ согласниковЪ уступить сему требованію. И такЪ рѣшено, чтобЪ завѣщаніе Цесарево было исполнено, и чтобЪ погребеніе его отправлено было общественными деньгами.

Когда же Духовная была принесена, то читана была передЪ всѣмЪ НародомЪ. ВЪ ней найдено, что онЪ усыновляетЪ себѣ Октавія, сына отЪ дочери сестры своей, и дѣлаетЪ его главнымЪ своимЪ наслѣдникомЪ; вЪ случаѣ же естьли онЪ умретЪ бездѣтенЪ, то завѣщеваетЪ принять его мѣсто Дециму Бруту, который былЪ изЪ главныхЪ Заговорщиковъ противу его жизни. ОнЪ завѣщевалЪ нѣкоторымЪ другимЪ изЪ сообщниковЪ Брутовыхъ, быть главными воспитателями Октавія, который былЪ еще по осмнатцатому году. Тою же Духовною онЪ отдалЪ сады свои Римскому Народу, и каждому Гражданину особо, дарилЪ по семидесяти пяти ДрахмЪ АттическихЪ, или по триста Сестерцій. НародЪ чув-

 ствипо

ствительно былъ тронутъ, услышавъ что сей великой Мужъ, отъ котораго онъ получилъ безчисленныя благодѣянiи во время его жизни, и по смерти своей награждаетъ его новыми щедростьми. Чувства же сожалѣнiя и благодарности извлекли слезы у всего Собранiя; и сiе общее сожалѣнiе о Цесарѣ обратилось въ озлобленiе противу Заговорщиковъ, а наипаче противу Децима Брута, возставшаго противу того который, по отмѣнной своей любви къ нему, назвалъ его вторымъ своимъ наслѣдникомъ.

Антонiй, видя народные разумы въ таковомъ разположенiи, приказалъ вынести Цесарево тѣло на площадь, дабы возбудить еще болѣ народное мщенiе толь жалостнымъ зрѣлищемъ. Онъ самъ говорилъ въ память его Надгробное Слово. Онъ началъ оное изчисленiемъ побѣдъ его и завоеванiй. По томъ выхвалялъ великую его умѣренность и снисхожденiе, оказанное отъ него въ междоусобныхъ

вой-

войнахЪ противу особыхЪ своихЪ неприятелей. По томЪ разпространилЪ рѣчь о чрезвычайныхЪ почестяхЪ коими СенатЪ его удостоилЪ, такЪ какЪ вЪ засвидѣтельствованіе и награду его добродѣтелей. По томЪ прочелЪ весьма громко ПриговорЪ, чрезЪ который онЪ объявленЪ былЪ ОтцемЪ Отечества, и Особа его именовалась священною и ненарушимою. Выговоря сіи послѣднія слова, онЪ остановился нѣсколько, и обратился кЪ тѣлу возложенному на смертный одрЪ. Показывая же его Народу: *вотЪ*, говорилЪ онЪ, *исполненіе нашихЪ клятвЪ, и доказательствы нашей благодарности. Гнусные святопредатели, и сердца твердѣйшіе камени, отняли жизнь у кого? У сего достопочтеннѣйшаго Мужа, который не только что дарствовалЪ имЪ великодушно жизнь вЪ ФарсальскомЪ полѣ, но еще возвелЪ ихЪ вЪ первыя Достоинствы Республики.* И такЪ какЪ бы Цесарь самЪ приносилЪ жалобы на ихЪ неблагодарность:

ность: *Долженъ ли я былъ*, говорилъ онъ отъ лица Цесаря, *сохранить жизнь моимъ убійцамъ? И между толь великимъ числомъ людей мною взысканныхъ и награжденныхъ, найду ли хотя единаго вѣрнаго друга, которой бы отмстилъ за меня вѣроломнымъ симъ измѣнникамъ.* По семъ Антоній, возвыся гласъ и воздѣвъ руки къ Капитолію: *О Юпитеръ!* вскричалъ онъ, *я готовъ мстить за Цесаря. Я въ томъ клянусь торжественно; а васъ, Боги покровители сей Имперіи, васъ заклинаю я, вспомоществовать мнѣ въ толь праведномъ предпріятіи.* И дабы возбудить еще жалость и мщеніе въ Народѣ, онъ беретъ одежду Цесареву, и показываетъ ее кровью его омоченную. Въ то же время онъ выставливаетъ его образъ, который онъ нарочно приказалъ изъ воску вылѣпить, и на которомъ художникъ, по его приказанію, живо представилъ двадцать три мечныя раны, кои получилъ Диктаторъ на лицѣ и на другихъ частяхъ его тѣла.

При

При семъ жалостномъ зрѣлищѣ, весь Народъ плакалъ рыдая; каждый прославлялъ его добродѣтели. Одни превозносили его безпримѣрное мужество; другїе, его кротость и милосердїе; и всѣ совокупно вопїяли противу ожесточенїя его убїйцевъ. И какъ Народъ отъ сожалѣнїя перешелъ въ пылкую злобу противу Заговорщиковъ, то Плебеяне толпою побѣжали зажечь ихъ домы. Но заговорщики имѣли предосторожность укрѣпить себя тамъ въ безопасности, помощью своихъ друзей и домочадцевъ. По чему легко пришедшїй Народъ былъ растолканъ, не имѣя оружїя. Народъ, видя не достатокъ силъ своихъ, поворотился, произнося противу ихъ ужасныя проклятїи, мѣшая притомъ и у грозы. Самые пылкїе въ слухъ клялись, что они на утро придутъ съ мечемъ и съ огнемъ изтребить ихъ въ жертву Цесаревой тѣни.

Заговорщики, и самъ Сенатъ, равно были озлоблены хитрою рѣчью

Анто-

Антонїевою. Заговорщики жаловались, что Консулъ, забывъ Сенатской Приговоръ и свое обѣщанїе чтобъ не вспоминать прошедшаго, превозносилъ передъ Народомъ похвалами Цесаря, въ томъ умыслѣ чтобъ разъярить Народъ и погубить ихъ. Тогда открылось, что не льзя было утверждаться на его клятвахъ. Заговорщики, увѣрясь что онъ не применетъ воспользоваться Народнымъ разъяренїемъ противу ихъ жизни, вышли изъ Рима, гдѣ они не могли оставаться въ безопасности. Большая часть ихъ, подъ разными видами, уѣхали въ свои Правительствы. Они потаенно подговорили къ себѣ Легїоны, и силы какїе нашли въ Провинцїяхъ. Многїе захватили къ себѣ общїя сокровищи. Цари и Городы Восточные, союзные съ Римскимъ Народомъ, обѣщали имъ сильныя вспоможенїи. Общество ихъ весьма усилилось. Брутъ, Кассїй и другїе Заговорщики не бунтовали по ихъ примѣру; а объявили что они согла-

соглашаются провесть остатки своей жизни внѣ своего Отечества и въ изгнанiи, только чтобъ согласники Цесаревы не воставали разрушать общую вольность.

Сенатъ, не оказываяся въ явь, но скрытно способствовалъ предприятiямъ Заговорщиковъ, бывъ увѣренъ что цѣлость Республическаго Правленiя зависитъ отъ цѣлости сего Общества. Антонiй зналъ о семъ разположенiи разумовъ. Онъ вѣдалъ сколь онъ былъ ненавидимъ многими Сенаторами, побудивъ Народъ къ злобѣ противу Заговорщиковъ когда онъ выхвалялъ Цесаря. Видѣлъ онъ тогда что онъ открылся весьма рано. И какъ Сенатъ могъ препятствовать его намѣренiямъ, то онъ, чтобъ его опять удобрить или по малой мѣрѣ обмануть на нѣсколько времяни, умыслилъ, въ другихъ по томъ рѣчахъ къ Народу, умягчить жестокость словъ произнесенныхъ въ надгробномъ Словѣ по Цесарѣ. Онъ представилъ въ Сенатѣ, что

смерть

смерть сего великаго Мужа долженствуетъ быть приписана какому ни будь Богу неприязненному и завидящему благополучію республики, вмѣсто того чтобъ приписывать ее въ вину Гражданамъ; что отъ нынѣ надлежитъ мыслить только о соединеніи раздѣленныхъ людей симъ нещастнымъ произшествіемъ, и о предохраненіи себя отъ бѣдствій междоусобной брани. Онъ предложилъ въ то же время, въ запечатлѣніе мира, призвать обратно Секста Помпеія, который по смерти своего отца остался въ Гишпаніи; и заплатить ему общественными деньгами, отнятыя у него имѣніи, ко* Цесарь роздалъ въ награжденіе своимъ угождателямъ. Онъ прибавилъ къ тому свое мнѣніе, чтобъ дать ему, такъ какъ дано было Помпею, безъизъятное Начальство надъ всѣми Флотами республики.

Самый истинный республиканинъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, казалось не смѣлъ бы сдѣлать таковаго

коваго предложенія. Сенатъ тѣмъ былъ удивленъ и обрадованъ. Иные приписывали сію Антоніеву перемѣну страху, который онъ имѣлъ отъ сильнаго Общества Заговорщиковъ; другіе же подозрѣвали, что объявляя себя мстителемъ за смерть Цесареву, онъ не находилъ себѣ выгодъ привлечь къ себѣ едину ненависть отъ Сената, между тѣмъ какъ молодой Октавій, наслѣдникъ Диктаторовъ, разполагался присвоить себѣ плоды трудовъ его. Какъ бы то ни было, однако всѣ Сенаторы произнесли Антонію великія похвалы, тѣмъ болѣ искренныя, что они находили, въ обратномъ призывѣ молодаго Помпея, нѣкоторое уничтоженіе Цесаревой памяти.

Антоній, чтобъ совершенно ихъ увѣрить въ чистосердечіи своихъ намѣреній и въ желаніи споспѣшествовать къ миру, велѣлъ убить всенародно въ Римѣ нѣкоего называемаго Амація, который сказывался сыномъ

 древ-

древняго Марія, и который подъ симъ имянемъ, и какъ Союзникъ Цесаревъ, требовалъ высокимъ голосомъ мщенія за смерть его Онъ подобралъ къ себѣ великую толпу Плебеянъ самыхъ неуступчивыхъ. Сіи храбрецы состроили Жертвенникъ въ память Цесареву, на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ его тѣло обращено было въ пепелъ, и требовали отъ Правителей, и отъ первенствующихъ въ Римѣ, чтобъ имъ позволено было приносить тамъ жертвы. Антоній, безъ всякаго судебнаго обряда, приказалъ заколоть ихъ Начальника. Множество изъ его сообщниковъ погибли въ семъ скопищѣ, и великое число невольниковъ, приставшихъ въ сіе общество, по приказанію Антоніеву были повѣшены. Хотя Сенатъ не былъ доволенъ таковымъ поступкомъ противнымъ Законамъ, однако почиталъ за нужно скрыть свое въ томъ неудовольствіе, по обстоятельствамъ въ которыхъ таковой поступокъ отъ Консула и отъ

друга

друга Цесарева служилъ въ подкрѣпленіе Заговорщиковъ. Народъ на противу того весьма раздражился симъ смѣльствомъ Консуловымъ. Онъ въ слухъ укорялъ Антонія, неблагодарностью къ своему умершему Благодѣтелю, и непостоянствомъ съ какимъ онъ оставилъ перьвое и прилѣпился къ другому Обществу. Антоній непреминулъ содѣлать себѣ, въ глазахъ Сената, достоинство изъ сей народной къ нему ненависти. Онъ притворился даже такъ, какъ будто бы боялся чтобъ сообщники Амаціевы не лишили его жизни, и будто будучи уже въ крайней отъ того опасности, требовалъ отъ Сената охранительнаго пристава, для защищенія себя отъ народнаго мщенія. Сенатъ позволилъ ему брать съ собою всюду нѣкоторое число отставныхъ воиновъ. Но Антоній, испросивъ умышленно отъ Сената таковое позволеніе, выбралъ въ приставъ къ себѣ старыхъ весьма храбрыхъ Чиновни-

ковЪ, кои служили подЪ его повелѣніями вЪ войскѣ Цесаревомъ, и всѣ желали стремительно отмстить за смерть своего Полководца. Антоній, подЪ разными видами, набралЪ кЪ себѣ нечувствительно до шести тысячь человѣкЪ. ОнЪ иныхЪ пожаловалЪ вЪ Центуріоны, а инымЪ далЪ Трибунское Достоинство. ИмЪ приказано было, тайно подкуплевать отставныхЪ воиновЪ, для случая естьли нужно будетЪ вывесть полныя ихЪ Когорты. А симЪ способомЪ онЪ вЪ состояніи былЪ набрать вЪ короткое время сильное ополченіе, кЪ случаю естьли нужно будетЪ по обстоятельствамЪ принять оружіе.

СенатЪ пришелЪ вЪ волненіе, видя Консула ходящаго вЪ Римѣ сЪ сею великою толпою ЧиновниковЪ, кои всегда вооружены были. Самые друзья Консуловы представляли ему, сколь было подозрительно и ненавистно вЪ Республикѣ всегда окружающее его ополченіе. Антоній отвѣтствовалЪ

имЪ,

имЪ, что онЪ для того только выпросилЪ себѣ приставЪ, чтобЪ привесть вЪ страхЪ мятежниковЪ, и что онЪ тотЪ часЪ распуститЪ воиновЪ какЪ скоро тишина возставлена будетЪ вЪ Городѣ. И дабы отдалить со всѣмЪ мнѣніе что онЪ искалЪ вступить вЪ Диктаторство послѣ Цесаря, онЪ предложилЪ навсегда уничтожить сіе Достоинство, весьма страшное вЪ разсужденіи власти кЪ нему приписанной. Мнѣніе его о томЪ обратилось вЪ ЗаконЪ чрезЪ голоса народныя. СимЪ поступкомЪ, и обѣщаніемЪ распустить вскорѣ своихЪ воиновЪ, онЪ прекратилЪ роптаніе Сената, который можетЪ быть и не имѣлЪ довольно силЪ для надлежащаго изслѣдованія своихЪ о немЪ подозрѣній, и для принятія потребныхЪ мѣрЪ вЪ семЪ случаѣ.

ВЪ самомЪ дѣлѣ Антоній, при спокойныхЪ своихЪ увѣреніяхЪ, нечувствительно забиралЪ кЪ себѣ вЪ руки власть Самодержавную. Вся

власть Правленія отъ него зависѣла. Онъ былъ тогда Консуломъ. Двое же его братьевъ были, Луцій Антоній Народнымъ Трибуномъ, а Каій Антоній Преторомъ; и сему послѣ еще онъ далъ, въ званіи своего подручнаго Полководца, Повелительство надъ войскомъ бывшимъ тогда въ Македоніи, которое состояло изъ шести Легіоновъ старыхъ воиновъ, кои всѣ служили во всѣхъ войнахъ съ Цесаремъ. Столь многія Чиноначаліи, совокупленныя въ единомъ Домѣ, дѣлали Антонія Властителемъ надъ Республикою. Хотя онъ не былъ ни Царь, ни Диктаторъ, однако, можно сказать, царствовалъ въ Римѣ съ Самодержавнымъ властительствомъ, въ то время какъ прибылъ молодой Октавій двоюродный внукъ Цесаревъ, для полученія своего наслѣдства. Онъ былъ сынъ одного Сенатора, по имени Каія Октавія, и который былъ въ Преторскомъ званіи; а мать его была Ація, дочь Юліи сестры Цесаревой,

ревой, бывшей за мужемъ за Аціемъ Балбомъ. Какъ молодой Октавій былъ еще по осмнатцатому году, то Цесарь послалъ его въ Аполлонію, Городъ лежащій на берегу Епирскомъ, чтобъ онъ тамъ окончилъ свои науки и екзерциціи. Онъ не пробылъ еще шести мѣсяцевъ въ семъ Городѣ, какъ свѣдалъ что его двоюродный Дѣдъ убитъ Вельможами въ Римѣ, и самыми тѣми кои наиболѣ отъ него получили милостей и благодѣяній.

Смерть его Дѣда чувствительно его оскорбила. Онъ не вѣдалъ сперьва, весь ли Сенатъ находился въ семъ умышленіи, или Диктаторъ убитъ былъ по совѣщанію нѣкоторыхъ особенныхъ его неприятелей. Онъ не вѣдалъ такъ же имѣлъ ли Народъ участіе въ семъ жалостномъ произшествіи; а письма полученныя имъ нѣсколько дней спустя, отъ своей матери и Марка Филипа своего тестя, удвоили его печаль и горесть. Аціа и Филипъ, за котораго она вышла вторымъ бракомъ, писали къ

нему что Цесарь убитъ въ полномъ Сенатѣ перьвыми своими друзьями; что болѣ шестидесяти Сенаторовъ вошли въ сей Заговоръ; что и тѣ кои не участвовали въ семъ умышленіи, тайно благоприятствуютъ убійцамъ, коихъ они почитаютъ возстановителями общей вольности; что Общество ихъ весьма сильно; что Антоній, Лепидъ, и другіе друзья его Дѣда, подъ видомъ мщенія за смерть его, ищутъ только утвердить свое собственное Владычество; что Городъ наполненъ мятежами и волненіями отъ соперничества и звѣрства разныхъ Обществъ; что въ сихъ обстоятельствахъ онъ не долженъ открывать своихъ требованій и своего мщенія, и что для безопасности своей ему надлежитъ жить тихимъ и особеннымъ образомъ. Нѣкоторые же изъ друзей его, боясь чтобъ Заговорщики не приобщили и его къ смертной винѣ Дѣдовой, совѣтывали ему чтобъ онъ отрекся отъ Цесарева усыновленія. Другіе столько же робкіе,

кіе, представляя себѣ всеминутно воиновъ посланныхъ для его убіенія, говорили ему чтобъ онъ искалъ убѣжища въ Македонскомъ войскѣ, котораго воины весьма любили память Цесареву.

Октавій вдругъ понялъ то что было слабо и подло въ подаваніи сихъ совѣтовъ; но чтобъ скрыть благоразумно свои мысли, онъ отвѣтствовалъ имъ однимъ только великодушнымъ изъявленіемъ, сколь ему прискорбно что они могутъ почитать его удобнымъ къ принятію таковыхъ совѣтовъ. Смерть Цесарева оскорбила его, но не привела въ отчаянное уныніе. Онъ вознамѣрился отмстить за оную, и удерживать, не щадя своей жизни, честь своего усыновленія; и онъ давалъ видѣть въ толь не рѣшительныхъ обстоятельствахъ, и въ толь юномъ возрастѣ, природную смѣлость и великость духа, безъ всякаго отъ другихъ въ томъ предводительства. Всѣ Историки его време-

ни соглашаются, что онъ имѣлъ высокой разумъ, предусмотрительный въ своихъ видахъ, удобный къ наивеличайшимъ предпріятіямъ, и таковъ чтобъ производить ихъ съ великимъ искусствомъ и вниманіемъ.

Прежде всего и немѣшкавъ онъ отъѣхалъ въ Италію, чтобъ увѣдать самому о разположеніи тамъ разумовъ. Онъ имѣлъ мало людей съ собою, и не хотѣлъ пристать въ Бриндѣ, гдѣ обыкновенно приставали всѣ пріѣзжающіе съ Востока, ибо онъ боялся чтобъ тамошній Гарнизонъ не взялъ его подъ караулъ, такъ какъ чаялъ что, черезъ деньги отъ Заговорщиковъ, онъ легко могъ быть тамъ задержанъ. Онъ присталъ близь небольшаго Города называемаго Лупія, не въ дальномъ разстояніи отъ Бринда, откуда онъ послалъ тотъ часъ нѣкоторыхъ искусныхъ людей, чтобъ свѣдать, можетъ ли онъ безопасно войти въ Городъ. Чиновники и воины въ Бриндѣ, услышавъ что внукъ ихъ

стараго Полководца не смѣлъ къ нимъ войти боясь уловленія отъ своихъ непріятелей, выбѣжали толпою къ нему на встрѣчу; по томъ присягнувъ ему въ своей вѣрности, ввели его въ Крѣпость, и сдѣлали его надъ собою и надъ Городомъ Повелителемъ. Октавій благодарилъ ихъ за ихъ усердіе и сохраненіе памяти его дѣда. Онъ принесъ Богамъ жертвы, и принялъ торжественно имя Цесаря, по праву своего усыновленія. Подъ симъ уже имянемъ я буду говорить въ послѣдствіи о Человѣкѣ, который не менѣ себя прославилъ какъ и его Предмѣстникъ, хотя чрезъ иныя въ себѣ добродѣтели.

Молодой Цесарь, послѣ толь славнаго вступленія, смѣло поѣхалъ въ Римъ, въ послѣдствіи однихъ только своихъ домовыхъ служителей и нѣкоторыхъ друзей своихъ. Но принявъ на себя великое имя Цесарево, онъ скоро увидѣлъ Легіоны и цѣлыя войски въ своихъ повелѣніяхъ. По слуху

его

его приближенія, главные друзья отца его, родственники, отпущенники, и даже его невольники явились къ нему въ соединеніе. Отставные воины, которымъ Цесарь по концѣ междоусобныхъ браней далъ земли въ Италіи, прибѣжали такъ же представить свои услуги восприятому его сыну. Они сносили отъ всѣхъ сторонъ къ нему деньги, и когда онъ подъѣзжалъ къ Риму, то большая часть Правителей, военные Чиновники, и Народъ толпою вышли его встрѣтить. Примѣчено что изъ всѣхъ друзей и получившихъ милости отъ Диктатора, одинъ только Антоній пренебрегъ отдать сей долгъ его сыну, ниже удостоилъ послать къ нему нижняго своего служителя спросить о его здоровьѣ. Молодой Цесарь не хотѣлъ оказать своей въ томъ чувствительности, чтобъ не дойти до непріятныхъ съ нимъ изъясненій въ неважномъ случаѣ, оставляя то до времяни, пока найдетъ лучшій къ тому по-

поводъ. И какъ друзья его не скрытно порочили гордость и неблагодарность Антонїеву, то Цесарь, съ наружною умѣренностью, извинялъ его въ томъ по старости лѣтъ его, и по преимущественному его Консульскому достоинству. Онъ прибавилъ, что онъ, будучи моложе его, долженъ первый отдать ему почесть, и что на завтрѣ онъ будетъ у него съ поклономъ. Но прежде сего свиданїя, онъ просилъ всѣхъ своихъ друзей ранѣе собраться на площадь, и подозвать съ собою сколько можно болѣ людства, для присудствїя при обрядѣ и торжествѣ, при которомъ собранїе родственниковъ ево и друзей будетъ служить къ усугубленїю его чести и удовольствїя.

Сей обрядъ состоялъ въ томъ, что надлежало законно и письменно утвердить усыновленїе Цесарево, которое, по тогдашнему обычаю у Римлянъ, долженствовало быть укрѣплено чрезъ Претора. Безъ сего обряда

онъ

онЪ не могЪ принять своего имяни, ни вступить вЪ наслѣдство. Толь смѣлый поступокЪ устрашилЪ равно и его мать и его тестя. Они представили ему, что объявивЪ себя наслѣдникомЪ Цесаревымъ, онЪ долженЪ вступить вЪ отмщенїе за смерть его; что онЪ навлечетЪ себѣ тѣмЪ неудовольствїе отЪ Сената, который уставилЪ ПриговоромЪ, чтобЪ все прошедшее предано было забвенїю; что Заговорщики, будучи сильны великимЪ числомЪ своихЪ согласниковЪ, Правительствами и Легїонами вЪ ихЪ повелѣнїяхЪ, обратятЪ противу него свое оружїе какЪ противу творца тиранства; что самЪ Антонїй, который содѣлался полновластнымЪ Правителемъ, не будетЪ доволенЪ видѣть его ПредводителемЪ таковаго Общества вЪ которомЪ онЪ не имѣетЪ силы; что хотя онЪ обязанЪ Цесарю за свое щастїе, но кажется что, по смерти сего великаго Человѣка, онЪ не уважаетЪ болѣ своей ему обязанности, и можетЪ

быть

бышь Цесаревъ сынъ найдешъ Антонія столь прошивнымъ своему благополучію, каковы были его убійцы и самые жестокіе неприятели.

Цесарь отвѣтствовалъ имъ, что когда онъ принялъ сіе имя въ Бриндѣ, то онъ разбиралъ и послѣдствіи и обязательствы; что все то что онъ видитъ въ Римѣ, не только не приводитъ его въ раскаяніе, но еще болѣ утверждаетъ въ предприняшомъ его намѣреніи; что примиреніе, которое Заговорщики выпросили у Сената, дано имъ было по тому только что никто не имѣлъ смѣлости имъ спорить; но что онъ не отчаевается уничтожить сіе примиреніе, когда Сенатъ увидитъ его Главнымъ въ сообществѣ съ родственниками, друзьями и старыми Чиновниками Цесаревыми, при томъ увидитъ его подкрѣпленна властью Законовъ и Народною къ нему благосклонностью; что Боги будутъ ему поборники въ его справедливости, и самъ

Ан-

Антоній можетъ быть устыдится на конецъ небрежностію толь праведнаго мщенія; что въ протчемъ онъ желаетъ лучше умереть, нежели отрещись отъ толь лестнаго ему воспріятія, и что онъ никогда не заставитъ упрекнуть себѣ тѣмъ что онъ самъ себя призналъ недостойнымъ имени которое Цесарь послѣ себя его принять удостоилъ. Ація, видя въ немъ толь великое упованіе и толь высокіе чувствованіи, обняла его съ горячностью, и омочая лице его слезами, кои страхъ и радость смѣшенно производили: *Пусть Боги, сынъ мой*, говорила она ему, *возведутъ тебя на ту степень, которую тебѣ Судьба опредѣляетъ. Дай Небо чтобъ я скоро тебя увидѣла въ торжествѣ надъ всѣми твоими неприятелями.* Цесарь вышелъ по томъ на площадь. Онъ явился, въ послѣдствіи множества своихъ друзей, передъ Каія Антонія, бывшаго въ томъ году Претора, и брата Консульскаго; тогда онъ

онЪ объявилЪ торжественно Претору что онЪ принимаетЪ усыновленіе отЪ Цесаря; и по томЪ, какЪ сіе надлежащимЪ порядкомЪ было записано, онЪ пошелЪ кЪ ПомпеевымЪ садамЪ, гдѣ жилЪ Антоній, который присвоилЪ ихЪ себѣ по смерти сего великаго Мужа.

Антоній, свѣдавЪ что молодой Цесарь стоялЪ у дверей его, приказалЪ ему подождать нѣсколько времяни, чтобЪ дать ему возчувствовать симЪ оказываемымЪ пренебреженіемЪ, высокость его Сана и власть которую онЪ надЪ нимЪ взять хотѣлЪ. По томЪ онЪ введенЪ былЪ кЪ лицу Антонія. ИхЪ свиданье было холодно, хотя были употреблены вѣжливости и учтивости обыкновенныя между людьми сего состоянія. Цесарь первый началЪ рѣчь: онЪ вЪ началѣ благодарилЪ Антонія за сохраненіе памяти отца его, и за похвалу которую онЪ произнесЪ ему вЪ день его погребенія. ОнЪ жаловался по томЪ, сЪ изъявленіемЪ горести, что Антоній

нїй будучи Консуломъ согласился къ примиренїю которое Сенатъ сдѣлалъ съ Заговорщиками: „возможно ли, го-„ворилъ онъ ему съ великимъ жа-„ромъ и быстротою, чтобъ другъ „Цесаревъ, тотъ который имѣетъ „нынѣ отъ сего великаго Человѣка „Консульское Достоинство, не толь-„ко оставилъ безъ наказанїя его убїй-„цевъ, но еще позволилъ чтобъ имъ „даны были Правительствы, и на-„послѣдокъ мирно производилъ совѣ-„ты съ сими святопредателями? То-„го ли я долженъ былъ ожидать отъ „подручнаго Полководца моего отца, „отъ того который раздѣлялъ съ „нимъ власть и повелительство надъ „войсками, и котораго онъ возвелъ „въ перьвыя Достоинствы Республи-„ки? Будь ко мнѣ благосклоненъ; я „тебя заклинаю его памятью: пе-„ремѣни твой поступокъ. Объяви „себя Сенату, Народу и всѣму Риму „мстителемъ за смерть моего отца; „присоединись ко мнѣ, присоединись

„къ

„къ родственникамъ Цесаревымъ, и
„къ великому числу Чиновниковъ
„и воиновъ, кои вседневно требуютъ
„казни его убійцевъ. Соединимъ на-
„ше мщеніе и нашу прискорбность;
„и естьли мы не найдемъ себя до-
„вольно сильными, призовемъ Народъ
„къ себѣ въ помощь. Ты вѣдаешь что
„онъ давно бы уже истребилъ Заговор-
„щиковъ, естьлибъ только ты хо-
„тѣлъ. А когда ты, боясь досадить
„Сенату, не смѣешь способствоватъ
„толь справедливому предпріятію, то
„по малой мѣрѣ не препятствуй оно-
„му. Я хотя одинъ останусь на мо-
„ей сторонѣ, хотя нѣтъ еще у меня
„ни войска, ни Легіоновъ, все то мо-
„жетъ превозмочь сынъ, которой пред-
„принимаетъ мстить за смерть от-
„ца своего. Я прошу тебя только,
„въ званіи главнаго его Наслѣдника,
„чтобъ ты мнѣ отдалъ деньги, ко-
„торые ты велѣлъ перенести въ домъ
„свой. Я оставляю тебѣ охотно всѣ
„его великіе богатствы, золотую и

 „сере-

„серебреную посуду, драгоцѣнныя ка-
„менья, и все чтобы ни было; но я
„имѣю только нужду въ деньгахъ,
„чтобъ исполнить его завѣщанiи въ
„облегченiе Народа, и какъ перьвой
„долгъ раздать ихъ на триста ты-
„сячь человѣкъ коихъ онъ написалъ
„въ своей Духовной. А какъ не бу-
„детъ на то довольно его денегъ,
„то я прошу тебя дать мнѣ въ зай-
„мы свои, или велѣть выдать Кве-
„сторамъ изъ общаго сокровища съ
„платежемъ росту, дабы я могъ до-
„платить то чѣмъ останусь дол-
„женъ Народу и отставнымъ воинамъ,
„пока, для удовлетворенiя толь спра-
„ведливаго долга, не разпродамъ всѣ
„имѣнiи кои мнѣ принадлежатъ отъ
„сего наслѣдства„

Смѣлая и твердая рѣчь сiя устрашила Антонiя. Онъ съ удивленiемъ нашелъ толь великiя предприятiи въ Юношѣ простаго званiя. Вмѣсто чтобъ отвѣтствовать на его жалобы и требованiи, онъ принялъ на себя

видъ

видъ власти которую онъ имѣлъ по Консульству. Онъ ограждалъ себя, такъ сказать, своимъ Чиномъ, чтобъ не давать Цесарю дѣлать себѣ справедливыя и колкія представленіи.

Но какъ Антоній видѣлъ, что онъ не могъ удержать тѣмъ въ границахъ человѣка воспитаннаго въ нѣгѣ отъ Цесаря, и обыкшаго почитать большую часть Консуловъ не инако какъ людьми пожалованными его Дядею, то на конецъ ему отвѣтствовалъ: что онъ много ошибается, естьли думаетъ что Цесарь, оставя ему свое имя и наслѣдство, оставилъ ему правы на Имперію; что смерть его, которую онъ принялъ такъ какъ въ казнь и мщеніе за похищенное имъ Властительство, должна научить восприявшаго его сына, что установленіе Республики неприемлетъ ни избраннаго ни наслѣднаго Самодержателя; что такимъ образомъ Римской Консулъ не обязанъ ему давать

отчета въ своемъ поведенiи; что онъ взаимно освобождаетъ его отъ благодарности и обязательствъ, кои онъ чаетъ имѣть будто по долгу отъ него услугъ ему, ибо онъ во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ не имѣлъ другаго предмѣта какъ только чтобъ споспѣшествовать Государственному благосостоянiю, и сохранять спокойство между Согражданами. „Между тѣмъ „я былъ одинъ, прибавилъ онъ, который, удержавъ память Цесареву „приличнымъ ему погребенiемъ, изходатайствовалъ тебѣ его имя, право „вступленiя въ родъ его, наслѣдство „и имѣнiе. Ты бы ни чего того не „имѣлъ нынѣ, естьли бы Цесарь по „смерти своей признанъ былъ отъ „всѣхъ похитителемъ: и тогда завѣ„щанiи его остались бы безъ дѣйствiя. „Не было бы по немъ ни Духовной, „ни усыновленiя, ни наслѣдства. Ни „кто не осмѣлился бы вынести его „тѣло на сборище; но я предпочелъ „лучше подвергнуть себя недружбѣ „отъ

„отъ Сената и злобѣ отъ Заговор-
„щиковъ, нежели видѣть чтобъ сей
„великой Человѣкъ лишенъ былъ по
„смерти послѣднихъ почестей. Есть
„ли же я поступилъ снисходительно съ
„Заговорщиками, то я долженъ былъ
„такъ поступить по уваженїямъ при-
„личнымъ моимъ лѣтамъ и моему
„Достоинству: по такимъ уваженї-
„ямъ, какихъ ты по твоей моло-
„дости еще не знаешь. Что надле-
„житъ до денегъ которыхъ ты тре-
„буешь, можешьли ты того не вѣ-
„дать, что то были деньги респу-
„блическїя, которыя отецъ твой къ
„себѣ забралъ. Они раздѣлены по
„смерти его между Правителями, кои
„имѣютъ должность употреблять ихъ
„для нуждъ Республики. Но когда бы
„сїи деньги тебѣ и отданы были, то
„я тебѣ отнюдь не совѣтовалъ бы ра-
„сточать ихъ неосторожными и без-
„полезными награжденїями. Ты зна-
„ешь что Народъ есть такое чудо-
„вище, которое всѣ богатствы по-

„жрать можетъ и никогда не насы-
„тится. Сей Народъ, во всѣ времяна, во
„мзду благодѣяній ему отъ Сограж-
„данъ нашихъ, поступалъ съ ними
„послѣ самымъ неблагодарнымъ и
„вѣроломнымъ образомъ. И ты моло-
„дой человѣкъ, прибавилъ онъ, пройдя
„Исторію Греческихъ Республикъ, не
„довольно ли тамъ видѣлъ, что лю-
„бимцы Народные не были долго ща-
„стливы, и что тотъ строитъ на пе-
„скѣ зданіи, кто думаетъ основать
„свое благополучіе на непостоянной
„любви низкаго людства.„

Изъ всѣхъ таковыхъ совѣтовъ мо-
лодой Цесарь легко могъ уразумѣть,
что Антоній удерживалъ деньги от-
ца его для того, чтобъ не давать ему
способовъ купить любовь Народа. Им-
перія въ то время, можно сказать,
продавалась со всенароднаго торга;
мѣлкое людство и даже Легіоны про-
давали свои голоса и свои услуги
тому кто дорожѣ ихъ купить мо-
жетъ. Молодой Цесарь, оскорбленъ
симъ

симъ отказомъ, котораго онъ проникъ внутренность, вышелъ изъ Антонїева дома, въ крайнемъ огорченїи, воспоминая въ слухъ имя Цесарево, такъ какъ бы призывалъ его къ себѣ въ помощь противу неправосудїя и неблагодарности Консуловой. Но какъ нужно было чтобъ онъ первый закупилъ отъ Народа къ себѣ благосклонность, то въ недостаткѣ денегъ въ коихъ ему было отказано, онъ разпродалъ домы и земли принадлежавшїя Диктатору; Народу же объявилъ, что онъ для того только принялъ наслѣдство, чтобъ при всемъ сопротивленїи Консульскомъ не лишить бѣдныхъ семей награжденїя, какое онъ долженъ раздать имъ по завѣщанїю своего Дѣда и отца.

Антонїй, съ своей стороны, чтобъ отнять всѣ способы у молодаго Цесаря промышлять деньги, сдѣлалъ въ Сенатѣ Приговоръ которымъ предписано изслѣдовать состоянїе Общественныхъ доходовъ и ихъ употре-

 бленїе.

бляніе. Сей ПриговорЪ касался до бывшаго Диктаторскаго правленія, и Антоній хотѢлЪ чрезЪ опись Диктаторскихъ именій истощить наслѢдство, дабы привести НаслѢдника не вЪ состояніе привлекать кЪ себѢ НародЪ щедростьми. И вЪ то же время онЪ заставилЪ объявить споры при продажѢ главныхЪ Цесаревыхъ именій отЪ НаслѢдника. НѢкоторые Граждане просили ихЪ себѢ обратно предЪ КонсуломЪ, такЪ какЪ предковЪ ихЪ владѢній, кои Цесарь, какЪ они о томЪ доносили, захватилЪ себѢ во время междоусобной брани. КЪ тому нѢкоторые управители ГосударственныхЪ земель явились вЪ то же время, требовать вЪ изключеніе еще другую часть, разумѢя тѢ земли кои описаны были на Государство по смерти преступниковЪ. Тяжбы таковой важности взносимы были на судЪ кЪ Антонію, или кЪ нижнымЪ ПравителямЪ отЪ него зависящимЪ. Цесарь передЪ Антоні-

тонїемъ доказывалъ, по письмамъ и крѣпостямъ: что отецъ его купилъ сїи земли собственными своими деньгами, и что въ прочемъ по Приговору, выданному отъ Сената по его смерти, все что было уставлено при жизни Диктаторовой долженствуетъ имѣть Законную силу; и что надлежитъ или отставить оный Приговоръ во всѣхъ частяхъ его, или содержать въ ненарушимости равно всѣ Опредѣленїи выданные властью отца его, и во время его Диктаторства.

Антонїй старался нарочно запутать сїе дѣло тяжбами, и напротиву того говорилъ: что надлежитъ дать время Гражданамъ сильною рукою обиженнымъ, дабы они могли предъявить свои доказательствы. Въ разсужденїи же Сенатскаго Приговора, онъ говорилъ объ немъ что онъ сдѣланъ былъ только для удержанїя Правителей въ тѣхъ же должностяхъ въ кои они опредѣлены были властью Диктаторовою,

и

и чтобъ Государство не пришло въ нѣкоторую Анархїю; но какъ онъ не вѣдаетъ должно ли распространять силу сего Приговора и на самые имѣнїи коими завладѣлъ Цесарь, то онъ мнитъ, что дѣло таковой важности заслуживаетъ чтобъ Сенатъ самъ рѣшилъ о томъ новымъ Опредѣленїемъ; что въ прочемъ онъ не можетъ думать, чтобъ толико правдолюбивое Общество желало дать силу Законовъ похищенїямъ, кои только нещастными временами утверждены были, и въ послѣдствїи могли бы только питать гордость и роскошь молодаго человѣка.

Цесарь видѣлъ что неприятели его старались сими околичностьми уничтожить исполненїе Духовной отца его; по чему не мѣшкавъ продалъ свое собственное наслѣдство, земли своей матери, и земли Филипа своего тестя, кои охотно на то согласились чтобъ вспомоществовать его возвышенїю. Молодой Цесарь, полученчен-

ченными отъ сей продажи деньгами, уплатилъ Народу часть дачи ему въ Духовной написанной. Народъ, любя его щедрость, кричалъ, что онъ прямо былъ достоинъ носить имя Цесарево, и какъ онъ ожидалъ отъ него новыхъ благодѣянiй, то совершенно предался на его сторону во преки Антонiю. Консулъ съ своей стороны, чтобъ усилить себя противу сего Общества, велѣлъ разгласить слухи, что будто Геты производятъ набѣги въ Македонiи; а подъ симъ видомъ онъ просилъ у Сената дать ему Правительство сей Провинцiи, и повелительство войска бывшаго тамъ на границѣ.

Хотя Сенатъ совершенно былъ увѣренъ что сiи Варвары не вступали на земли Республики, однако не отказалъ дать Антонiю Правительство Македонiи, чтобъ имѣть силу противовѣсящую силѣ молодаго Цесаря, который становился подозрителенъ и страшенъ деньгами кои онъ

раз-

раздавалъ во всѣ стороны. Сенатъ, для сохраненія вольности, употребляялъ всѣ свои старанїи чтобъ содержать силу Вельможей въ равновѣсїи; и сїе до толѣ высоковластное Общество видѣло себя тогда въ необходимости, вручать власть Государственную и повелительство надъ войсками такимъ людемъ кои часто обращали то противу своего Отечества. Можно сказать что въ сїе время Римъ имѣлъ власть только выбирать себѣ тирановъ.

Антоній, получивъ сїе Правительство, послалъ туда Каїя Антонія, одного изъ своихъ братьевъ, съ тѣмъ чтобъ онъ собралъ тамъ войски сколько ихъ найти можетъ, и привелъ бы ихъ въ Италїю. Намѣренїе его было овладѣть Сизъ-Альпинскою Галлїею, какъ поступилъ прежде Диктаторъ, и чтобъ послѣ властною рукою вступить въ Римъ, и выгнать оттуда естьли можно молодаго Цесаря. Злоба его и ненависть противу сего воспри-

сприятаго сына Диктаторова передъ всѣми изъявилась, при случаѣ Игръ, которые Критоній сдѣлалъ для Народа во время своего Едильства. Сенатъ, какъ уже сказано, опредѣлилъ Приговоромъ при жизни Диктаторовой, чтобъ во всѣхъ народныхъ зрѣлищахъ выставлялось его сѣдалище и золотая корона, и чтобъ сіе обыкновеніе на всегда осталось, для безсмертной памяти сего великаго Человѣка. Молодой Цесарь не преминулъ послать сѣдалище и корону; но Критоній, какъ надобно думать по совѣщанію съ его неприятелями, не хотѣлъ принять оныхъ въ зрѣлище, подъ тѣмъ видомъ что несправедливо было чтобъ другой пользовался честьми, при Играхъ кои онъ устроевалъ своимъ иждивеніемъ. Споръ о томъ дошелъ до Консула. Антоній, ища всегда случая унизить молодаго Цесаря, сухо выговорилъ, что онъ доложитъ о томъ Сенату. *А я*, отвѣтствовалъ ему гордо Цесарь, *пойду-*

ду и прикажу поставить сѣдалище моего отца, между тѣмъ какъ ты пойдешь докладывать о томъ почтеннымъ Сенаторамъ.

Антонїй, будучи съ природы надменъ собою, пришелъ въ досаду отъ смѣлости и твердости сего молодаго человѣка, и отвѣчалъ ему: что онъ ему запрещаетъ ставить его, не только при Играхъ у Критонїя, но и при самыхъ тѣхъ кои онъ готовился представить на своемъ собственномъ иждивенїи. И какъ досада произвела въ немъ вспылчивость, то онъ грозилъ посадить его въ тюрьму, естьли онъ будетъ всегда подманивать Народъ своими щедростьми и ласкательствами. Цесарь, будучи искуснѣе и умѣреннѣе Консула, скрылъ благоразумно особенное свое въ томъ возчувствованїе. Но онъ умѣлъ обратить себѣ въ пользу угрозы Антонїевы; и чтобъ возбудить противу его мщенїе въ Народѣ и въ военныхъ людехъ, онъ въ Народномъ мѣстѣ, гово-

говорилъ рѣчь къ его лицу, такъ какъ бы Антонїй тутъ присудствовалъ. Въ началѣ изобразивъ всѣ препятствїи сдѣланныя для опровержения его Духовной, и поругательной поступокъ съ нимъ Консуловъ,, Для „чего, вскричалъ онъ, препятствуешь ты почестямъ воздаваемымъ „великому Мужу, отъ котораго ты „получилъ и твое Достоинство и „твои Богатствы? Позволь же по малой мѣрѣ, Антонїй, чтобъ сынъ „его исполнилъ завѣщанїи въ облегченїе Сограждан его. Я оставляю „тебѣ протчее. Я буду довольно богатъ, естьли получу въ наслѣдство его славу, и любовь къ нему „отъ Народа.„ Таковыя рѣчи, повторенныя съ искусным выраженїемъ во многихъ случаяхъ, воздвигли людство противу Консула. Всѣ гнушались его неблагодарностью, и его собственныя приставы, кои прежде были въ службѣ при Цесарѣ, грозили его оставить, естьли онъ всегда

гда будетЪ гнать сына ихЪ Полководца.

Сколь ни былЪ Антонїй злобенЪ противу молодаго Цесаря, однако видѣлЪ что онЪ имѣлЪ нужду притворствовать. ОнЪ отвѣтствовалЪ своимЪ военнымЪ приставамЪ, что онЪ никогда не вЪ состоянїи поступить противу благодарности кЪ памяти своего милостивца; что онЪ такЪ же сохраняетЪ истинную преданность кЪ его сыну; но что сей молодой человѣкЪ, надмѣнЪ великимЪ именемЪ ЦесаревымЪ, ставитЪ себя на ровнѣ сЪ КонсуломЪ, по чему онЪ почелЪ за благопристойно дать ему возчувствовать повиновенїе и разность, какая находится между простымЪ ГражданиномЪ и первымЪ ПравителемЪ Республики; что однако онЪ готовЪ возвратить ему всю свою дружбу, только чтобЪ онЪ впредь поступалЪ скромнѣе, и сохранялЪ бы кЪ нему то уваженїе какое онЪ имѣетЪ отЪ людей по своимЪ лѣтамЪ и своему достоинству.

По-

Послѣ сего изъясненія, Чиновники старались склонить ихъ къ дружелюбному другъ съ другомъ свиданію. Антоній и Цесарь помирились, и обѣщались взаимно, что согласники какъ Антоніевы такъ и Цесаревы равно одному и другому угождать будутъ, такъ какъ они и сами будутъ поступать соединенно въ своихъ предпріятіяхъ. Антоній, дѣйствуя по своимъ особеннымъ видамъ, просилъ у Цесаря помощи друзей его, чтобъ онъ могъ получить Правительство Сизъ-Алпинской Галліи, на обмѣнъ Македонскаго Правительства. Сіе Правительство Галліи пожаловано было Диктаторомъ Дециму Бруту, который явился послѣ въ числѣ главныхъ Заговорщиковъ; и Сенатъ по смерти Цесаревой утвердилъ сіе пожалованіе. Антоній вѣдалъ сколь выгодно было имѣть сіе Правительство, для сообщенія со всею Италіею, и представилъ молодому Цесарю, что какъ онъ предпріялъ великодушно

отмстить за смерть отца своего, то не должно попускать чтобъ одинъ изъ его убійцевъ пользовался такъ сказать плодомъ своего злодѣянія, въ самой окрестности Рима. Цесарь согласился на его представленіе, и обѣщалъ стараться всѣми силами уговорить Народъ, чтобъ онъ удовольванъ былъ по своему требованію. Антоній сперьва предложилъ о томъ въ Сенатѣ; но онъ нашелъ тамъ многія сопротивленіи, отъ стороны великаго числа Сенаторовъ, кои съ огорченіемъ видѣли что Антоній, желая отнять у одного изъ Заговорщиковъ пожалованное ему Правительство, долженствовалъ тѣмъ опровергнуть Сенатусъ-Консультъ, и примиреніе которое утверждало жизнь и благосостояніе всѣхъ тѣхъ кои участвовали въ смерти Диктаторовой. А нѣкоторые Сенаторы, примѣчая что Антоній шелъ точно по слѣдамъ Диктаторовымъ, дабы взойти самому на степень Самодержавнаго властитель-

тельства, предлагали отдать лучше вольность сей Провинціи, нежели поручить Правительство оной властолюбивому человѣку и великому Полководцу, который не преминетъ тамъ усилиться и содѣлать престолъ своего Владычества. Многіе же изъ сего Общества дали знать Дециму, чтобъ онъ тамъ заранѣ укрѣпился, и тайно послали къ нему на подмогу силы. И такъ предложеніе Антоніево почти всѣми единогласно было отринуто въ Сенатѣ; по чему онъ обратилъ исканіе свое къ Народу, котораго Трибуны съ нимъ были дружны. Изъ всего вышесказаннаго легко можно примѣтить, что Сенатъ не желалъ вредить Заговорщикамъ, почитая ихъ защитниками вольности. Но Народъ, будучи несвѣдущь, легковѣренъ, и ослѣпленъ щедростьми отъ молодаго Цесаря, соглашался на все его предпріятіи. Онъ далъ своими голосами Правительство Антонію: въ надеж-

дѣ скоро увидѣть отмщеніе Диктаторовой смерти, не разсуждая что гибель Цесаревыхъ погубителей отниметъ у нихъ собственную ихъ вольность. Такимъ образомъ Правительство Сизъ-Алпинской Галліи вручено было Антонію, который, по силѣ учиненнаго о томъ Плебисита, и не смотря на Сенатъ, послалъ туда знатную часть войска, чтобъ выгнать изъ Галліи Децима Брута.

Неприятели Сената и Заговорщиковъ брали надъ ними верьхъ по союзу Антоніеву съ Цесаремъ. Но трудно было чтобъ сей союзъ могъ долго держаться, между двумя человѣками имѣвшими противныя другъ другу виды въ своихъ дѣйствіяхъ. Антоній, содѣлавшись самовластнымъ Правителемъ Италіи, сталъ менѣ уважать молодаго Цесаря. Къ тому смерть одного Народнаго Трибуна, на мѣсто котораго Цесарь хотѣлъ возвести Фламинія, изъ числа своихъ угождателей, наиболѣ дала

видѣть,

видѣть, что всѣ сіи наружныя соединеніи служили только новымъ поводомъ къ ихъ взаимной невѣрности. Антоній боялся чтобъ Цесарь, имѣя Трибуна въ своихъ повелѣніяхъ, не употребилъ его для учиненія Народу предложеній въ свою пользу; по чему старался сколько могъ своею властью отлагать сіе избраніе, и препятствовать всякому Собранію какое бы могло быть произведено въ сіе время. Онъ выдалъ въ то же время, по силѣ Консульской власти, Опредѣленіе, которымъ воспрещено было Цесарю, подъ страхомъ наказанія, дѣлать Народу какія либо щедрости противныя узаконеніямъ. То было такъ какъ бы онъ ему объявилъ войну. Неудовольствіе и злоба возобновились между ими. Антоній говорилъ всегда о Цесарѣ какъ о молодомъ вѣтреникѣ, котораго должно привесть въ страхъ и разумъ; а Цесарь между тѣмъ, ничего не говоря, началъ мыслить какимъ бы образомъ погубить своего не-

неприятеля. Онъ въ началѣ воздвигъ противу его озлобленіе Народа, за то что онъ воспрещалъ Цесарю своимъ Опредѣленіемъ дѣлать ему благодѣянїи. Въ то же время онъ разослалъ нарочныхъ людей во всѣ селенїи, кои отецъ его завелъ въ Италїи, и даже въ войско Антонїево; а сїи люди заявили всѣмъ Антонїево поведенїе яко губительное Народу, и тайно подговорили на Цесареву сторону великое число Чиновниковъ и отставныхъ воиновъ. Тѣ кои были въ Римѣ и составляли приставъ при Особѣ Антонїевой, представляли ему что онъ самъ устроиваетъ свою погибель; что онъ погубитъ и ихъ съ собою, безпрестанными раздорами съ молодымъ Цесаремъ, и что Дикта-торовы убїйцы не преминутъ тѣмъ возпользоваться. „Тебѣ извѣстно, го„ворили ему Трибуны и главные Чи„новники, что тѣ Обществы кои „прежде раздѣляли Республику меж„ду Помпеемъ и Цесаремъ, и нынѣ „еще

„еще сохраняются. Перьвое ищетъ „всегда повода къ наружному защи„щенію общей вольности, а второе „ищетъ отмстить за смерть Дикта„торову. Мы тебя избрали повелѣ„вать нами, такъ какъ лучшаго его „друга, и въ надеждѣ что его намѣ„стникъ, и перьвый Полководецъ его „Общества, употребитъ всю свою „и нашу силу для наказанія измѣн„никовъ кои его умертвили. На томъ „основаны наша къ тебѣ довѣрен„ность и наши обязательствы. Твое „и наше спасеніе соединены съ поги„белью Заговорщиковъ. Естьли ихъ „общество возметъ верьхъ въ Правле„ніи, то насъ всѣхъ пропишутъ на „смерть, какъ Цесаревыхъ согласни„ковъ и похитителевыхъ угождате„лей. Хотя подъ его предводитель„ствомъ мы многажды проливали кровь „свою для разширенія границъ Рим„ской Имперіи, но то не будетъ „служить къ спасенію Цесаревыхъ во„иновъ, и насъ будутъ судить какъ

 „са-

„самыхъ важныхъ злодѣевъ, естьли „неприятели останутся побѣдителями. Едино только твое соединенїе „съ молодымъ Цесаремъ можетъ удержать въ силѣ наше общество. Помоги ему, помоги намъ истребить „тѣхъ кои намъ всѣмъ готовятъ „гибель. Да не будетъ речено что „лучшїй другъ Цесаревъ противоборствуетъ его сыну, въ великодушномъ его предприятїи отмстить „за смерть Отцову.

Антонїй желалъ не менѣ какъ и его Чиновники истребить Заговорщиковъ; но онъ не хотѣлъ чтобъ истребленїе ихъ приписано было молодому Цесарю, и боялся чтобъ онъ, подъ видомъ мщенїя за смерть отца своего, не захватилъ себѣ Самодержавное властительство по истребленїи Республическаго Общества. То была тайная причина ихъ раздѣленїя. Антонїй желалъ бы охотно вспомоществовать своею властью и силою молодому Цесарю, для истребленїя

убійцевъ отца его, естьлибъ Цесарь согласился признать его отцовымъ Преемникомъ въ Республическомъ правленіи. Но поколику онъ имѣлъ нужду удержать въ своемъ обществѣ сіе множество Чиновниковъ, кои къ нему прилѣпились по смерти Цесаревой, то онъ отвѣтствовалъ главнымъ изъ нихъ на предпомянутое ихъ слово: что онъ радъ дать имъ отчетъ въ своемъ поведеніи и открыть всю внутренность своего сердца, что онъ ласкаетъ себѣ, что они, услышавъ отъ него истинну, увидятъ сколь много онъ отваживался для сохраненія памяти ихъ Полководца; что должно употреблять сію осторожность для изысканія случаевъ чтобъ отмстить за смерть его. „Я не буду „вамъ представлять, говорилъ онъ „имъ, волненія, безпорядка и за„мѣшательства, какое было въ Римѣ „по убійствѣ Диктатора въ полномъ „Сенатѣ. Всѣ кричали, что Респуб„лика возставлена, и Сенатъ самъ

„ока-

,,оказывалЪ склонность наградить у-
,,бійцевЪ, какЪ творцовЪ вольности.
,,Естьли бы сіи мнѣніи одержали верьхЪ,
,,то Цесарь былЪ бы не инако воспо-
,,минаемЪ какЪ ТиранЪ, и мы всѣ
,,были бы причислены кЪ винѣ его.
,,Я предвидѣлЪ всѣ послѣдствіи сихЪ
,,вредныхЪ награжденій, и я одинЪ
,,спорилЪ противу ЗаговорщиковЪ, про-
,,тиву ихЪ родни и друзей, и смѣю
,,сказать противу цѣлаго Сената.
,,Но сообщники ихЪ такЪ же видѣли,
,,что когда Цесарь не будетЪ объя-
,,вленЪ похитителемЪ, то должно
,,будетЪ судить ЗаговорщиковЪ; кЪ
,,тому видѣли что каждая сторона
,,твердо стояла вЪ своемЪ мнѣніи;
,,по чему и рѣшили на послѣдокЪ, для
,,спокойства обоихЪ обществЪ, сдѣ-
,,лать только примирительное Опре-
,,дѣленіе вмѣсто награжденій. СимЪ
,,средствомЪ, я сохранилЪ память
,,Цесареву, сохранилЪ всю славу его
,,имяни; я недопустилЪ чтобЪ опи-
,,саны были его имѣніи, ни чтобЪ у-

,,ни-

„ничтожено было сïе усыновленïе, ко-
„торое дѣлаетъ нынѣ молодаго Це-
„саря столь гордымъ и дерзновен-
„нымъ. Онъ пользуется плодами мо-
„ихъ старанïй. И когда я, для у-
„твержденïя Духовной отца его, со-
„гласился на примиренïе съ Заговор-
„щиками, то я не мыслилъ чтобъ
„по тому они могли остаться нена-
„казаны. Я только отсрочилъ казнь
„ихъ. Не отъ меня стало, естьли
„они не были умерщвлены въ день
„еще погребенïя Цесарева; я свидѣ-
„тельствуюсь тѣми кои слышали
„сколько я старался рѣчью, подъ
„видомъ сожалѣнïя о судьбѣ Цесаре-
„вой, подвигнуть Народъ къ мщенïю
„противу его убïйцевъ, что и прину-
„дило ихъ выйти изъ Рима. И какъ
„скоро я свѣдалъ что они заготовля-
„ли войски, то для предупрежденïя
„отъ нихъ нападенïй заставилъ дать
„себѣ Правительство Македонïи. А
„чрезъ то я получилъ въ свои пове-
„лѣнïи шесть Легïоновъ, кои находи-
„лись

„лись въ сей Провинціи. Я хочу у-
„потреблять ихъ для вашей и моей
„безопасности. Въ семъ такъ же видѣ,
„я выпросилъ еще отъ Народа, не
„смотря на Сенатъ, Правительство
„Сизъ-Альпинской Галліи, откуда
„надѣюсь выгнать Децима Брута,
„помощью вашей храбрости. Таково
„было до нынѣ мое поведеніе: я
„открываю наискрытнѣйшія мои на-
„мѣренія вамъ какъ друзьямъ моимъ,
„и какъ людемъ кои должны раздѣ-
„лять со мною славу въ ихъ испол-
„неніи. Я позволяю такъ же, чтобъ
„вы сообщили о томъ всѣмъ кои съ ва-
„ми единомышленны; изключаю толь-
„ко Цесаря изъ сей довѣренности,
„котораго гордость и неблагодарность
„мною испытаны.„

Сія Антоніева рѣчь, въ которой онъ казалось будто открывалъ свое сердце, успокоила нѣкоторымъ образомъ его Чиновниковъ. Между тѣмъ однако они требовали отъ него чтобъ онъ помирился съ Цесаремъ. Онъ при-

нуж-

нужденъ былъ согласиться съ нимъ къ свиданью, въ которомъ послѣ взаимныхъ жалобъ, изъясненій и увѣреній, они разстались съ прежнею другъ къ другу ненавистью.

Цесарь хотѣлъ чтобъ Антоній, какъ Намѣстникъ и угождатель отца его, помогъ ему въ мщеніи, но не былъ намѣренъ поставить его Повелителемъ Общества, которое по истребленіи Заговорщиковъ, долженствовало властвовать въ республикѣ. Антоній же, внутри своего сердца мало прилѣпляясь къ сему мщенію, оказывалъ свое въ томъ усердіе для того только, чтобъ заслужить себѣ почтеніе и довѣренность отъ воиновъ. Самодержавная власть была единственнымъ его предмѣтомъ. Всѣ тѣ кои могли препятствовать сему тайному его намѣренію, были равно ему ненавистны; и онъ столько же ненавидѣлъ Цесаря какъ Брута и Кассія, хотя онъ принужденъ былъ поступать съ первымъ береж-

бережливѣе, въ разсужденіи великой къ нему привязанности отъ Народа, Чиновниковъ и воиновъ служившихъ въ войскѣ отца его.

А какъ сія общая привязанность къ Цесарю дѣлала его наиболѣ сильнымъ, то Антоній, чтобъ отвратить отъ него людей, приказалъ посадить въ тюрьму многихъ изъ своихъ приставныхъ воиновъ, подъ тѣмъ видомъ что будто они подкуплены были отъ молодаго Цесаря лишить его жизни. Толь важное обвиненіе произвело въ народныхъ мысляхъ великую перемѣну; а явное между ими несогласіе дѣлало таковой умыслъ вѣроятнымъ. Всѣ почитали наигнуснѣйшимъ злодѣйствомъ сіе покушеніе на жизнь Консульскую. Въ протчемъ сообщники, и самыя друзья молодаго Цесаря, мыслили, что общество ихъ имѣетъ нужду въ такомъ искусномъ Повелителѣ каковъ былъ Антоній, для сопротивленія Бруту, Кассію и другимъ

гимъ предводителямъ Заговорщиковъ. Цесарь, оскорбленъ слухами разсѣянными противу его чести и добраго имени, идетъ въ Городъ, по всемъ улицамъ собираетъ Народъ и ему представляетъ, что толь гнусная клевета на честь его вымышлена его неприятелями, для того только чтобъ лишить его въ людехъ добраго имени. Онъ свидѣтельствуется Богами въ своей невинности, и проситъ громко чтобъ его въ томъ судили. Онъ идетъ по томъ къ дому Антонїеву, чтобъ принудить его представить обвинителей, виноватыхъ и свидѣтелей. Но какъ онъ не былъ допущенъ къ Антонїю, то произнесъ противу его сильныя ругательствы, называя его клеветникомъ и лжесплетателемъ. *Я не требую*, кричалъ онъ ему, *другихъ въ томъ судей, кромѣ собственныхъ друзей твоихъ*, и *подвергаюсь всему естьли они найдутъ хотя малую вѣроятность, въ подломъ обвиненїи которымъ ты меня обезславить думаешь.*

Народъ, по своему обыкновенію, судилъ о неправдѣ сего обвиненія изъ шого только что было ему представлено. Тотъ который говорилъ съ большею смѣлостью и досадою казался ему невиннымъ. Въ слухъ говорено было, что сіе обвиненіе вымышлено было отъ Антонія съ тѣмъ только умысломъ, чтобъ онъ могъ еще умножить число своего пристава. Иные же подозрѣвали обвинителя и обвиняемаго въ тайномъ между собою сообщеніи, и говорили что они нарочно произвели сію явную ссору, чтобъ найти по тому поводъ принять оружіе, не встревожа тѣхъ кои должны опасаться чтобъ они согласясь не обратили его противу общей вольности.

Но поведеніе ихъ въ послѣдствіи доказало, что какъ одинъ такъ и другой старались погубить другъ друга, и каждый желалъ остаться одинъ Предводителемъ общества составленнаго противу Заговорщиковъ.

ковЪ. Они пошли другЪ на друга силою оба вЪ одно время. Антоній приказалЪ подвесть кЪ Риму четыре Легіона высланные изЪ Македоніи, кои онЪ хотѢлЪ употребить для овладѢнія СизЪ Алпинскою Галліею. ОнЪ надѢялся на трехЪ старыхЪ подручныхЪ ПолководцевЪ Диктаторовыхъ: то есть на Лепида, предводителя вЪ Гишпаніи четырехЪ ЛегіоновЪ, на Планка, который имѢлЪ вЪ своемЪ повелѢніи при другихЪ Легіона вЪ ТранзЪ-Альпинской Галліи, и еще на Азинія Полліо, у коего было два Легіона: по колику онЪ полагалЪ что сіи Полководцы кЪ нему присоединятся. Молодой Цесарь, опасаясь нечаяннаго нападенія и обиды отЪ своего неприятеля, набралЪ сЪ своей стороны десять тысячь человѢкЪ вЪ Кампаніи; сверьхЪ того переманилЪ два Легіона отЪ Антонія, то есть ЛегіонЪ МарсовЪ и ЛегіонЪ четвертый, кои кЪ нему присовокупились. Но какЪ онЪ не имѢлЪ ни

званія военнаго, ни Начальства Гражданскаго которое бы могло оправдать его Повелительство надЪ войсками, и наипаче противу Консула, то онЪ старался преклонить СенатЪ вЪ свое подкрѣпленіе. ОнЪ получилЪ вЪ томЪ успѣхЪ, посредствомЪ Цицерона, который всегда былЪ противенЪ Антоніеву Обществу и его намѣреніямЪ. ЦицеронЪ былЪ его неприятель, по тому только что онЪ почиталЪ его неприятелемЪ республики; ибо такЪ онЪ изЪяснился вЪ своей сильной рѣчи, которую онЪ говорилЪ противу его вЪ полномЪ СенатѢ. Сей великой риторЪ, видя что Антоній устремлялся овладѣть СизЪ-Алпинскою Галліею, уговорилЪ СенатЪ, чтобЪ онЪ поставилЪ ему во преки молодаго Цесаря сЪ его войскомЪ. Искуснѣйшіе вЪ семЪ ОбществѢ, и кои большою частью имѣли родственные союзы сЪ Заговорщиками, одобрили сіе мнѣніе сЪ тѣмЪ умысломЪ, что то служило кЪ раз-

дѣ-

дѣленїю противнаго Общества; и они чаяли видѣть послѣ погибель Предводителей онаго, чрезъ ихъ собственное другъ противъ друга вооруженїе.

Молодой Цесарь вѣдалъ ихъ въ томъ намѣренїи. Отъ него не были скрыты тайныя сообщенїи кои Сенатъ имѣлъ съ Заговорщиками. Но какъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, Антонїй былъ для него самымъ страшнымъ непрїятелемъ, то онъ вознамѣрился поступить притворно съ Сенатомъ: отсрочить свое мщенїе противу убїйцевъ отца своего, и искать средствъ погубить Антонїя, прежде нежели онъ обратитъ свое оружїе противу Заговорщиковъ. Въ такомъ разумѣ, и дабы удостовѣрить Сенатъ что будто онъ отъ него хотѣлъ всегда зависѣть, онъ отрекся отъ Пропреторскаго титула, которой воины его ему дать желали. Самые ближайшїе его друзья, кои участвовали въ самыхъ

шайныхЪ его совѣтахЪ, представляли ему на то, что войско его неохотно будетЪ принимать повелѣнiи отЪ простаго Гражданина, который не имѣетЪ ни Чина, ни должности Правительской. „Я долженЪ такЪ по„ступать, онЪ имЪ вЪ тайнѣ отвѣт„ствовалЪ; СенатЪ обЪявилЪ себя вЪ „мое сообщество, но сiе обЪявленiе „онЪ сдѣлалЪ не по особому ко мнѣ „доброжеланiю, а единственно предо„стерегаясь отЪ Антонiя. ОнЪ по„лагается на мое кЪ нему повино„венiе: и моя польза требуетЪ „чтобЪ я не выводилЪ его изЪ сего „мнѣнiя. Я по сей причинѣ отрекся „отЪ Пропреторскаго титула, кото„рой мнѣ предложенЪ былЪ отЪ вой„ска; но хочу снискать то чтобЪ „СенатЪ самЪ почтилЪ меня симЪ „титуломЪ„

ВЪ самомЪ дѣлѣ, СенатЪ былЪ ослѣпленЪ сею наружною умѣренностью. Но сЪ своей стороны рѣшился манить ему подобнымЪ тому образомЪ,

желая обольстить его одними только честьми и отличностьми, кои имѣли бы одинъ блескъ Властительства, а въ самомъ дѣлѣ ничего бы не значили. Онъ далъ ему, общимъ Приговоромъ, тотъ самой Титулъ отъ котораго онъ отрекся, и приказалъ устроить на площади его статую изъ золота. Тѣмъ же Приговоромъ позволено ему было присудствовать въ Сенатѣ, и имѣть право требовать себѣ Консульства, десять лѣтъ ранѣ того возраста какой для сего предписанъ былъ Законами. Но сквозь сїи чести и пожалованїи, Цесарь легко могъ видѣть, что Сенатъ старался только загладить память о смерти отца его, и отнять у него способы производить за смерть его мщенїе. Антонїй, съ своей стороны, по силѣ Народнаго Опредѣленїя но вопреки Сенату, заставилъ вручить себѣ, какъ уже сказано, Правительство Сизъ-Алпинской Галлїи: хотя Децимъ Брутъ, одинъ изъ Предводи-

шелей Заговора, пожалован былЪ симЪ ПравишельсшвомЪ отЪ Дикшашора, и по смерши его СенашЪ упвердилЪ то пожалованie. Антонiй, побравЪ большую часть ГородовЪ сей Провинцiи, держалЪ шогда Децима вЪ МоденѢ осажденна. Сенашъ, раздраженЪ шаковымЪ поступкомЪ прошиву своихЪ повелѢнiй, послалЪ объявишь ему ПриговорЪ, которымЪ повелѢваемо ему было отступишь отЪ Города, выйши немедлѢнно изЪ СизЪ-Алпинской Галлiи, перевесши свое войско по сю сторону Рубикона, рѢки отдѢляющей сiю Провинцiю отЪ прошчей Италiи, и ожидашь на берегу сей рѢки повелѢнiя отЪ Сенаша. Все сiе предписано ему было подЪ шаковымЪ спрахомЪ, что вЪ случаѢ его ослушанiя онЪ будешЪ объявленЪ неприяшелемЪ Отечества.

То былЪ ЦицеронЪ который сочинилЪ сей ПриговорЪ. ВЪ слогѢ своемЪ онЪ не могЪ дашь Сенашу болѢ высокой важности, есшьли бы

силы

силы Республики соотвѣтствовали сему пышному повелѣнію. Но Антоній, будучи не далекъ отъ Рима съ сильнымъ войскомъ, смѣялся строгости Сенатскаго Опредѣленія. Онъ отвѣтствовалъ съ гордостью, что когда хотятъ отнять у него Правительство которое онъ получилъ отъ благосклонности Народа, то онъ умѣетъ уничтожить примиреніе съ Заговорщиками, кое онъ подписалъ для единаго только угожденія Сенату, и что онъ надѣется вскорѣ повергнуть Децима Брута въ жертву тѣни великаго Цесаря.

Сей отвѣтъ его принятъ былъ 701
вмѣсто объявленія войны. Сенатъ, годъ.
раздраженъ его непослушаніемъ, приказалъ Гирцію и Пансѣ, не давно вступившимъ Консуламъ, и молодому Цесарю соединить свои силы, и слѣдовать на помощь къ Дециму. Панса повелѣвалъ четырмя Легіонами, но такими кои вновь были набраны; а Гирцій, по тайному повелѣнію отъ Сената

ната который хотѣлъ ослабить войско Цесарево, взялъ отъ него обратно Легїонъ Марсовъ и Легїонъ четвертый, кои отложились отъ общества Антонїева.

Цесарь, чтобъ доказать повиновенїе свое Консулу, отдалъ ему тотъ часъ помянутые Легїоны. Хотя они вручились ему единственно по особливому усердїю къ памяти его отца, однако онъ притворился что будто не видитъ отъ Сената въ томъ умысла. И какъ онъ имѣлъ нужду въ его помощи и власти для погубленїя Антонїя, то почиталъ сїю потерю себѣ великимъ выигрышемъ. Онъ соединилъ по томъ оставшїя свои силы съ Консульскими. И такъ Диктаторовъ сынъ шелъ, подъ повелѣнїемъ своихъ неприятелей, на помощь убїйцѣ отца своего.

Антонїй, въ тоже время, пошелъ на встрѣчу съ своими силами. Скоро произведено было сраженїе. Бой продолжался съ равнымъ отъ обѣихъ сторонъ упорствомъ, безъ всякаго окончательнаго дѣйствїя; и наступившая

ночь не дозволила продолжать еще оный. Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ почти одинаковъ, изключая только то что Консулъ, въ стремительномъ жару во время сраженія, получилъ смертную рану. Антоній приказалъ вступить своему войску въ станъ по прежнему. Гирцій и Цесарь предприняли, нѣсколько дней спустя, напасть на него въ его укрѣпленіяхъ; и какъ оные были весьма обширны, то Гирцій усмотрѣлъ въ нихъ слабое мѣсто и некрѣпко защищаемое, по чему и водрался туда силою. Онъ ринулся по томъ въ станъ неприятельской. Антоній выставилъ на противу его два Легіона, кои по долгомъ сопротивленій посѣчены были на голову. Консулъ разбилъ бы и все его войско, естьли бы не былъ убитъ, сражаясь съ неумѣреннымъ жаромъ напереди своихъ Легіоновъ. Смерть его содѣлала храбрость воиновъ нѣсколько холодною. Цесарь, по смерти одного Консула и по смертельной ранѣ дру-

другова, оставшись главнымЪ Предводителемъ всего войска, удовольствовался отступить съ одержаннымЪ надЪ неприятелемЪ выигрышемЪ. Намѣренiе его было, пресѣчь подвозимыя припасы кЪ Антонiю, или принудить его кЪ новому бою. Антонiй, видя себя вЪ слабости по претерпѣнныхЪ уронахЪ, и страшась не удачи вЪ третьемЪ сраженiи, отступилЪ отЪ Города. КакЪ онЪ не былЪ вЪ состоянiи держаться вЪ полѣ, противу побѣдоноснаго войска и превосходнаго вЪ силахЪ, то онЪ ушелЪ вЪ горы, откуда пустился вЪ ТранзЪ-Альпинскую Галлiю, надѣясь тамЪ подговорить на свою сторону Лепида, Планка и Азинiя Поллiо, кои повелѣвали вЪ сихЪ великихЪ Провинцiяхъ знатными войсками.

СенатЪ, радуясь что Антонiй былЪ разбитЪ, и уже почитая его погибшимЪ человѣкомЪ, послалЪ повелѣнiе ко всемЪ ПолководцамЪ, чтобЪ они пресѣкли ему пути для убѣжанiя.

нія. Въ то же время онъ не сталъ уважать молодаго Цесаря, отъ котораго онъ не чаялъ имѣть болѣ страха. Онъ, не взирая на его Пропреторское Достоинство, вручилъ, въ обиду ему, Повелительство Консульскихъ войскъ, Дециму Бруту, съ приказаніемъ достигать Антонія безъ остановки, и поступать съ нимъ какъ съ общественнымъ неприятелемъ. Сей поступокъ далъ разумѣть Цесарю, чего онъ долженъ былъ ожидать отъ главной части Сенаторовъ; а Панса, передъ своею смертью, совершенно открылъ ему прямыя ихъ въ разсужденіи его намѣреніи.

Сей Консулъ, будучи при послѣднемъ издыханіи, велѣлъ призвать къ себѣ молодаго Цесаря; и когда сей подступилъ къ его постелѣ: „Я всег„да, сказалъ онъ ему, любилъ тво„его отца болѣ нежели себя. Хотя „правилы осторожности, которымъ „самъ ты принужденъ послѣдовать, „заставили меня пристать къ Обще-

„ству

„ству Сената, но я никогда не те-
„рялъ желанія и надежды отмстить
„за смерть его. Мой вѣкъ оканчи-
„вается, и я лишаюсь сего утѣше-
„нія. Но прежде нежели умру, же-
„лаю, по малой мѣрѣ, исполнить пе-
„редъ Сыномъ обязательствы коими
„я долженъ былъ Отцу. Вѣдай что
„ты не менѣ подозрителенъ и нена-
„вистенъ Сенату, какъ и Антоній
„твой неприятель. Онъ васъ обоихъ
„равно ненавидитъ. Онъ чрезвычай-
„но радовался вашему раздѣленію, и
„ласкаетъ себѣ погубить васъ одного
„черезъ другаго. Хотя онъ наруж-
„нымъ образомъ и принялъ твою сто-
„рону, но конечно для того что
„твое Общество кажется ему не такъ
„сильно, и что онъ чаетъ легче его
„разрушить. Мое же намѣреніе, весь-
„ма различное съ видами Сената, бы-
„ло, принудить Антонія силою ору-
„жія примириться съ тобою, по томъ
„соединить наши войски, и общими
„силами произвесть мщеніе за смерть
„об-

„общаго нашего Благодѣтеля. То едино „тебѣ предпринимать остается. Со„единись съ Антоніемъ: ты найдешь „его болѣ къ тебѣ склоннымъ по его „неудачѣ въ сраженіи. Я отдаю те„бѣ оба твои Легіоны; я бы отдалъ „тебѣ съ удовольствіемъ и оставшее „войско, но я не имѣю въ томъ вла„сти. Чиновники имѣютъ тайное „приказаніе отъ Сената примѣчать „всѣ наши поступки.„ Консулъ скоро по томъ умеръ. Цесарь принялъ Повелительство надъ его войсками, къ которымъ присоединились Марсовъ и Четвертый Легіоны. Торкватъ, по приказанію Сената, вручилъ оставшія силы Дециму Бруту, который пустился тотъ часъ въ слѣдъ за Антоніемъ чтобъ вновь съ нимъ сразиться, и онъ чаялъ достичь его прежде нежели онъ перейдетъ Альпы.

Сенатъ умышленно выбралъ къ тому Децима, дабы имѣть войско въ полномъ своемъ повелѣніи. Цесарь видѣлъ съ великою чувствительностью

тол

толь обидное ему предпочтенїе. Онъ чрезмѣрно былъ оскорбленъ тѣмъ что Сенатъ, вручивъ Повелительство надъ войсками одному изъ Заговорщиковъ, казалось будто хотѣлъ оправдать тѣмъ ихъ злодѣянїе. Сїя обида заставляла его примириться съ Антонїемъ, какъ Панса ему совѣтывалъ. Но какъ собственная польза была единственнымъ правиломъ его поступокъ, и какъ онъ хотѣлъ получить въ наслѣдство съ Именемъ и имѣнїемъ такую же власть какую имѣлъ Цесарь, то онъ боялся чтобъ, по соединенїи его съ Антонїемъ, сей Полководецъ не возтребовалъ быть признанъ главнымъ Предводителемъ общества, и не употребилъ бы тѣ самыя войски кои его разбили, для утвержденїя власти своей въ Правительствѣ.

Цесарь, въ сей нерѣшимости, предпринялъ не терять Сенатъ и не терять равно Антонїя, а ждать пока увидитъ къ которой сторонѣ Лепидъ

и

и ПланкЪ прилѣпятся, чтобЪ тогда рѣшить противу котораго изЪ своихЪ неприятелей онЪ перьвый вызовется. А дабы извѣдать разположенїе сихЪ разныхЪ обществЪ, онЪ требовалЪ, чрезЪ друзей своихЪ вЪ римѣ, Консульскаго мѣста, праздиаго по смерти Гирцїя и Пансы; вЪ то же время, отпустилЪ кЪ Антонїю многихЪ изЪ главныхЪ ЧиновниковЪ его войска, коихЪ онЪ взялЪ военоплѣнными вЪ послѣднемЪ сраженїи.

Децїй, старшїй изЪ сихЪ ЧиновниковЪ, и особливый другЪ АнтонїевЪ, благодаря его за дарованную ему свободу, спросилЪ у него, какїя имѣлЪ онЪ разположенїи, вЪ особыхЪ мысляхЪ о его Полководцѣ. Цесарь не разсудилЪ за нужно тотЪ часЪ ему обЪявить свое желанїе, а просто отвѣтствовалЪ, что Антонїй можетЪ судить о томЪ по его поступку: тѣмЪ онЪ давалЪ поводЪ сему Полководцу, чтобЪ онЪ перьвый началЪ сЪ нимЪ изЪясняться. Но свѣдавЪ

 что

что Сенатъ не только не хотѣлъ произвесть его въ Консулы, но мыслилъ привести его въ званіе простаго Гражданина, онъ увидѣлъ что польза его требуетъ немедлѣнно соединиться съ Антоніемъ. Онъ началъ сперьва открывать свои разположеніи Лепиду, Планку и Азинію Поллїо, старымъ Чиновникамъ Диктаторовымъ, съ которыми онъ всегда тайно переписывался. Онъ давалъ имъ видѣть чрезъ свои письма, что Сенатъ, будучи составленъ изъ сообщниковъ Помпеевыхъ, сопротивлялся его возвышенію только для того что онъ былъ сынъ Цесаревъ; что и они такъ же не должны ожидать отъ него лучшихъ себѣ милостей; что Сенатъ о томъ только старается чтобъ ихъ между собою перессорить и раздѣлить, чтобъ потомъ изтребить ихъ одного за другимъ чрезъ нихъ самихъ же; что такой поступокъ научаетъ ихъ какъ имъ на противу того поступать должно;

жно; и что онъ ихъ зоветъ къ дружному съ нимъ соединенію, для подкрѣпленія Общества древняго ихъ Полководца. Онъ прибавилъ, какъ будто между другою рѣчью, жалобы противъ Антонія, но толь искуснымъ образомъ, которой давалъ разумѣть что онъ не чуждается съ нимъ быть въ соединеніи. Онъ вновь доказалъ оное, давъ способъ спастись Вентидію подручному Полководцу Антоніеву, которого онъ легко бы могъ разбить. Сей Чиновникъ набравъ три Легіона, шелъ въ соединеніе къ своему Полководцу. Цесарь постигъ его съ превосходными силами. Погибель его была не избѣжна, естьли бы Цесарь хотѣлъ на него напасть; но онъ удовольствовался только сказать ему, что его судьба собственно отъ него самого зависитъ; онъ далъ ему выбрать, естьли хочетъ пусть пристанетъ въ его Общество, и естьли хочетъ, пусть продолжаетъ путь свой. Вентидій отвѣтствовалъ, что онъ не

 мо-

можетъ измѣнить Антонію; и Цесарь позволилъ ему слѣдовать къ Антонію, препоручивъ отъ себя ему сказать, что онъ поступаетъ совершенно противу общихъ ихъ видовъ.

Между тѣмъ Антоній, постигаемъ отъ Децима Брута, повелѣвающаго войсками Республики, спѣшилъ перейти за Альпы. Онъ нашелъ на пути своемъ Кулео, подручнаго Полководца Лепидова, который посланъ былъ пресѣчь ему дорогу. Онъ погинулъ бы со всѣмъ своимъ войскомъ въ сихъ горахъ, естьли бы Кулео не измѣнилъ своему Полководцу. Но онъ, прельстясь на деньги отъ Антонія, далъ ему оттуда выбраться и продолжать путь свой. Децимъ, вытѣснивъ его вонъ изъ Италіи, писалъ къ Сенату, что онъ разогналъ его войско; что Антоній убѣжалъ въ Алпійскіе горы, и что онъ уповаетъ скоро достать его въ свои руки. Сенатъ чрезвычайно былъ обрадованъ сею вѣдомостью. Сенаторы Помпеева Общества восклицали, что Респу-

блика

блика наконецъ возвратила себѣ свою вольность. И такъ какъ бы Антоній былъ уже взятъ, Сенатъ наименовалъ десять Повѣренныхъ чтобъ произвесть судъ надъ виноватымъ. Предлагаемо было при томъ, уничтожить всѣ Опредѣленіи какіе выданы подъ его Правительствомъ по смерти Цесаревой; а вмѣстѣ съ сими установленіями, уничтожить и всѣ Опредѣленіи Диктаторовы, дабы возставить республику на прежнемъ ея основаніи.

Тѣмъ времянемъ Антоній, прошедъ Альпы, вступилъ въ Галлію. Онъ отписалъ томъ часъ къ Лепиду, Планку и Азинію Полліо, напоминая имъ старое свое съ ними дружество, и прося ихъ соединиться съ нимъ противу Заговорщиковъ и другихъ неприятелей памяти ихъ Полководца. Лепидъ, который изтребовалъ себѣ правительство Гишпаніи, былъ еще въ Галліи. Онъ пришелъ въ удивленіе и недоумѣніе отъ приближенія Ан-

тонїева. То былъ человѣкъ котораго почитали болѣ по славѣ его предковъ, нежели по собственному его достоинству; былъ слабъ въ разумѣ, властолюбивъ безъ смѣлости, предпрїимчивъ но робокъ въ своихъ предприятїяхъ. Онъ открылъ свое внутреннее смущенїе Ювенцїю Латерензїю, особливому своему другу, и показалъ ему письма отъ Антонїя. Ювенцїй, будучи ревностный республиканинъ, всячески старался его отвлечь отъ соединенїя съ Антонїемъ; но чтобъ скрыть отъ него склонность которую онъ имѣлъ къ сторонѣ Сената, онъ лукаво манилъ его властолюбїю. Онъ представилъ ему, что имѣя семь Легїоновъ въ своихъ повелѣнїяхъ, онъ почитался самымъ сильнымъ Полководцемъ Республики, и что онъ всегда будетъ господствовать, къ которой бы сторонѣ онъ ни захотѣлъ присоединиться. Но что естьли онъ приобщится къ Антонїю, то долженъ будетъ покорить

себя

себя подъ власть прежде бывшаго Консула, собою надменнаго и упрямаго, который сочтетъ за милость дать ему въ войскѣ Чинъ своего подручнаго Полководца. Ревность повелительства заставила Лепида отринуть Антонїевы предложенїи, хотя прежде они были между собою друзья и оба угождатели Диктаторовы. Онъ приказалъ ему сказать, что когда Сенатъ объявилъ его неприятелемъ Отечества, то онъ не можетъ соединиться съ его войскомъ, не навлекая себѣ отъ Сената равнаго Приговора; однако при томъ велѣлъ его увѣрить, что какїя бы повелѣнїи онъ ни получилъ отъ Рима, онъ знаетъ какъ убѣжать отъ случаевъ, чтобъ не вступать съ нимъ въ сраженїе. Азинїй Поллїонъ, имѣя болѣ твердости, и будучи всегда вѣренъ Обществу Диктаторову, приказалъ сказать Антонїю, что онъ найдетъ его всегда готова съ нимъ соединиться, для мщенїя за смерть общаго

ихъ Полководца. Планкъ же, будучи сумнительнаго и нерѣшимаго свойства, производилъ тайныя сообщенія въ одно время съ обоими Обществами. Онъ обѣщалъ попеременно Антонію и Дециму Бруту соединиться съ ними; но всегда выжидалъ какой успѣхъ будутъ имѣть дѣла ихъ, чтобъ рѣшительно пристать къ которому ни будь Обществу.

Антоній видѣлъ что онъ погибнетъ неизбѣжно, естьли власть Сената превозможетъ надъ толь нетвердыми разумами, и естьли они на конецъ согласятся дѣйствовать противу его совокупно съ Децимомъ Брутомъ. Въ сихъ смятенныхъ обстоятельствахъ, кои ясно представляли ему его гибель безъ всякихъ путей къ спасенію, онъ принялъ намѣреніе достойное его смѣлости, но которое могло быть такъ же дѣйствомъ крайности въ которой онъ находился. Онъ пошелъ прямо къ войску Лепидову; учредилъ свой станъ въ близости отъ его стана, но безъ всякаго укрѣ-

укрѣпленія, и такъ какъ бы они были единообщники и единомышленники. Онъ послалъ тотъ часъ ему представить, что Сенатъ старался только истребить Полководцевъ Цесаревыхъ одного за другимъ, принуждая ихъ воевать между собою: онъ приказалъ ему по томъ напомнить о старой ихъ дружбѣ, и заклиналъ его памятью Цесаревою, способствовать мщенію за смерть сего великаго Человѣка.

Они вступили по томъ въ переговоры; но между тѣмъ какъ Чиновники переносили ихъ слова отъ одного къ другому, воины Лепидовы, презирая своего Полководца столько сколько они почитали Антонія, и тайно подговорены отъ воиновъ сего послѣдняго, впустили его ночью въ свой станъ и признали своимъ Полководцемъ. Нѣкоторые же вызывались убить Лепида, естьли онъ прикажетъ. Ювенцій Латерензій, который сильно отвращалъ Лепида отъ

соединенія съ Антоніемъ, видя друга своего оставлена и предана собственными его воинами, пронзилъ самъ себя мечемъ. Нѣкоторые Историки пишутъ что Лепидъ бросился къ ногамъ Антоніевымъ и просилъ у него живота. Антоній не употребилъ во зло своего благополучія, и поступилъ человѣколюбно съ нещастнымъ Лепидомъ. Онъ оставилъ ему по прежнему имя и наружные знаки Полководца, хотя онъ одинъ только отправлялъ должности онаго. Азиній Полліо, пришелъ къ нему въ то же время съ подмогою двухъ Легіоновъ; и Мунацій Планкъ, всегдашній слуга по обстоятельствамъ, тогда обьявилъ себя точнымъ неприятелемъ противу Сената и Децима Брута. Вентидій, котораго молодой Цесарь пропустилъ въ Галлію, прибылъ такъ же въ соединеніе къ Антонію съ тремя другими Легіонами. И такъ сей Полководецъ, который за мало передъ тѣмъ выгнанъ былъ

изъ

изъ Италїи отъ молодаго Цесаря и Брута, нашелъ себя въ состоянїи опять туда возвратиться, имѣя семнатцать Легїоновъ у себя въ повелительствѣ.

Толь удивительная перемѣна въ щастьи Антонїевомъ заставила Сенатъ перейти отъ прежняго упованїя въ совершенное отчаянїе. Онъ полагался на письмо отъ Децима, который увѣрялъ что онъ вогналъ Антонїя въ самые Альпы, гдѣ онъ, по письму его, долженъ былъ или умереть голодомъ, или погибнуть отъ войскъ Лепидовыхъ. Тогда большая часть Сенаторовъ почитали сїе Общество совершенно разрушеннымъ; по чему хотѣли принудить молодаго Цесаря, котораго они столько же подозрѣвали, разпустить свои Легїоны, подъ видомъ что республика не имѣла болѣ въ нихъ нужды, и что война казалась быть окончена. Цесарь, не желая разпустить войски въ коихъ состояли главныя его силы, пред-

предприняль требовать себѣ Консульства, въ томъ видѣ, что естьли онъ получитъ сїе Достоинство, то будетъ имѣть право удержать подъ собою свои войски, и повелѣвать войсками Республики; естьли же Сенатъ отринетъ его предложенїе, то въ то время онъ будетъ имѣть нѣкоторую справедливую причину остаться въ вооруженїи, для защищенїя себя отъ тѣхъ кои объявятъ себя его неприятелями. Повѣствуютъ что еще въ то время онъ принималъ уже мѣры для примиренїя своего съ Антонїемъ; но чтобъ не быть въ покоренїи подъ его властью онъ искалъ Консульства, для содѣланїя себя чрезъ сїе Достоинство Главнымъ въ Обществѣ которое онъ восприметъ. Какъ Цицеронъ имѣлъ тогда великую силу въ Сенатѣ, то Цесарь просилъ его чрезъ общихъ между ими друзей, дабы онъ благоволилъ употребить свое старанїе, такъ чтобъ они избраны были оба въ одно

но время въ Консулы. А чтобъ болѣ къ тому побудить Цицерона, онъ велѣлъ ему сказать, что онъ требуетъ одного только званія въ семъ Достоинствѣ, котораго полную силу онъ ему одному оставляетъ, и для того только желаетъ быть его Товарищемъ, чтобъ быть его ученикомъ, и познать, подъ предводительствомъ толь искуснаго учителя, науку добраго правленія.

Цицеронъ, обольщенъ сими приятными ему похвалами, и надѣясь водить Цесаря по своей волѣ, объявилъ себя его старателемъ. Онъ представилъ въ Сенатѣ съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчіемъ, что онъ не находитъ вѣрнѣйшаго средства воспрепятствовать Цесарю вступать въ миръ съ Антоніемъ, какъ чрезъ постановленіе его въ Консулы; что онъ въ семъ званіи принужденъ будетъ соблюдать Приговоры Сената противу Антонія; но какъ онъ еще весьма молодъ, то онъ пред-

представлялЪ СенаторамЪ дать ему вЪ Товарищи кого ни будь стараго и искуснаго человѣка, который бы надзиралЪ надЪ его поступками, и служилЪ бы ему такЪ какЪ предводителемЪ вЪ отправленїи дѣлЪ Государственных Ъ. Многїе Сенаторы, друзья или родственники Заговорщиков Ъ, страшась чтобЪ молодой Цесарь, вступя вЪ Консульство, не употребилЪ своей власти кЪ отмщенїю за смерть Дикторову, крѣпко опровергали предложенїе Цицероново. Нѣкоторые же явно смѣялись его любочестїю, и хитрому образу которымЪ онЪ назначалЪ самЪ себя вЪ Товарищи молодому Цесарю. Сїе дѣло произвело великой спорЪ вЪ Сенатѣ. Цесарь, для подкрѣпленія своихЪ согласниковЪ, велѣлЪ подступить войску ближе кЪ Риму. СлухЪ же о его приближенїи имѣлЪ болѣ дѣйства нежели краснорѣчїе Римскаго Ритора. Сенаторы, убоясь его подступленїя, не только дали ему голоса свои для

Кон-

Консульства, но какъ онъ не имѣлъ уже болѣ нужды въ подкрѣпленiи Цицероновомъ, то принудилъ еще, оставя Цицерона, избрать вторымъ Консуломъ Квинта Педита, одного изъ своихъ родственниковъ и частнаго наслѣдника Диктаторова.

Прежде всего, по вступленiи въ Консульство, онъ заставилъ утвердить свое усыновленiе общимъ Собранiемъ Римскаго Народа. Когда же сей обрядъ былъ конченъ, то онъ заставилъ друзей своихъ произнесть обвиненiе противу тѣхъ кои имѣли участiе въ смерти Диктаторовой. Онъ самъ первенствовалъ въ судѣ надъ ними, и заставилъ осудить безъ явки всѣхъ Заговорщиковъ къ смертной казни. Но какъ Брутъ и Кассiй ихъ Предводители имѣли у себя въ повелѣнiи болѣ двадцати Легiоновъ, то онъ чувствовалъ сколь трудно разрушить толь сильное сообщество, пока Антонiй будетъ его неприятелемъ. И такъ онъ вознамѣ-

рился

рился съ нимъ примириться, подъ благонамѣреннымъ видомъ чтобъ соединить ихъ силы къ отмщенїю за смерть отца его. А чтобъ дать ему узнать о своей въ томъ склонности, онъ внушилъ Сенату чрезъ Квинта Педита своего Товарища и своего угождателя, что онъ за благо находитъ для пользы Республики призвать обратно Антонїя, и не доводить до крайности сего великаго Полководца, который не менѣ страшенъ какъ были Силла и Марїй. Стоящее въ близи войско, которое было такъ сказать подъ стѣнами Рима, заставило принимать сїи совѣты вмѣсто Законовъ; и хотя большая часть Сенаторовъ уразумѣвали, что Цесарь хотѣлъ только усилить себя помощью Антонїевою, противу Защитниковъ общей вольности, но они не въ состоянїи тогда были поступать по собственному своему разсужденїю. Должно было покорствовать передъ властью, которая дѣйство-

ствовала, безъ всѣхъ другихъ уваженій, по своей особенной пользѣ. Сенатъ уничтожилъ торжественно всѣ Приговоры кои онъ выдалъ противу Антонія и его Сообщниковъ. Цесарь тогда предложилъ ему, соединить ихъ силы, и слѣдовать вмѣстѣ противу Кассія и Бруша.

Антоній перешелъ обратно Альпы съ семнатцатью Легіонами. Децимъ, находя себя не въ силахъ ему сопротивиться, вознамѣрился отойти въ Македонію въ соединеніе къ Бруту. Большая часть войска отъ него отстала: четыре Легіона отдались Антонію, а другіе перешли въ войско къ Цесарю. Децимъ, при семъ общемъ побѣжищѣ, хотѣлъ укрыться въ ближнихъ горахъ Аквилейскихъ; но тамъ пойманъ между тѣсными проходами, и по повелѣнію Антоніеву ему отсѣкли голову. Симъ образомъ кончилъ жизнь Децимъ Брутъ, ближайшій другъ Юлія Цесаря. Онъ при немъ повелѣ-

валъ Конницею. Диктаторъ по томъ назначилъ его на будущій годъ въ Консулы, и въ то же время далъ ему Правительство Сизъ-Алпинской Галліи. Междоусобная война началась, какъ о томъ было сказано, по причинѣ сего Правительства, которое Антоній опредѣлилъ у него отнять, подъ тѣмъ видомъ, что ему не принадлежитъ пользоваться милостьми отъ того человѣка, на коего онъ самъ возложилъ руку, почитая его тираномъ и похитителемъ Законной власти.

Цесарь, ища всячески примириться съ Антоніемъ, приказалъ его благодарить за казнь Децимову, такъ какъ за жертву которую онъ принесъ тѣни отца его. То была причина, или наружной видъ ихъ соединенія. Они оба равно къ тому были склонны. Антоній испыталъ не давно передъ Моденою, сколь было еще сильно имя Республики; и какъ онъ не имѣлъ тогда надежды получить

одинъ

одинъ себѣ Самодержавную власть, то вознамѣрился раздѣлить оную съ молодымъ Цесаремъ. Цесарь же съ своей стороны боялся, естьли онъ умѣшкаетъ примириться съ Антоніемъ, чтобъ сей Предводитель Общества не присоединился на конецъ къ Заговорщикамъ, какъ онъ тѣмъ велѣлъ его стращать, и совокупными съ ними силами не возставилъ бы власть Республики. Такимъ образомъ миръ безъ труда послѣдовалъ между двумя неприятелями, кои имѣли равную нужду въ сообщеніи. Общіе ихъ друзья заставили ихъ уговориться о мѣстѣ гдѣ должно было имъ свидѣться. Сіе ихъ свиданье произошло въ одномъ пустомъ Островѣ, возлѣ Модена, на рѣкѣ Панарѣ. Два войска стали на берегахъ, каждое на своей сторонѣ, а отъ береговъ къ Острову подведены были мосты, на которыхъ поставлены были охранительныя войски. Лепидъ присудствовалъ при семъ свиданіи; и хотя

онѣ имѣлѣ одно только имя Полководца и одни наружности Повелительства, однако Антоній и Цесарь, всегда остерегаясь другѣ друга, довольны были симѣ посредникомѣ, который не могѣ имѣ быть подозрителенѣ, и который способствовалѣ бы имѣ согласиться вѣ случаѣ могущихѣ произойти между ими споровѣ. И такѣ Лепидѣ вошелѣ перьвый вѣ Островѣ, чтобѣ извѣдать не было ли тамѣ каковаго подлога. Таково было состояніе сихѣ властолюбителей, что они и вѣ самомѣ ихѣ примиреніи, сохраняли одинѣ кѣ другому взаимную не-
710 годѣ. довѣренность. Лепидѣ далѣ имѣ оттуда знакѣ, какѣ вѣ томѣ сѣ ними условился, и тогда оба Полководцы пошли вѣ Островѣ каждый сѣ своей стороны. Они обняли другѣ друга тотѣ часѣ, и не входя ни вѣ каковое изъясненіе о прошедшемѣ, пошли для совѣта на самое высокое мѣсто вѣ Островѣ, откуда они равно могли быть видимы сѣ обѣихѣ сто-

сторонѣ приставами и обоими ихъ войсками. Они сѣли тамъ только трое: Цесарь, въ званіи Консула, взялъ почтенное мѣсто, и сѣлъ по срединѣ Они разсуждали по томъ какой образъ Правленія надлежитъ дать Республикѣ, и подъ какимъ званіемъ могутъ они раздѣлить Самодержавную власть, и удержать подъ собою войски для соблюденія сей власти. Они совѣтовали о томъ три дни. Не извѣстны подробности въ произхожденіи сего совѣта, но видно только изъ послѣдствія что они согласились, чтобъ Цесарь отрекся отъ Консульства, и отдалъ бы оное на остатокъ года Вентидію подручному Полководцу Антоніеву; но чтобъ Лепидъ, Цесарь и Антоній, подъ именемъ *Тріумвировъ*, то есть тройственныхъ Правителей, восприняли на пять лѣтъ Самодержавное Властительство. Они огранили власть свою толь короткимъ времянемъ умышленно, чтобъ сперьва не со всѣмъ открыть себя тиранами своего Отечества.

Сїи Триумвиры раздѣлили потомъ между собою Провинцїи, Легїоны, и даже казну Республики. Плутархъ говоритъ, что они дѣлили всю Имперїю, такъ какъ свое наслѣдство или Отчину.

Антонїй удержалъ подъ собою Галлїю, изключая Провинцїю которая граничила съ Пиренеями, и которая отдана Лепиду съ Гишпанїею. Цесарь на свою часть взялъ Африку, Сицилїю, Сардинїю и другїе Острова. Азїя, находясь тогда подъ властью Заговорщиковъ, не была причислена къ раздѣлу. Но Триумвиры условилились, чтобъ Цесарь и Антонїй пошли немедлѣнно соединенными силами ихъ оттуда выгнать; чтобъ каждый изъ нихъ повелъ съ собою двадцать Легїоновъ, и чтобъ Лепидъ съ оставшими тремя Легїонами остался въ Италїи и въ Римѣ, для сбереженїя ихъ Власти. Сїи двое Товарищи не приобщили его къ предприятой войнѣ, по тому что они

мало

мало надѣялись на его способность и храбрость. Кажется что Цесарь и Антоній въ томъ только видѣ приобщили его къ Триумвирству, чтобъ въ отсудствіи своемъ, оставить ему такъ какъ на подержаніе Самодержавную власть, бывъ увѣрены, что они свергнутъ его скорѣе нежели другова Полководца, когда онъ имъ будетъ невѣренъ или безполезенъ.

Властолюбіе Триумвировъ было удовольствовано симъ раздѣломъ. Но какъ они имѣли нужду въ великихъ суммахъ денегъ для произведенія войны, и съ другой стороны оставляли въ Римѣ и въ Сенатѣ скрытныхъ неприятелей, и республиканъ самыхъ ревностныхъ къ сохраненію вольности, то вознамѣрились, прежде нежели отправятся изъ Италіи, истребить для своей безопасности самыхъ богатыхъ и сильныхъ Граждань въ Римѣ, чрезъ прописаніе ихъ на смерть какъ неприятелей. Они сдѣлали имъ списокъ. Каждый Три-

 умвиръ

умвиръ включилъ въ оный особенныхъ своихъ неприятелей, и даже неприятелей своихъ прислужниковъ. Они столь были безчеловѣчны, что въ угодность другъ другу, предавали своихъ родныхъ и самыхъ ближнихъ. Лепидъ жертвовалъ роднаго своего брата Павла двумъ своимъ Товарищамъ. Антоній съ своей стороны, предалъ молодому Цесарю роднаго брата своей Матери; а Цесарь дозволилъ чтобъ Антоній отдалъ на смерть Цицерона, хотя сей великой Мужъ поддерживалъ его прежде своимъ покровительствомъ противу того же Антонія. На конецъ включенъ былъ въ сей нещастной списокъ и Тораній, приставникъ молодаго Цесаря, тотъ который воспиталъ его съ неусыпнымъ попеченіемъ. Плоцій, предназначенный Консулъ братъ Планковъ, подручный Полководецъ Антоніевъ, и Квинтій предназначенный его Товарищь въ Консульствѣ, равную судьбу имѣли, хотя

сей

сей послѣднїй былъ тесть Азинїя Поллїя ревностнаго защитника Триумвирства. Самыя священныя правы естества не могли защитить жизни гонимыхъ. Триста Сенаторовъ и болѣ двухъ тысячь Рыцарей погибли въ семъ ужасномъ на смерть прописанїи. А чрезъ сїе выгодное мщенїе Триумвирство обогащалось; число же и силы Республиканъ весьма умалились. Римъ не имѣлъ болѣ бытности, или инако сказать вольность оттуда была изгнана; Республика держалась только въ одномъ станѣ Заговорщиковъ. Цесарь и Антонїй, слѣдуя своему предприятїю, отправились въ Македонїю для войны съ ними. Силы были на каждой сторонѣ почти равны; и естьли Цесарева и Антонїева Пѣхота была числомъ превосходнѣе, то Брутъ и Кассїй на противу того имѣли болѣ сильную Конницу. Въ ихъ войскѣ находилось двадцать тысячь человѣкъ Конныхъ; въ

войскѣ же Триумвировъ не было ни тринатцати тысячь.

Сіи два войска учредили каждое свой станъ не подалеку отъ Города Филиппа, стоящаго на границѣ Македоніи и Ѳракіи. Въ началѣ производимы были малыя наѣзды и сшибки, кои всегда кончились съ выи-
711 грышемъ Заговорщиковъ. На послѣ-
годъ. докъ пришелъ день, въ которой щастье и судьба республики рѣшиться долженствовали. Сіи великіе войски двигнулись и пошли одно противъ другова съ равнымъ устремленіемъ.

Я не буду входить въ подробность произшествія, которое описано многими Историками, и которое не принадлежитъ къ моему сочиненію. Сіе сраженіе рѣшило судьбу республики. Вольность была погребена въ Филипинскомъ полѣ, вмѣстѣ съ Брутомъ и Кассіемъ, Предводителями Заговорщиковъ и послѣдними Римлянами. Брутъ хотя и разбилъ войско Цесарево, но Антоній торжествовалъ надъ

дру-

другимъ, которымъ повелѣвалъ Кассій Сей Полководецъ, полагая что Товарищъ его былъ равно нещастливъ, велѣлъ одному своему отпущеннику себя убить; и Брутъ, покусившись вторично вступить въ бой, разбитъ былъ такъ же; онъ убилъ самъ себя, чтобъ не попасть живому въ руки своихъ неприятелей. Триумвиры по сей побѣдѣ возставили свое владычество на разрушенiи Республики. Толь великiе успѣхи должны быть приписаны не столько храбрости Цесаревой, какъ его искуству и хитрости, чрезъ которую онъ пользовался оружiемъ Антонiевымъ; а самъ онъ въ общемъ дѣлѣ былъ только изобрѣтателемъ предприятiй, коихъ цѣль всегда умѣлъ скрывать отъ обоихъ своихъ Товарищей. Онъ не устыдился предъ самымъ днемъ сраженiя, подъ видомъ не вѣдомо какой болѣзни, отказаться отъ повелѣнiя надъ частью которая была подъ его предводительствомъ; и убѣжавъ отъ

соб-

собственнаго своего войска, сидѣлъ спрятавшись въ обозѣ между тѣмъ какъ происходило сраженïе. Можетъ быть онъ ласкался, что обыкновенныя въ бою гибели и смѣлость Антонïева, освободятъ его отъ властолюбиваго Товарища, и что онъ, не подвергая жизнь свою опасности, возпользуется послѣ одинъ плодомъ побѣды. Но можно ли естественныя въ человѣкѣ движенïи приписывать тонкости его разума? вѣроятно такъ же, что онъ поступилъ въ семъ случаѣ слѣдуя простому чувствованïю страха; ибо извѣстны всѣ посмѣянïи кои онъ послѣ сносилъ отъ Антонïя, который упрекалъ его, что въ сраженïи на морѣ противу молодаго Помпея онъ не имѣлъ ни когда смѣлости смотрѣть на сражающïяся флоты, что онъ лежа въ своемъ Кораблѣ взиралъ только на небо въ отчаянïи, и что не прежде показался передъ своихъ воиновъ, какъ свѣдавъ уже что непрïятели побѣжали.

Стран-

Странно есть смѣшеніе толь противныхъ свойствъ въ одной особѣ, а наипаче въ таковомъ человѣкѣ, который желалъ содѣлаться Владѣтелемъ надъ цѣлымъ Свѣтомъ. Съ высокимъ, смѣлымъ и предпріимчивымъ разумомъ, съ разумомъ способнымъ къ произведенію наивеличайшихъ намѣреній, онъ не могъ однако равнодушно смотрѣть на самыя малыя опасности, а оказывалъ бодрость въ единыхъ только совѣтахъ, и вездѣ гдѣ его особа не была страхомъ обезпокоена.

Онъ издавна возчувствовалъ, что ему не доставало сего главнаго въ Полководцѣ качества; но сіе внутреннее чувствованіе, которое онъ самъ въ себѣ видѣлъ, ни мало не убавило властолюбивыхъ его намѣреній. Онъ рѣшился употребить въ свою помощь храбрость посторонняго человѣка. Онъ можно сказать, ставилъ вмѣсто себя смѣлость Агриппы, заставляя его повелѣвать своими войсками.

сками. Но всегда наблюдая главной видЪ вЪ своемЪ предприятіи, онЪ умышленно выбралЪ, для сей важной и приманчивой должности, произшедшаго просто своею храбростью Предводителя, который слѣдственно не могЪ быть ему соперникЪ, и учинить себя ПредводителемЪ Общества. ОтЪ остатковЪ республики являлся одинЪ только молодой Помпей, который овладѣвЪ СицилійскимЪ ОстровомЪ, производилЪ оттуда на Италійскія берега нападеніи. Нужно было тогда отнять у него таковое убѣжище, которое служило покровомЪ многимЪ еще другимЪ на смерть прописаннымЪ, кои могли возставить Общество любителей вольности Но молодой Цесарь, названный Цесарь АвгустЪ, не имѣлЪ кораблей для сего предпріятія. МеценЪ, его вЪ дѣлахЪ повѣренный, любимецЪ и искуснѣйшій МинистрЪ своего времени, имѣлЪ хитрость достать флотЪ отЪ Антонія; хотя сей ТріумвирЪ долженЪ

былЪ

былъ для своей пользы поддерживать молодаго Помпея въ помянутомъ Острове, который служилъ ему такъ какъ оградою, противу всегда опаснаго властолюбія Августова. Съ другой стороны, Агриппа построилъ новой флотъ. Онъ идетъ на поискъ къ неприятелю, разбиваетъ подручныхъ Полководцевъ Помпеевыхъ, поражаетъ самого его во многихъ случаяхъ, и на конецъ выгоняетъ изъ Острова. Но будучи столько же умѣренъ, или лучше сказать, столь искусной придворной, какъ и великой Полководецъ, онъ отрицается отъ почестей Тріумфа, какія по обычаю у Римлянъ воздавались побѣдоносным Полководцамъ. Діонъ сказываетъ слова кои онъ говаривалъ, что доброй Полководецъ долженъ прилагать всѣ силы къ успѣху намѣреній своего Государя, и когда имѣетъ щастливой конецъ въ предприятіяхъ, то всю славу долженъ приписывать ему, какъ своему Начальнику и главному источнику предпри-

пріятія. Августъ, будучи тогда побѣдителемъ надъ всѣми Республиканами мыслилъ что уже время было откинуть ему своихъ Товарищей. Онъ желалъ царствовать одинъ, и предпринялъ освободить себя отъ двухъ Тріумвировъ; отъ двухъ совмѣстниковъ, которыхъ по обстоятельствамъ онъ принужденъ былъ приобщить къ сему особому наслѣдству Власти его Дѣда.

Онъ низвергъ ихъ одного послѣ другаго. Гибель Лепидова стоила ему только произвесть нѣкоторые коварствы. Сей Тріумвиръ, будучи мало почитаемъ отъ своихъ воиновъ, видѣлъ себя оставлена ими среди своего стана. Онъ овладѣлъ его войскомъ, чрезъ одни хитрыя и тайныя подсылки, въ чемъ ни кто не могъ ему уподобиться. Подъ разными же видами онъ лишилъ своего Товарища Самодержавной власти. Напослѣдокъ сей Тріумвиръ принужденъ былъ вести простую жизнь, и толь

неща-

нещастную, что приводилъ въ жалость и самыхъ главныхъ своихъ неприятелей. Антонїй, напротиву того почитаемъ своими воинами, повелѣвая же лучшею частью Азїи и цѣлымъ Египтомъ, къ тому имѣя сильныхъ Царей въ своемъ Обществѣ и своемъ союзничествѣ, причинилъ гораздо болѣ труда Августу. Но его погибель произвело то что долженствовало быть главнымъ его вспоможенїемъ. Сей великой Полководецъ, упоенъ сильною любовною страстью къ Клеопатрѣ Царицѣ Египетской, и повелѣвая ея Областьми, чаялъ что онъ найдетъ въ нихъ столько силъ сколько находилъ онъ прелестей въ сообщенїи съ сею Царицею. Сїе чрезмѣрное на ея силы упованїе было причиною что онъ не брегъ дѣла въ Римѣ и Италїи, то есть въ срединѣ Имперїи. Августъ воспользовался сею небрежностью, и возставилъ тамъ свое Владычество. Ревность правленїя, толь свойственная

ная между Властителями равными въ достоинствахъ, часто приводила ихъ ко враждѣ; но иногда Октавїя жена Антонїева, сестра Цесарева, а иногда общїе ихъ друзья заставляли ихъ примириться. При всемъ томъ на конецъ они приняли оружїе другъ противъ друга. Они сразирись; и морское побоище, произшедшее возлѣ *Актїума*, рѣшило о владычествѣ надъ Свѣтомъ между сими двумя славными Соперниками. Цесарь, бывъ побѣдитель, гнался за Антонїемъ даже внутрь Египта, и принудилъ его убить себя своею рукою. По его смерти, и по принужденному Лепидову отреченїю отъ правительства, бывшему за шесть лѣтъ передъ Актїумскимъ сраженїемъ, сей Государь увидѣлъ себя на конецъ, къ совершенїю своихъ желанїй, единымъ Повелителемъ и единымъ Самодержцемъ.

Несумнѣнно тогда открылось что онъ желалъ возставить Монархїю на упадкѣ Республики. Но толь

ве-

великая перемѣна производила сильное безпокойство въ душѣ его. Любовь Римлянъ къ вольности, и напоминовенїе Мартовскихъ Идъ, ежечасно представлялись уму его. Юлїй Цесарь дѣдъ его, убитый среди Сената, отъ тѣхъ самыхъ коихъ онъ почиталъ наиболѣ себѣ преданными, заставлялъ его боятся, чтобъ не выискался другой Брутъ столько же твердый Республиканинъ, и чтобъ для возвращенїя вольности своему Отечеству, не простеръ на самый Тронъ убїйственные руки. Природная въ немъ робость колебала въ сердцѣ его приятности удовольствованнаго властолюбїя. Въ семъ безпокоящемъ его волненїи, онъ не могъ рѣшиться, льзя ли ему объявить себя Царемъ, надъ самыми тѣми надъ коими съ начала Трїумвирства онъ содѣлалъ себя Тираномъ. На послѣдокъ онъ тайно о томъ совѣтывалъ съ Агриппою и Меценомъ, двумя своими Министрами и главными орудїями его могущества.

Онъ разсуждалъ съ ними, возставить ли ему республику на прежнемъ ея основанiи, или удержать подъ собою Самодержавное властительство.

Дiонъ Никейскiй, въ пятдесятъ второй Книгѣ своей Исторiи, повѣствуетъ намъ разныя мнѣнiи сихъ двухъ великихъ людей. Агриппа, прилѣпляясь только къ сей славѣ которая приобрѣтается великими дѣйствiями, крѣпко совѣтывалъ ему великодушно отрещись отъ Владычества. Онъ такъ же представилъ Августу всѣ опасности Началовластiя, нетерпимаго вольными людьми и воспитанными въ нѣдрахъ республики. Онъ представилъ ему примѣры Силлы и Цесаря, и увѣщевалъ сего Государя явить Вселенной, отдавъ вольность своему Отечеству, что онъ принялъ оружiе для единаго мщенiя за смерть Отца своего.

Но Меценъ, не представляя Августу блестящую пышность вѣнца Царскаго, поималъ его за самую сильную

вую его слабость, и представлялъ ему, что уже поздно было отступать назадъ; что по пролитїи толь многой крови, ему оставалось спасенїе только на Тронѣ; и что какъ скоро онъ сложитъ съ себя Самодержавную власть, то возчувствуетъ противу себя нападки и гоненїи отъ дѣтей и друзей толикаго множества Знатныхъ людей казненныхъ смертїю, которыхъ нещастное послѣдствїе времянѣ заставило его жертвовать своему сохраненїю.

Августъ, не принимая совершенно и не отрицая вовсе того и другаго совѣта, принялъ третїй способъ который онъ почелъ вѣрнѣйшимъ. Онъ вознамѣрился удержать на всегда Самодержавную власть, но не принимая имени Царя, нетерпимаго въ Республикѣ. Онъ отвергъ для сей же причины и имя всегдашняго Диктатора, которое было причиною смерти его дѣда, а удовольствовался обыкновеннымъ названїемъ Императора, кото-

рое воины во времена республики давали побѣдоносным Полководцамъ, и которое онъ взялъ въ томъ видѣ чтобъ приучить Римлянъ, подъ извѣстнымъ именемъ, къ новому и неизвѣстному до толѣ Властительству. Онъ оставилъ при томъ всѣ Чины и Достоинствы Государственные. Подъ его владенїемъ находились всегда въ Римѣ Консулы, Преторы, Едилы, и другїе Правители республики, кои представляли подобїе древняго Правленїя. Сїи Правители отправляли такъ же всѣ должности по своимъ званїямъ, хотя въ сущности сїи разныя Достоинствы зависѣли отъ единаго вышняго Властительства, которое дѣйствовало ими по своимъ видамъ и пользѣ. Августъ, чтобъ приучить нечувствительно Римлянъ къ своему Властоначалїю, объявилъ всенародно, что онъ принялъ Самодержавную власть на десять только лѣтъ, и что онъ охотно оставитъ оную какъ скоро утвердитъ тишину въ республикѣ.

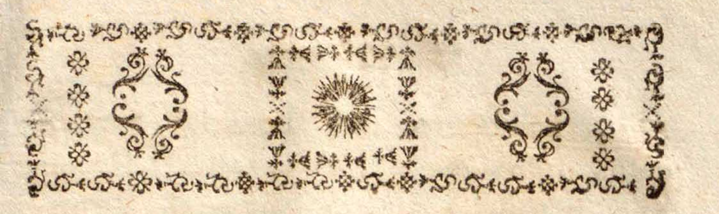
Подъ

Подъ разными видами онъ возобновлялъ однако каждые десять лѣтъ то же увѣренїе и ту же отсрочку, которую страхъ заставлялъ его продолжать для своего сохраненїя. Чтобъ дать при томъ какой ни будь залогъ, онъ, въ замѣну обѣщанной вольности, раздѣлилъ съ Сенатомъ правленїе Провинцїй. Но въ семъ раздѣлѣ, онъ оставилъ Сенату только такїя, кои были внутри Имперїи, и могли быть управляемы безъ войска и гарнизоновъ. А чтобъ имѣть оправдательную причину для всегдашняго содержанїя въ своихъ повелѣнїяхъ Легїоновъ и войскъ, онъ взялъ подъ свое правительство пограничныя Провинцїи, кои были подвержены набѣгамъ отъ варваровъ. Народъ, его попеченїемъ, увидѣлъ себя въ изобилїи подъ его Державою. Цесарь забавлялъ его отъ времяни до времяни играми и потѣхами, кои умягчали нечувствительно гордой нравъ Римлянъ. Сей Государь, толь искуснымъ

правленіемъ, приучилъ непринужденно вольныхъ людей къ рабству, и содѣлалъ новую Монархію, сносную бывшимъ республиканамъ.

Конецъ четвертой надесять и послѣдней Книги.

УКАЗАНІЕ ВЕЩЕЙ

по

АЛФАВИТУ

содержащихся въ семъ третьемъ томѣ.

А.

въ

В.

Г.

Д.

К.

Л.

 ОнЪ

M.

 союзъ

П.

Т.

Ф.

Ц

 перію

раніемъ

КонецЪ указанія вещей.

Типографскїе погрѣшности

въ перьвомъ томѣ.

стран.	*стр.*	*напечатано*	*читай.*
7	16	какїй	какой.
24	15	къ омщенїю	къ отмщенїю
69	5	Ввесторы	Квесторы
72	22	богатство и произ-вели	и богатство пре-извели
81	6	Аврелїй	Валерїй
158	18	а откуда	а оттуда
198	18	часть	честь
217	17	отдается	отдастся
277	20	изъ Капитолїи	изъ Капитолїя
299	24	Сенатора	сего Сенатора
315	23	принимать	приманить
325	14	избраняїхъ	избранїяхъ
367	21	содрягнулся	содрагнулся
406	12	заключать	заключить
415	15	не пришевъ	не пришелъ
419	25	ревности	ревностно
429	6	оныхъ	новыхъ
462	2	и сполнителя	и исполнителя
475	21	и не будетъ	не будетъ
484	8	Авектинъ	Авентинъ
485	13	Авектинъ	Авентинъ

во второмъ томѣ.

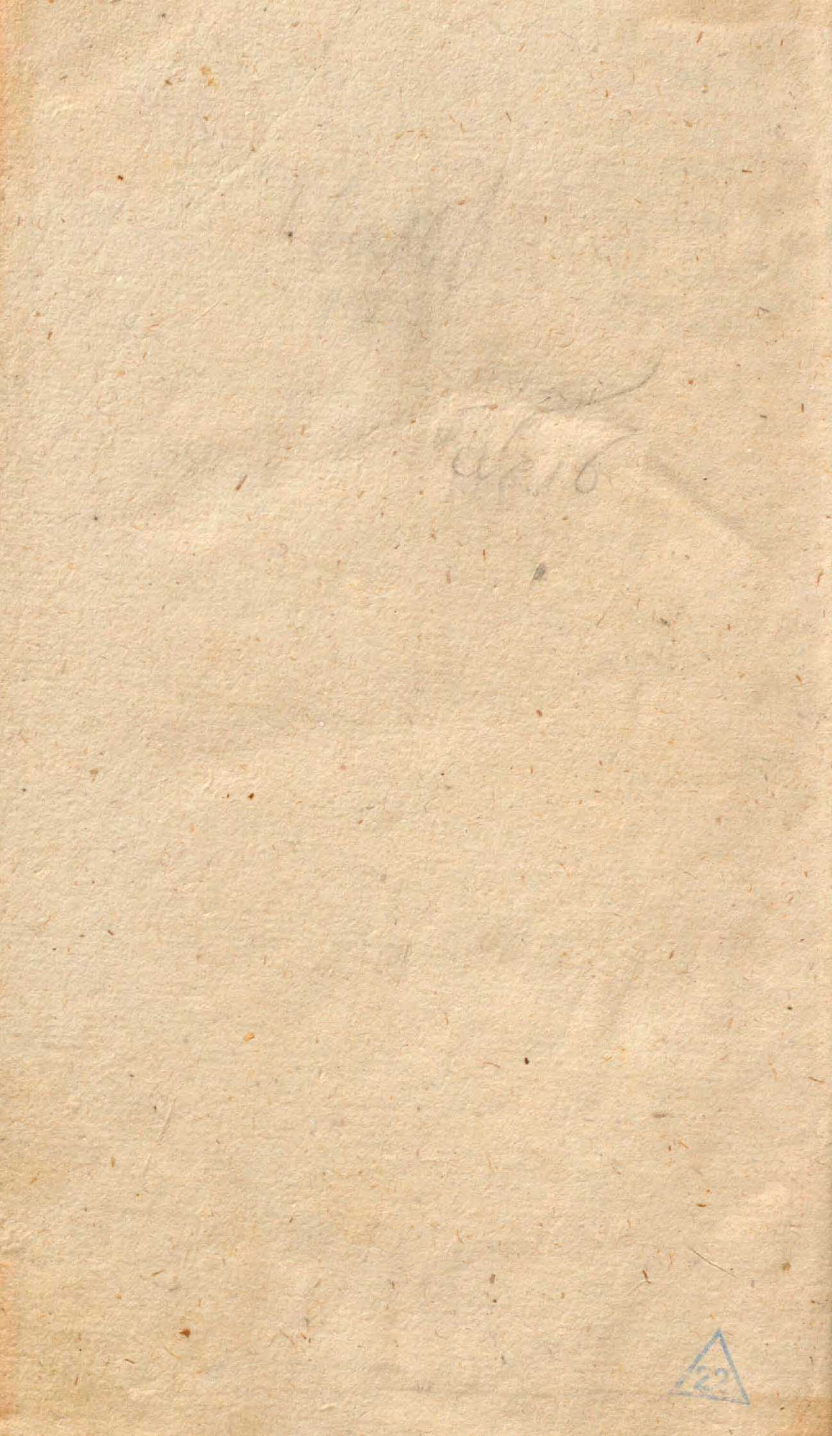
7	7	отъ обоихъ	отъ обѣихъ
17	14	отъ, обоихъ	отъ обѣихъ
37	15	когда не было еще	и не было еще
58	25	и у Корнелїя	и у Валерїя
66	5	въ Регилу	въ Регилъ
139	11	предудверїемъ	преддверїемъ
151	6	о бракосочетанїя	о бракосочетанїи
152	13	лужить	служить
357	9	устарѣлость возраста	устарѣлость

Въ третьемъ томѣ.

39	22	Народа	Народамъ
53	22	отнялъ	отнималъ

стран.	стр.	напечатано	читай.
340	12	пелучилЪ	получилЪ
345	13	той стороны	сей стороны
350	19	кои	коими
363	6	Терентїя	Теренцїя
368	15	Города	Городы
408	15	и его угождатель	его угождатель
413	20	будто просить	будто проситЪ
413	22	и помянулЪ	и потянулЪ

22

пров. МК

2011250018